

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «ВятГУ»)

Хе Чу 贺祺

ХЕ ЦИ

**ТВОРЧЕСТВО Н.Д. ТЕЛЕШОВА
В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ
ТЕНДЕНЦИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Специальность 5.9.1 – Русская литература и литература народов
Российской Федерации

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент В.А. Поздеев

Киров – 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Литературные тенденции конца XIX – начала XX в. и их влияние на произведения Н. Д. Телешова	
1.1. Раннее поэтическое творчество Н. Д. Телешова.....	19
1.2. Своебразие прозы Н. Д. Телешова в контексте тематико- художественных тенденций конца XIX — начала XX вв.	29
1.3. Проблемы семьи и эмансипации женщин в творчестве писателя.....	51
1.4. Духовные традиции в рассказах Н. Д. Телешова	67
1.5. Поэтика пейзажа в произведений Н. Д. Телешова в контексте литературных тенденций начала XX в.	76
Глава 2. Сказочная проза Н. Д. Телешова и особенности фольклоризма конца XIX — начала XX вв.	
2.1. Фольклоризм русской литературы конца XIX — начала XX в.	90
2.2. Модификация жанра литературной сказки и легенды в творчестве Н.Д. Телешова	95
2.3. Отражение восточных мотивов в сказочном творчестве писателя.....	99
Глава 3. Художественно-документальное начало в творчестве Н.Д. Телешова	
3.1. Литературные «Среды» Н. Д. Телешова как развитие литературно- художественных объединений начала XX в.	117
3.2. Художественно-документальная основа путевых очерков.....	131
3.3. Своебразие жанра очерка-воспоминания Н. Д. Телешова.....	149
3.4. Рукописные традиции литературного объединения «Среда». Юмористические мотивы в творчестве Н. Д. Телешова.....	157
Заключение	170
Библиография	175

ВВЕДЕНИЕ

Николай Дмитриевич Телешов (29 октября [10 ноября] 1867, Москва – 14 марта 1957, Москва) – русский и советский писатель, поэт, организатор известного кружка московских писателей «Среда». Николай Дмитриевич родился в купеческой семье в Москве.

В годы учебы, как и многие молодые люди, он увлекся поэзией и пытался опубликовать свои стихотворения. В 1884 г. Н.Д. Телешов закончил московскую Практическую коммерческую академию, после чего стал активно писать стихи, а затем и рассказы. В 1884 г. в журнале «Радуга» Н.Д. Телешов напечатал своё первое стихотворение «Покинутая».

В ранний период творчества Н.Д. Телешов обращался к различным жанрам, что свойственно молодому литератору. Это своеобразный поиск выхода творческой «энергии», поиск своего пути в литературе, но с опорой на существующую традицию. Так, в этот период (1884 – 1892 гг.) он написал ряд лирических произведений, цикл притч («Небылицы (фантастические наброски)») и «Святочную сказку» (другое название – «Наваждение»), бытовые рассказы и очерки, юмористические рассказы, романы («Под серым небом», «Борцы»), повести («Плотинин», «Жизнь Щупова»), несколько циклов рассказов и очерков («Торговое подворье», «Квартиранты и нахлебники»). В 1886 г. Телешов принял активное участие в подготовке сборника молодых поэтов «Искреннее слово».

В русской литературе в 1880–1920-х гг. происходило своеобразное обновление реалистической эстетики и поэтики, подготовленное классиками И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым и, в определенной мере, старшим поколением представителей «народнического направления» (такими, как Г.И. Успенский и его современники Н.И. Наумов, П.В. Засодимский, Н.Н. Златовратский, А.И. Эртель, Н.Е. Каронин-Петропавловский (С. Каронин) и др. – они создали в литературе последней трети XIX века, по выражению Г. В. Плеханова, «новое народническое направление»). В этот период выходят на

писательскую арену В.М. Гаршин, В.Г. Короленко, А.П. Чехов и др., начинает печататься «новое поколение» реалистов: (Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, А.М. Горький, А.И. Куприн, А.С. Серафимович и др., многие из которых и объединились вокруг кружка Н.Д. Телешова «Среда» (1899–1909)). В начале ХХ в. появляются произведения «неореалистов» Б.К. Зайцева, Е.И. Замятин, М.М. Пришвина, С.Н. Сергеева-Ценского, А.Н. Толстого, И.С. Шмелева и др.,

Поэтические опыты Телешова показывают, что автор пытался взять кое-что из поэзии реалистов и поэтики модернизма. Помимо стихов он обращается и к рассказам, которые публиковались в журналах «Семья», «Россия», в политической и литературной газете-журнале «Гражданин». В «Гражданине», издававшемся В.П. Мещерским, (подписывался Н. Телешов псевдонимом – Белобров) публикует рассказ «Счастливый день». Активно сотрудничал в «Детском чтении: журнале для семьи и школы» (редакторы А.Н. Острогорский, Д.И. Тихомиров).

В начале своего творчества писатель ориентировался на «народническую» литературу, но чувствовал, что в России 1890-х годов происходит промышленное развитие, что приводило к значительному увеличению численности городского среднего класса и рабочего класса.

К концу 1890-х годов прекратилось сотрудничество Телешова с консервативной прессой. Свои новые произведения он помещал в либеральных журналах «Мир Божий», «Русская мысль», «Журнал для всех», многочисленных сборниках и альманахах. К кругу знакомств писателя кроме А. П. Чехова, В. А. Гиляровского, И. А. Белоусова присоединились братья Ю. А. Бунин и И.А. Бунины, Н.Н. Златовратский, К.М. Станюкович, Д. Н. Мамин-Сибиряк, редакторы и сотрудники московских журналов.

В творчестве Н.Д. Телешова с 1898 по 1903 год наступил период творческого «спада».

Женой писателя стала Елена Андреевна Карзинкина (1869–1943). Ее родители – купец 1 гильдии Андрей Александрович Карзинкин и София

Николаевна (урожденная Рыбникова) – считаются прообразами картины художника Василия Пукирева «Неравный брак». Елена Андреевна окончила Московское училище живописи, ваяния и зодчества, была ученицей В.Д. Поленова. Жена Телешова имела широкий круг знакомств среди художников и благодаря ей на «Средах» бывали художники А. Я. Головин, К. К. Первухин, А.М. Васнецов, И.И. Левитан. Впоследствии она стала иллюстратором произведений своего мужа. Ей Телешов посвятил свои «Записки писателя». На «Средах» частыми гостями бывали музыканты и певцы Ф.И. Шаляпин и С.В. Рахманинов, артисты Художественного театра.

Н. Д. Телешов был избран 29 ноября 1903 г. действительным членом Общества любителей российской словесности; исполнял обязанности казначея общества с 14 февраля 1909 г.

В период Первой мировой войны в 1915 г. Телешов на свои средства организовал госпиталь в Малаховке под Москвой и выстроил сельскую лечебницу в 1916 г. Он длительное время возглавлял кассу взаимопомощи литераторов и учёных, был инициатором издания различных сборников («Друкарь», «1914 год», «В помощь пленным русским воинам») и постановок любительских спектаклей писателей, являлся присяжным суда чести при обществе печати и литературы.

Он был в свое время «заметной фигурой», которая объединяла многих писателей Москвы. Как писатель он был достаточно разносторонним: начинал с публикаций стихов, в зрелом возрасте писал прозу, воспоминания, однако, его творчество не было столь ярким на фоне писателей «первого круга» того времени. После Октябрьской революции Телешов принимал участие в работе Народного комисариата просвещения. Телешов активно принимал участие в делах пролетарских писателей. Большие связи с писателями, музыкантами, артистами, художниками Москвы и провинции давали ему возможности не только заниматься изданием книг и сборников, но и осмысливать историю литературного процесса последних десятилетий до революции и после. Знакомство с артистами МХТ, доскональное знание истории создания,

творческих биографий известных артистов и режиссеров, дали ему возможность участвовать в организации Музея Московского художественного театра, директором которого был с 1923 г. (Камергерский переулок, д. 3а). В 1920-е годы он задумал цикл «Легенды и сказки»: «Крупеничка» (1919), «Зоренька» (1921), некоторые сказки и легенды остались в рукописях.

Общественная деятельность Н.Д. Телешова и возраст оказались на творческих планах.

С 1925 г. Н.Д. Телешов обратился к написанию мемуаров, которые периодически печатались в разных изданиях. В 1943 г. они вышли отдельной книгой под названием «Записки писателя», в которой отразились событиях литературной жизни Москвы конца XIX- начала XX вв. В послевоенные годы вышло много переизданий его рассказов, повестей.

Н.Д. Телешов – знаток истории Москвы, поэтому на его квартире проходили заседания членов городской комиссии «История московских улиц» Общества охраны памятников истории и культуры Москвы. Умер 14 марта 1957 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Рукописные материалы писателя хранятся в архиве «Музея-квартиры Телешова», в РГАЛИ, ЦГАЛИ, архиве ИРЛИ (Пушкинский дом). Н.Д. Телешов оставил большое эпистолярное наследие. Он переписывался различными деятелями искусств, литераторами. В его письмах отразились не только литературно-издательская деятельность, но и быт, повседневность писателей конца XIX – начала XX в. Заметное место в эпистолярии занимают письма к другу И.А. Бунину – выдающемуся русскому писателю, лауреату Нобелевской премии.

Степень изученности проблемы. Последние два десятилетия современное литературоведение активно занимается изучением литературного процесса конца XIX - начала XX века. Литературный процесс подразумевает функционирование творчества писателей, их произведений в историко-культурном, социальном, психолого-эмоциональном времени и пространстве. Историко-литературный процесс отражает основные

тенденции, формируемые различными аспектами действительности, литературы, искусства. В этот период активно возникают внелитературные связи, которые оказывают влияние на тенденции литературного процесса. Писатели «младшего» поколения, усваивая или преодолевая опыт литераторов «старшего» поколения, открывают новое содержание и формы, закрепляют их в своем творчестве. Как писал Б.В. Томашевский, «в вопросе о передаче литературной традиции от старшего писателя к младшему необходимо учитывать три момента: усвоение младшим писателем творчества старшего писателя, реакцию писателя на усвоенную им традицию и отражение этой традиции в творчестве младшего поколения»¹. В трудах историков литературы отмечался в 1880-1900-е годы в России особый интерес к народному творчеству, поэтому именно в советский период продолжалось осмысление взаимосвязи фольклорных и литературных тенденций в историко-литературном процессе. В связи с рассмотрением художественных тенденций этого периода возникает необходимость осмысления и введения в научный оборот отношения к различным историко-литературным тенденциям конца XIX - начала XX века «забытых писателей» или, как еще их называли, «писателей второго ряда», которые создавали литературный фон, а в некоторой степени и выражали идеи и тенденции, впоследствии ставшие определяющими в литературе.

Литературоведы обращали внимание на генезис, эволюцию и трансформацию, на художественные особенности этих литературных тенденций, движений. Огромное значение имело для исследователей становление новой парадигмы идеологических взглядов писателей конца XIX - начала XX века.² По мнению исследователей, писатели «искали» свое место

¹ Томашевский Б. Пушкин — читатель французских поэтов// Пушкинист. IV. Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. Москва; Петроград: ГИЗ, 1922 [обл. 1923]. С.210-211. стр. 210—228

² Келдыш В.А. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и русская революционная поэзия. Москва: Наука, 1964. 239 с.; Громов П. П. А. Блок, его предшественники и современники. Ленинград: Советский писатель, 1986. 600 с.; Муратова К.Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. Москва; Ленинград: Издательство: «Наука», 1966. 279 с., Русская литература конца XIX – начала XX века, ТТ. 1-3. М. 1968-1972; Судьбы русского реализма. Ленинград: Издательство: «Наука», 1972. 283 с.; Келдыш В.А. Русский реализм начала XX века. М., 1975; Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX века. М., 1975; Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Ленинград: Советский

в литературном процессе этой эпохи, примыкали к тем или иным литературным группировкам, кружкам или разрывали устоявшиеся связи.

В дореволюционной критической литературе творчество Н.Д. Телешова освещалось слабо, чаще всего в статьях и обзорах периодики: П.С. Коган «Из жизни и литературы»¹; М. Протопопов «Простые таланты»²; А.Ф. Кони «Н. Телешов. Повести и рассказы Москва, 1902 г. Рассказы. С.-Петербург. 1903 г.»³; А.В. Луначарский «О чести»⁴ (перепеч. в сб. автора: Критические этюды, М., 1925).

После революции интерес к творчеству Н.Д. Телешова несколько возрастает, появляется статья Ю. Соболева «Н. Телешов» (1925).⁵ Особенное внимание вызывает книга Телешова «Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом» (так, С.Н. Дурылин в статье «Телешов и его «Записки» подчеркивает значимость этих воспоминаний. Он писал, что «Записки писателя» – это воспоминания не о том, как Я был писателем, а о том, как Мы были писателями. Мы – от прославленного Чехова до никому неведомого поэта-самоучки Слюзова...»).⁶

В 1950-1960-е гг. творчество Н.Д. Телешова рассматривалось в аспекте формирования реализма, поэтому его имя стояло в ряду с М. Горьким, с издательством «Знание». В этот период в коллективных трудах и монографических исследованиях с разной степенью полноты историки

писатель, 1975. 552 с.; Орлов В. Перепутья. Из истории русской поэзии начала XX века. Москва: Издательство «Художественная литература», 1976. 367 с.; Долгополов, Л.К. На рубеже веков: о русской литературе конца XIX-начала XX в. Ленинград: Советский писатель, 1985. 351 с.; Спиридонова (Евстигнеева) Л.А Русская сатирическая литература начала XX века. Москва: Наука, 1977. 301 с.; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX - начала XX века, 1890-1904: [в 2 кн.] / [Б. А. Бялик и др.; редкол.: Б. А. Бялик (отв. ред.), В. А. Келдыш, В. Р. Щербина]; Акад. наук СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Социал-демократические и общедемократические издания. Москва: Наука, 1981, 1981. 388 с.; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX - начала XX века, 1890-1904: [в 2 кн.] / [Б. А. Бялик и др.; редкол.: Б. А. Бялик (отв. ред.), В. А. Келдыш, В. Р. Щербина] ; Акад. наук СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Буржуазно-либеральные и модернистские издания / [М. А. Никитина и др.]. Москва: Наука, 1981, 1982. 370 с.

¹ Коган П.С. Из жизни и литературы// Образование. 1899. № 7-8. 78 с.

² Протопопов М. Простые таланты //Русская мысль, 1903. № 3. С. 3-4.

³ Кони А.Ф. Н. Телешов. Повести и рассказы Москва, 1902 г. Рассказы. С.-Петербург. 1903 г./Кони А. Ф. Воспоминания о писателях/ Сост. вступ. ст. и комм. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. Москва: Правда, 1989. С.582-587.

⁴ Луначарский А. В. О чести//Правда. 1905. № 9-10. С.164-181.

⁵ Соболева Ю. Н. Телешов// Журналист. 1925.№ 3.

⁶ Дурылин С.Н. Телешов и его «Записки»// Октябрь. 1945. № 1-2. С. 165-166.

литературы пытались рассмотреть особенности литературного процесса эпохи перехода от «критического реализма» к модернизму и возникновения нового реализма. В десятом томе академической «Истории русской литературы» (1954) есть раздел «Николай Дмитриевич Телешов», написанный С. В. Касторским.¹

Творчество Н.Д. Телешова оставалось мало изучено в плане отражения литературно-фольклорных тенденций конца XIX - начала XX вв., хотя как организация писателем литературных «Сред», а также его воспоминания привлекали исследователей с 1950-1960-х гг. – это вступительные статьи В. Борисовой, В.Е. Владимира, В.Н. Григоренко, А. Дерман, С. Дурылина, А. Лесс, К. Пантелеевой, которые предваряют сборники произведений Н.Д. Телешова, издаваемых в разных издательствах.²

В статье М.И. Шемеловой «Творчество Н.Д. Телешова»³ раскрывается историко-культурная и литературно-общественная деятельность писателя. Исследовательница одной из первых обратила внимание на писателей 1890-1900-х годов, которые группировались вокруг литературно-художественного кружка «Среда». По мнению ученого, творческий путь писателя неразрывно связан с революционно-демократическим направлением в России. С этих позиций он пишет путевые очерки, рассказы, повести. М.И. Шемелова опирается на оценки, которые дали творчеству Н.Д. Телешова, особенно переселенческому циклу, такие известные писатели, как Н.Н. Златовратский, А.М. Горький.

¹ Касторский С.В. Николай Дмитриевич Телешов//История русской литературы: В 10 т. Ленинград: АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. Х. Литература 1890–1917 годов. 1954. С. 574–606.

² Борисова В. Н.Д. Телешов// Телешов Н.Д. Избранные сочинения: В 3 т. Т.1. Москва, 1956. С.5-21; Владимиров Е.В. Н.Д. Телешов// Русские писатели в Чувашии. Чебоксары, 1959. С. 122-132; Григоренко В.Н. Телешов. Переселнцы. Рассказы. М., 1929//Книга и революция. 1930. № 2. С. 39-40; Дерман А. Писатель-общественник//Телешов Н. Избранные рассказы. Москва, 1935. С. 175-177; Дурылин С. Н.Д. Телешов// Телешов Н.Д. Избранное. М., 1948. С.3-17; Лесс А. Юбилей старейшего писателя//Крым: Литературно-художественный альманах. Симферополь, 1952. № 9. С. 202-205; Пантелеев К. Н.Д. Телешов// Телешов Н. Заметки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. Москва, 1958. С. 370-383.

³ Шемелова М. И., Творчество Н. Д. Телешова//Вестник ЛГУ. Сер. истории яз. и литры. 1957. № 14; История русской литературы конца XIX - нач. XX века// Библиографический указатель, под ред. К. Д. Муратовой. Москва; Ленинград, 1963. С. 94-108.

Рассмотрению историко-литературных аспектов деятельности «Среды» и поэтике произведений Н.Д. Телешова посвящены диссертации и статьи И. И. Владыкина, Г.А. Зябревой, С. М. Денисовой, К. Е. Пантелеевой, О. А. Мамонтовой, В.А. Поздеева, Хе Ци.¹

В диссертации С.М. Денисовой «Творчество Н.Д. Телешова (1884-1916 гг.)» рассматривается дореволюционный период творчества, который представляется наиболее плодотворным для Н.Д. Телешова. Исследователь сосредоточивается на анализе формирования взглядов, а также на формировании жанровой системы, особенно рассказов молодого писателя.²

В диссертации И. И. Владыкина «Творчество Н.Д. Телешова» также сделан довольно подробный обзор и анализ произведений писателя. И.И. Владыкин сопоставляет варианты, редакции некоторых произведений Телешова, написанных в дореволюционный период и в изданиях советского времени. Он приводит конкретные примеры редактирования повести «Мещанская драма» и романа «Дети», дает описание рукописей в архивах Москвы и Ленинграда.

Диссертация Г.А. Зябревой посвящена выявлению и исследованию типологических связей в творчестве писателей-реалистов С.И. Гусева-Оренбургского, В.Г. Тана-Богораза и Н.Д. Телешова. Исследовательница отмечала, что «в русле критического направления «крестьянской» литературы входит творчество С.И. Гусева-Оренбургского, В.Г. Тана-Богораза, Н.Д. Телешова, чьи произведения тоже имеют смелую общественную

¹ Владыкин И. И. Творчество Н.Д. Телешова.: автореф... дис. кан. филол. наук. Москва, 1969. 14 с.; Денисова С. М. Творчество Н.Д. Телешова, 1884–1916 гг.: автореф... дис. кан. филол. наук/ С.М. Денисова. Томск, 1969. 16 с.; Пантелеева К. Е. Н.Д. Телешов (к проблематике творчества).: автореф... дис. кан. филол. наук. Москва, 1971. 14 с.; Мамонтова О. А. Творчество Н. Д. Телешова в контексте русской литературы 1880 – 1920-х гг.: автореф... дис. кан. филол. наук. Томск, 2013. 22 с.; Мамонтова О. А. Формирование творческой системы Н.Д. Телешова в контексте литературного быта 1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 9 –12.; Хе Ци, Поздеев В.А. Духовные традиции древнерусской литературы в рассказах Н.Д. Телешова начала XX века // Литература Древней Руси и Нового времени: Материалы XII всероссийской конференции, посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, Москва, 01– 02 декабря 2022 года / Под общей редакцией Е.В. Николаевой и Н.В. Трофимовой. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. – С. 201-209. – EDN BTJLDH.

² Денисова С. М. Творчество Н.Д. Телешова, 1884–1916 гг.: автореф. дисс.. кан. филол. наук. Томск, 1969. 16 с.;

направленность, обладают немалой познавательной силой, но составляют другую типологическую группу нового реализма». ¹

Диссертация К.Е. Пантелеевой «Н.Д. Телешов (к проблематике творчества)» интересна тем, что автор ставит задачу детального анализа значительных произведений писателя, а также задачу «выявить общие закономерности творчества писателя», сгруппировав их по проблемам.²

В 1971 г. в Азербайджанском государственном университете защищена диссертация Х.А. Касимовой «Проза Н.Д. Телешова дореволюционного периода (вопросы реализма творчества)». Автор ставит задачей анализ идейно-художественных исканий Телешова-реалиста. Как итог исследования докторант писала, что «Н.Д. Телешов не принадлежал к писателям, которых можно было назвать властителями дум в самом высоком смысле этого слова. Его творчество не находилось на магистрали литературного процесса на рубеже двух веков, но, несомненно, что эпоха первой русской революции, оказавшая очень плодотворное воздействие на судьбы многих демократически настроенных писателей-реалистов, дала знать о себе и в творчестве одного из верных спутников Горького по "Знанию"»³.

В статьях и диссертации О.А. Мамонтовой⁴ творчество Н.Д. Телешова рассматривается с точки зрения влияния на представителей реалистической школы различных историко-литературных факторов, так как писатель его творчество и литературная деятельность интересны прежде всего тем, что он был в свое время «заметной фигурой», которая объединяла многих писателей Москвы. В диссертации О.А. Мамонтова рассматривает различные жанры, к которым обращался писатель, показывает, что он был достаточно

¹ Зябрева Г.А. Своебразие критического реализма в прозе С.И. Гусева-Оренбургского, В.Г. Тана-Богораза и Н.Д. Телешова: автореф. дисс. кан. филол. наук. Симферополь., 1986. 29 с.

² Пантелеева К. Е. Н.Д. Телешов (к проблематике творчества). автореф... дис. кан. филол. наук. Москва, 1971. с.

³ Касимова Х.А. Проза Н.Д. Телешова дореволюционного периода (вопросы реализма творчества).: автореф... дис. кан. филол. наук/ Х.А. Каисмова. Баку, 1971. 19 с.

⁴ Мамонтова О. А. Творчество Н. Д. Телешова в контексте русской литературы 1880 – 1920-х гг.: автореф... дис. кан. филол. наук. Томск, 2013. – 22 с.; Мамонтова О. А. Формирование творческой системы Н.Д. Телешова в контексте литературного быта 1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 9 –12.

разносторонним: начинал с публикаций стихов, в зрелом возрасте писал прозу, воспоминания. Особый интерес в ее диссертации сосредоточен на творческой биографии писателя, его дореволюционном художественном и историко-литературном наследии, так как писатель общался с многими представителями художественной интеллигенции того времени, которые, несомненно, оставили след в его творчестве. В Приложении к диссертации автор приводит полный перечень текстов Н.Д. Телешова, опубликованных и хранящихся в различных архивах. Несмотря на то, что аспекты художественной и организационной деятельности Телешова, в определенной мере исследованы, в настоящее время назрела необходимость более пристального изучения.

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью рассмотрения творчества Н.Д. Телешова, писателя и литературно-общественного деятеля, в контексте тенденций и развития русской литературы и фольклоризма литературы, а также особенностей литературного процесса в России 1880-1940-х гг. Его произведения являются своеобразным отражением трансформации различных социокультурных влияний того времени. В связи с этим актуальным является выявление тенденций и влияний историко-литературного процесса в России рубежа веков на творчество Н.Д. Телешова. В результате актуальным является и осмысление оригинального творческого потенциала художественной, документальной прозы, а также своеобразие основных тенденций в поэтике произведений Н.Д. Телешова. Эти тенденции по-разному проявляются в произведения Н.Д. Телешова. На этом фоне выявляются новые взгляды на проблемы, возникающие при обращении к дореволюционному и послереволюционному творчеству Н.Д. Телешова, а именно, к той области его литературного творчества, которая отразила особенности развития общего процесса идейно-эстетического и формального размежевания литературных сил на рубеже XIX - XX столетий.

Целью работы является на основе анализа творческой деятельности и взглядов Н.Д. Телешова выявить его творческой индивидуальности в контексте фольклорно-литературных тенденций, выразившихся в его художественных и публицистических произведениях, а также определить влияния на историко-литературные процессы творческого потенциала литературного кружка «Среда» Н.Д. Телешова.

Поставленная цель обусловила необходимость решения **следующих задач**.

1. Обобщить и систематизировать новые научные и архивные источники по теме диссертационного исследования.

2. С целью выявления типологических особенностей творчества Н.Д. Телешова изучить своеобразие фольклорно-литературных тенденций конца XIX – начала XX вв.

3. Провести анализ поэзии и прозы Н.Д. Телешова в контексте исканий и тенденций русской литературы конца XIX – начала XX вв.

4. Рассмотреть своеобразие путевого очерка Н.Д. Телешова, способы и приемы формирования путевого нарратива в очерках и рассказах об Урале и Сибири.

5. Определить вклад общественно-литературной деятельности Н.Д. Телешова в развитие русской литературы начала XX в.

Объектом анализа стали фольклорно-литературные тенденции конца XIX – начала XX вв., отразившиеся в творчестве Н.Д. Телешова, а также художественное своеобразие его творчества в целом.

Предмет исследования – особенности проблематики и поэтики творчества Н.Д. Телешова в историко-литературном контексте конца XIX – начала XX века, отмеченным фольклорно-литературными тенденциями.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном анализе творчества Н.Д. Телешова, его художественной и документально-мемуарной прозы, общественно-литературной деятельности. Исследование углубляет понимание особенностей фольклоризма и литературных тенденций в

произведениях писателя, осмысляет историко-литературный контекст конца XIX – начала XX века, которому нашли отражение трансформации различных социокультурных влияний. Диссертация предлагает новую интерпретацию основных черт творческой манеры писателя, а также исследуются характерные особенности поэтики ранних поэтических публикаций, повестей, рассказов, сказок, очерков, поздних автобиографических и мемуарных произведений Н.Д. Телешова.

Теоретико-методологическую основу данной работы составили исследования ученых, рассматривающих фольклоризм и литературно-эстетические тенденции конца XIX – начала XX вв. Внесли вклад по теории и практике фольклоризма литературы работы А.А. Горелова, В.Е. Гусева, У.Б. Далгат, Л.И. Емельянова, А.И. Лазарева, Д.С. Лихачева, Д.Н. Медриша, А.М. Новиковой, В.А. Поздеева, Э.В. Померанцевой, Н.И. Савушкиной; по истории русской литературы рубежа XIX–XX вв. – труды Е.Г. Эткинда, В.А. Келдыша, В.Б. Катаева, Л.К. Долгополова, Л.А. Колобаевой; по проблемам реализма литературы XX в. – работы В.М. Жирмунского, С.Г. Бочарова, Л.Я. Гинзбурга, Л.К. Долгополова, В.Б. Катаева, К.Д. Муратовой, Э.А. Погоцкой; М.М. Бахтина; по теории литературного быта – труды Ю.Н. Тынянова, Ю.М. Лотмана, В.Э. Вацуро, Манфреда Шруба. Исследованию творчества Н.Д. Телешова посвящены работы И.И. Владыкина, С.М. Денисовой, И.А. Айзиковой, О.А. Мамонтовой и др.

В диссертации были использованы следующие научные методы гуманитарного исследования: сравнительно-исторический, культурно-исторический, биографический и метод целостного анализа художественного произведения. Анализ материала в зависимости от конкретных задач использовался системно-комплексный подход исследования, а также различные приемы анализа художественного текста. В связи с тем, что автору диссертации приходилось работать с материалами периодики, а также с архивными документами, были проанализированы малоизвестные произведения писателя и введены в научный оборот.

Теоретическая значимость заключается в том, что существующая картина литературного процесса России 1890-х – 1910-х годов дополнена исследованием творчества Н. Д. Телешова. Предпринятый в данной диссертации методологический подход к анализу фольклорно-литературных, эстетических тенденций конца XIX – начала XX века и отражения их в творчестве Н.Д. Телешова способствует развитию понимания литературного процесса того времени, определяет способы воплощения авторского сознания в разных жанровых системах. Широкий творческий диапазон писателя дает возможность сформировать особый инструментарий для дальнейшего анализа различных жанровых форм, произведений данного периода. Материал диссертации уточняет и углубляют представления об особенностях развития фольклорно-литературного процесса в русской литературе на рубеже XIX-XX веков.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в литературоведческих и фольклористических исследованиях, посвященных творчеству «второстепенных» писателей XX века и их участию в литературном процессе переходной эпохи, при изучении истории русской литературы, чтении специальных курсов по истории литературы переходной эпохи конца XIX – начала XX вв. и при монографическом изучении творчества Н.Д. Телешова.

Основные научные положения, выносимые на защиту:

1. На основе фактов биографии и литературно-критической рецепции творчества Н.Д. Телешова можно говорить о своеобразии и особенностях фольклорно-литературных тенденций конца XIX – начала XX вв., которые воспринял писатель: это крестьянский вопрос, проблемы переселенцев, в частности их детей, проблемы семьи и эмансипации женщин, проблемы религиозного мировоззрения, отражение революционных настроений и др.

2. Сказки, легенды, рассказы, очерки, повести, воспоминания Н.Д. Телешова показывают, с одной стороны, творческую самобытность автора,

的独特性与他所创造的艺术世界相比，另一个是——对另一艺术传统——俄罗斯古典文学的意象和诗学传统的继承。

3. Н.Д. Телешов развивал тип «русского травелога», который продолжал традиции отечественной путевой литературы, но в то же время предлагал читателю новое видение судеб людей, природы Урала и Сибири, бедствий войны и революционной атмосферы столицы и провинции.

4. В литературе XX века наблюдается тенденция к соединению документального и художественного начал, что позволяет авторам создавать произведения, одновременно отражающие реальные события и личные переживания. Одним из ярких примеров такого синтеза является сборник «Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом» Н.Д. Телешова. Писатель мастерски раскрывает документальные сюжеты, создавая многогранные и живые образы современников, что придает им особую многослойность. Н.Д. Телешов использует в «Записках писателя» некоторые формальные элементы документальной и художественной прозы.

5. Проблематика художественного наследия Н.Д. Телешова обусловливает принадлежность его творчества к литературе реалистического направления XIX – начала XX вв., что подтверждается наличием в его произведениях общих для писателей-реалистов тем, художественных приемов наряду с чертами, сближающими Н.Д. Телешова с писателями реалистического направления, выявляются тенденции, связанные с модернистской поэтикой.

6. В художественном творчестве Н.Д. Телешова можно видеть признаки сближения с символистской эстетикой, проявляющиеся, прежде всего, в символизме образов, природных явлений, в раскрытии изменчивости человеческих чувств. В произведениях писателя символизм становится одним из средств художественного видения мира, которое включает особенности фольклоризма, сформированного на основе взаимовлияния реалистических и модернистских течений.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности ВАК. Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации по следующим направлениям: 4. История русской литературы XX века (1890-1920-е годы); 10. Биография и творческий путь писателя. 11. Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; 12. Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии; 18. Роль духовной словесности в становлении светской литературы.

Личный вклад автора состоит в уточнении и расширении литературоведческих представлений о жанровых особенностях, поэтики произведений Н.Д. Телешова и его литературно-организаторской деятельности. Личный вклад автора состоит в разработке комплексного подхода к решению поставленных проблем, определении целей и задач исследования, разработке структуры диссертации, сборе фактического, в том числе архивного, материала, его систематизации, анализе художественного текста в избранном аспекте, апробации результатов исследования в форме докладов на научных конференциях и публикации научных статей.

Достоверность и апробация результатов исследования. Достоверность результатов, полученных в ходе исследования, подтверждается анализом художественных источников и проработкой критической, историко-литературной, теоретической литературы. Все выводы основываются на анализе текстов Н.Д. Телешова и другого текстуального материала. Полученные результаты были изложены на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения «Вятского государственного университета», а также выступлениях на различных научных конференциях.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования апробированы в докладах на международных научных конференциях «Слово и текст в культурном и политическом пространстве.»

(Сыктывкар, 2022, тема доклада – «Своеобразие жанра биографического очерка в творчестве Н. Д. Телешова»), «Древнерусская литература и литература нового времени» (Москва, 2022, тема доклада – «Духовные традиции древнерусской литературы в рассказах Н. Д. Телешова начала XX в.»), «Слово и текст в культурном и политическом пространстве.» (Сыктывкар, 2023, тема доклада – «Духовные традиции древнерусской литературы в рассказах Н. Д. Телешова начала XX в.»), «Общество. Наука. Инновации» (Киров, 2023, тема доклада – «Роль пейзажа в рассказе «Против обычая» Н. Д. Телешова»), а также в 7 публикациях, 3 из которых размещены в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации.

Структура диссертационного исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 89 наименования, и приложений.

ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Н.Д. ТЕЛЕШОВА

1.1. Поэтические тенденции в России конца XIX – начала XX вв. и раннее творчество Н.Д. Телешова

Н.Д. Телешов входил в литературу, когда в России происходили различные социально-политические и культурно-эстетические сдвиги. В 1880-е годы в России происходит спад революционного настроения, усиление контроля в том числе за учебными заведениями. Молодые люди, как и в другие времена, обращаются к поэтическому творчеству. В это время появляются публикации стихов в журналах, альманахах и газетах, а также множество сборников известных и малоизвестных поэтов, а также поэтов-самоучек, выходцев из крестьян, рабочих.

Можно отметить, что в конце XIX в. отмечен своеобразный «лирический всплеск», но эту поэзию часто обозначают как переходную, в которой формировались несколько направлений: неореалистическое и авангардное. В 1880-е годы в литературе продолжается поэтическое творчество А. Фета, Я. Полонского, А. Плещеева, К. Случевского, А. Апухтина и др. Как писала З.Г. Минц «В русской литературе 1880-х гг. определенно выделяются пласти, объективно близкие к «новому искусству» следующего десятилетия и привлекавшие внимание символистов, которые, удовлетворяя предложенному выше определению «пре-системы», могут быть объединены понятием «пре(д)символизм. Это – лирика «школы Фета», поздненародническая поэзия, «философская поэзия» восьмидесятников, творческая система Вл. Соловьева, стилистические поиски «натуралистического», «импрессионистического»,

«неоромантического» и т.п. характера и ряд других явлений литературы эпохи»¹

Однако в России формируется целая плеяда талантливых молодых стихотворцев: С. Надсон, К. Фофанов, Н. Минский, П. Якубович, К. Р. (Константин Константинович Романов), С. Андреевский, А. Голенищев-Кутузов, К. Льдов, Вл. Соловьев, Дм. Мережковский, З. Гиппиус, М. Лохвицкая, С. Фруг, Д. Цертелев, П. Соловьева, О. Чюмина и многие другие.

В этот период поэты, продолжающие традицию некрасовской школы, развивают свою поэзию, выдвигается целый ряд поэтов-самоучек. Поэзия последователей творчества Н.А. Некрасова, а также творчество поэтов «Суриковского литературно-музыкального кружка», который дал плеяду поэтов из народа, оценивается как значительное явление в истории русской словесности.² Для многих молодых поэтов поэтический сборник «Рассвет» стал объединяющим. И. Суриков привлек поэтов разных по происхождению и таланту: С. Дерунов, И. Воронин, С. Григорьев, М. Козырев, И. Родионов, А. Разорёнов, Е. Назаров, М. Савин, Д. Жаров, И. Кондратьев и др.

После смерти И. Сурикова с 1880 до 1905 года одним из руководителей кружка суриковцев был Иван Белоусов близкий друг Н.Д. Телешова.³ В некоторых исследованиях взгляд на эту поэзию представляется как на поэзию эклектическую, отличающуюся отсутствием общего типа миропонимания и оригинального формотворчества, как период только подражательной, а потому «вырождающейся» поэзии.⁴ Однако такая лирика позволяла не столько экспериментировать в области поэтики стиха, сколько помогала развивать реалистические тенденции и раскрывать актуальные социально-

¹ Минц З.Г. «Новые романтики» К проблеме русского пресимволизма//Минц З.Г Поэтика русского символизма. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2004. С.163

² См.: Скатов Н.Н. Поэты некрасовской школы. Ленинград: Изд-во «Просвещение», 1968. 224 с.; И.З. Суриков и поэты-суриковцы [Избранное] / Вступ. статья [с. 5-54], биогр. справки, подгот. текста и примеч. Е.С. Калмановского. Москва, Ленинград: Сов. писатель, 1966. 515 с. (Библиотека поэта).

³ См.: Белоусов И. А. Литературная Москва: (Воспоминания 1880-1928): Писатели из народа. Писатели-народники. Москва: Моск. товарищество писателей, [1929]. 150 с.

⁴ См.: Нечаева В. С. Эпигоны «светского стиля» в русской поэзии конца XIX века // Литература и марксизм. 1929. № 4. С. 123-127; Ермилова Е. В. Поэзия на рубеже эпох // Смена литературных стилей. На материале русской литературы XIX-XX веков. М., 1974. С. 122-177.

политические проблемы. Оттого одной из тенденций того времени было издание сборников молодых поэтов. Начинающие поэты стремились опубликовать свои первые стихи не только на страницах журналов и газет, но и на средства взаимной помощи они публиковали сборники, которые становились своеобразным «пропуском» в «большой» поэтический мир.

На этом фоне в 1884 г. в журнале «Радуга» Н.Д. Телешов напечатал своё первое стихотворение «Покинутая», в котором начинающий автор стремится подражать известным темам поэтов-суриковцев, поэтов-самоучек и городских романсов.

Покинутая

Бедная, бедная! Сколько страдания

В юности было твоей.

Твердо несла ты судьбы испытания,

Укор и насмешки людей.

<...>

Молодость светлую, молодость вольную

Друг твой на век загубил:

Тебя горемычную, деву бездольную,

Он обманул и забыл.¹

В этом журнале публиковались такие его ранние стихотворение «Любуюсь твою красою», «Давно ли мы друг друга лишь узнали», «Я рано жизнью измучен», «Воспоминания о Кисловодске», «После разлуки», «Косцы», «Былое», «Привет тебе», «В альбом М.М. [М. Михайловой]». Уже в первых стихах проявляются влияния популярных среди молодежи поэтов И.С. Никитина, А.Н. Плещеева и особенно С.Я. Надсона.

В 1885 г. Н.Д. Телешов опубликовал поэму «22 августа 1612 года», которая передает эмоциональное состояние перед изгнанием поляков из Москвы:

Россия гибла. Знамена

¹ Телешов Н. Покинутая// Радуга. 1884. № 26-27. С.552.

Не развивались горделиво
И не блестал уже счастливо
Могучий гений Скопина...¹
В конце поэмы поэт провозглашает, что отряд «отважных казаков»
«могучим строем» нагрянул на «усталых ляхов».

В сборнике молодых поэтов «Искреннее слова» (М., 1886) Н.Д. Телешов помещает несколько своих стихотворений. Н.Д. Телешов вспоминал позже, как он сам воспринимал работу над этим сборником, что «после долгой и упорной возни, доставившей мне много неведомых до того времени мук, но также и неведомых наслаждений, книга была издана под названием «Искреннее слово». В ней было сто десять страниц, участвовало девять авторов, в одинаковой степени никому не известных»². В этом сборнике и в стихах Н.Д. Телешова можно увидеть две тенденции, отражающих влияние «старших» поэтов. Первая тенденция – это следование традиции «некрасовско-суриковской школы», молодой поэт пытается раскрыть «тяжесть» того времени. Социальных тем в стихах Н.Д. Телешова не так много, но они присутствуют или как бы «спрятаны» в личных переживаниях. Так в стихотворении «Косцы» поэт, изображая вслед за Кольцовым и Плещеевым косцов, восклицает:

Все с плечей могучих поснимали косы...
Боже, как все бедны! Бедны все да босы!..
<...>
Дорого ты стоишь, русское терпенье!
Будет ли несчастье, горе-ль попадется, –
Вынесет крестьянин, хоть в дугу согнется.
Русское сердечко много зол накопит,
Но при первом разе – все в вине утопит.³

¹ Телешов. Н. 22 августа 1612 года//Радуга. 1885. № 12. С. 275.

² Телешов Н.Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом//Телешов Н.Д. Избранные сочинения: в 3 т. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С.14.

³ Телешов Н. Косцы//Радуга. 1885. № 10. С.230.

Такая поэзия сближает молодого человека с творчеством «поэтов из народа». Образность, фольклоризм его стихов были связаны, прежде всего, с национальным культурным кодом, памятью народа (хотя Телешов – сын купца, живущий в Москве). Так, в более поздние годы Н.Д. Телешов знакомится с поэтом-крестьянином С.Д. Дрожжиним, самоучкой А.И. Слюзовым как представителями и продолжателями поэзии Кольцова, Плещеева и Никитина. В своих воспоминаниях Н.Д. Телешов рассказывает об встречах с этими поэтами, о их трудной судьбе. Впоследствии Н.Д. Телешов писал о деятельности А.И. Слюзова: «Пересматривая теперь целую связку брошюр в синих, желтых и серых обложках, изданных в Самаре, Казани, Ростове, Москве, я невольно чувствую удивление перед энергией этого несчастного человека, не искавшего ни карьеры, ни славы, но бескорыстно работавшего всю жизнь над любимым делом и редко встречавшего что-либо, кроме насмешек.

Прав он был или нет, но твердо верил в культурное значение русских самоучек, стихов, товарищеских сборников и дешевых изданий, надеясь, что этим путем, по его же словам:

Вековечный застой разбивается:

Будет грамотен русский народ.

А где в небе заря занимается,

Там и красное солнце взойдет!»¹.

Телешов в стихотворении «Счастья!», в названии которого слышится своеобразное просьба-восклицание, прощается с беззаботным детством, с детскою любовью, но он понимает, что вокруг него жизнь требует «обновления»:

Я пойду за счастьем, но пойду за новым.

И знамена жизни гордо разверну...²

¹ Телешов Н. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом// Телешов Н.Д. Избранные сочинения: в 3 т. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С.197-198.

² Телешов Н.Д. Искреннее слово. Сборник стихотворений, Москва: Тип. Л.Ф. Смирнова, 1886. С.12.

В образной системе первых стихов Н.Д. Телешова, еще робко прорывается голос автора, заявляющий о себе в форме первого лица. Стихотворное «я» свидетельствует, что он ищет свой путь в условиях неизвестного будущего. В стихах Н.Д. Телешова есть темы, которые были популярны среди молодых людей и которые волновали их. Это тема первой любви, любви тайной, иногда неразделенной:

Да я люблю тебя... Как никого, люблю!
И никогда тебя я не забуду!
Я стану жить тобой, любить мечту твою,
Но быть рабом твоим – не буду!
И муки, и печаль я перенесть готов,
Готов перестрадать мученья ада, –
Лишь делить как раб с тобой удел рабов:
Свободная любовь моя отрада.¹

Вторая тенденция – в стихах Телешова организующими являются эмоциональные переживания молодого лирического героя, который только «входит в мир», но уже во многом разочарован, который уже видит недостатки общества. Телешов, используя метафоры, стремится показать эти недостатки, трудности:

Тучею свинцовой, тучею сплошною
Омрачилось небо и грохочет гром.
Молния сверкает золотой змеею...
Душно, тесно, мрачно и мертвко кругом!..
Так и вы умчитесь, молодые годы,
Оборветесь струны, песню не допев.
И бессильно сгинет, не дождавшись всхода,
И добра, и света жизненный посев...²

¹ Там же. С.14.

² Телешов Н.Д. Искреннее слово. Сборник стихотворений, Москва: Тип. Л.Ф. Смирнова, 1886. С.16.

В этом видится отклик на эмоциональное состояние поэтов-восьмидесятников, основными эмоциями которых становятся грусть, печаль, страдания, уныние, тоска, отчаяние, определяющие общее художественное восприятие мира. Как пишет Л.П. Щенникова «специфика субъективности таких поэтов, как С. Надсон, Н. Минский, Вл. Соловьев, К. Фофанов, С. Фруг, К. Случевский. Дм. Мережковский определялась не столько утратой общественных идеалов и ощущением социально-политического гнета, сколько переживанием богооставленности, мирового одиночества, ощущением потери светоносного Центра мира. Доминирующими переживаниями становятся "страдание", "уныние", "грусть", "печаль", "тоска" и "отчаяние", не уничтожившие жажду Святынь, надежду на обретение Нового связующего Начала. Переживаемое время метафорически означается поэтами как "сумерки", "потемки", "мгла", "мрак" и т. п. Это мучительное противочувствование является эмоциональной основой созидаемых ими художественных миров. Лирики пытаются брать на себя трудную миссию религиозно-этического поиска»¹. Те же настроения повторяет в стихах Н.Д. Телешов. Пространство и время художественного мира его стихов, их идейная нагрузка созвучны с известными мотивами страдания, одиночества, пресыщенности жизнью:

Я рано жизнию измучен,
Страстями рано утомлен
И с грустью тайной неразлучен
И к наслажденьям охлажден.²

В этом стихотворении Телешов явно корреспондирует с настроением поэзии М.Ю. Лермонтова («Выхожу один я на дорогу» 1841), С.Я. Надсона.

Я б умереть хотел на крыльях упоенья,
В ленивом полусне, навеянном мечтой,
Без мук раскаянья, без пытки размышленья,

¹ Щенникова Л.П. Русская поэзия 1880-1890-х годов как культурно-исторический феномен. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Екатеринбург, 2003. С.16.

² Телешов Н. «Я рано жизнию измучен...»//Радуга. 1885. № 2. С.36.

Без малодушных слез прощания с землей.¹

(С. Надсон «Мелодия» 1880)

Н.Д. Телешов в стихотворении «Между дерев в глуши лесной...» использует «парафраз» из Пушкинского «Анчара», но вместо «дерева яда», поэт описывает можжевельник.

Скучна, мрачна, тесна как гнет,

Его природная темница.

Ни зверь лесной к нему нейдет,

Ни человек, ни даже птица.

Бесплодный куст, полуживой,

Растет без цели, без значенья,

И ждет, как участи благой

Кончины давнего мученья...²

Кавказ привлекал многих поэтов России: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Я.П. Полонского и др. У Н.Д. Телешова в стихах звучит тема изгнания, одиночества, связанная с романтическими местами. В этом плане характерен хронотоп стихотворения «Изгнаник». Молодой поэт своего лирического героя отправляет на «роскошный Кавказ»:

Он в изгнанье своем

И суров, и угрюм,

И о крае родном

Полон горестных дум.

Нет в близи никого –

Ни друзей, ни родных.

Не прельщают его

Цепи гор снежных...³

¹ Надсон. С.Я. Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. С. 112.

² Телешов Н.Д. «Между дерев в глуши лесной...» // Искреннее слово. Сборник стихотворений, Москва: Тип. Л.Ф. Смирнова, 1886. С.16.

³ Телешов Н.Д. Изгнаник// Искреннее слово. Сборник стихотворений, Москва: Тип. Л.Ф. Смирнова, 1886. С.19.

Здесь у Н.Д. Телешова есть явная перекличка со стихотворением С. Надсона «В горах»:

К тебе, Кавказ, к твоим сединам,
К твоим суровым крутизнам,
К твоим ущельям и долинам,
К твоим потокам и рекам,
Из края льдов – на юг желанный,
В тепло и свет – из мглы сырой
Я, как к земле обетованной,
Спешил усталый и больной.¹

Я. Полонский тоже представлял Кавказ как место, где встречаются красота природы и одиночество поэта:

Неприступный, горами заставленный,
Ты, Кавказ, наш воинственный край
<...>
Но боюсь — если путь мой протянется —
Из родимых полей в край чужой —
Однокое сердце оглянется
И сожмётся знакомой тоской.²
(«На пути из-за Кавказа»)

В стихах Н.Д. Телешова есть и отражение основных поэтических тенденций того периода, прежде всего, это тема безвременья и страданий. «Парадоксальным кажется то, — отмечает Л.П. Щенникова, — что человек осознает свое духовное бессилие в эпоху интеллектуального взлета, но это кажущаяся видимость: в рассматриваемой ситуации проявляется процесс «отчуждения» интеллектуально развитого человека от исторически сложившейся и мощно питавшей многие века христианской духовной

¹ Надсон С.Я. Полное собрание сочинений/ Вступ. ст. Г.А. Белого. Подгот. текста и примеч. Ф.И. Шушковской. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. С. 80-81.

² Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Маркса, 1896. Т. 1. С. 185 – 187.

парадигмы»¹. В стихотворении «Жизни» поэт сетует, что его жизнь «бедна, бледна, ничтожна,/Туманна, но, как жернов тяжела...», поэтому лирический герой не удовлетворен ею:

Скитаюсь я бесцельно, безнадежно, –
Забытый член без весел и руля...²

В другом стихотворении «В холодной и сырой тюрьме...» лирический герой Н.Д. Телешова прощается с жизнью, в которой его «безвинно удручили», однако, что же он пошлет в этот последний момент жизни небесам: «укор или молитву?». Этого поэт не может определить. В стихотворении «Былое» опять звучат мотивы судьбы, утери былых «отрад и наслаждений»:

Былых отрад и наслаждений
Уже потерян прежний след.
В отжившем сердце нет волнений,
Надежд в душе разбитой нет.³

Н.Д. Телешов в своих ранних стихах еще был достаточно предсказуем в темах, в форме стиха. Дальнейшая дружба с И.А. Буниным не привнесла в поэтическое творчество Н.Д. Телешова какие-либо «улучшения». Настрой на дружбу с Н.Д. Телешовым И.А. Бунин запечатлел в стихотворении «В степи» (1889)

«Мне вспоминается былое счастье,
Былые дни... Но мне не жаль былого:
Я не грущу, как прежде, о былом, –
Оно живет в моем безмолвном сердце,
А мир везде исполнен красоты».⁴

Следуя за известными поэтами, Н.Д. Телешов подхватывает темы, характерные для романской поэзии (даже для городских народных

¹ Щенникова Л. П. О культурно-историческом значении русской поэзии 1880-1890-х годов (С. Надсон, Н. Минский)// Известия Уральского государственного университета. Серия «Проблемы образования, науки и культуры». Вып. 13. (№25). Екатеринбург, 2003. С. 47.

² Телешов Н.Д. Искреннее слово. Сборник стихотворений, Москва: Тип. Л.Ф. Смирнова, 1886. С.17.

³ Телешов Н. былое// Радуга. 1885. № 35. С.75-751.

⁴ Бунин И. А. В степи// URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/ (дата обращения 25.04. 2025)

романсов). В его стихах появляются образы майской ночи, парка густого и тенистого, цветочного поля, на фоне которых случаются ситуации, связанные с встречами и прощаниями. Конечно, в этих локациях развиваются любовные отношения между молодым человеком и любимой. В ранней поэзии Н.Д. Телешова видны влияния городского романса. Мелодраматические мотивы разлуки любимых, неразделенная любовь, запреты встречаться с любимым – вот некоторые мотивы как бы «заимствованные» Телешовым из модных стихов и романсов.

Привет тебе, тенистый сад,
Свидетель тягостной разлуки,
Свидетель счаствия и муки,
Свидетель горя и отрад...¹

Любовные порывы молодого человека в стихотворении «Давно ли мы друг друга лишь узнали...» наталкиваются на «смех, обман, укор, презренье», в итоге «и проклял бы тебя, когда б не так любил».²

Многие ранние стихи Н.Д. Телешова не опубликованы и находятся в архиве «Квартиры-музея Н.Д. Телешова». Стихи Н.Д. Телешова не привлекли внимания читателей и критики, потому что его стихи были «вторичны», то есть их темы и поэтика впитывали особенности самых основных направлений, которые были популярны среди молодых людей того времени. Однако, важно с художественной точки зрения, что молодой поэт смог уловить эти основные тенденции в поэзии 1880-1890-х годов реализма и зарождающегося символизма, стремился к выражению актуальных идей через символы и метафоры.

1.2. Своеобразие прозы Н.Д. Телешова в контексте тематико-художественных тенденций конца XIX - начала XX вв.

¹ Телешов Н. «Привет тебе, тенистый сад ...»// Радуга. 1885. № 12. С.36.

² Телешов Н. «Давно ли мы друг друга лишь узнали...»// Радуга. 1885. № 2. С.36.

Одной из самых острых проблем России второй половины XIX в. была проблема пореформенного крестьянства и его адаптации к новым условиям. Многие литераторы этого периода так или иначе затрагивали проблемы крестьянства в России. Эта тенденция в литературе возникла давно: к проблеме положения крестьян в свое время обращались, условно начиная с Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, Н. П. Николев, А.Н. Радищева. В 40–50-е годы XIX в. представители «натуральной школы» с разных позиций освещали вопросы положения крестьян (И.А. Гончаров, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, А.И. Герцен, Д.В. Григорович В.И. Даль, А.Н. Островский, И.И. Панаев, Я.П. Бутков, А.Ф. Писемский, П.И. Мельников-Печерский и др.) Литераторы брали различные сюжеты из жизни простого народа, изображали крестьянские типы и народный образ жизни. Значительным и своеобразным явлением литературного движения 1860-1870-х гг. были произведения писателей-народников, которые активно влияли на историко-культурный процесс в России. Свой особый вклад в изображение народной жизни внесла русская демократическая проза, представленная в литературном процессе творчеством Н.Г. Помяловского, В.А. Слепцова, Н.В. Успенского, А.И. Левитова, Ф.М. Решетникова, П.И. Якушкина, С.В. Максимова и др.: они художественно исследовали народную жизнь. Известно, что начиная со второй половины XIX в. писатели более пристально обращали внимание не только на социальные проблемы, на положение крестьян, на их бытовую жизнь, а также на характеры простых людей.

В произведениях П. В. Засодимского, Н. Н. Златовратского, Н. И. Наумова, Ф. Д. Нефедова, Г. Успенского, Ф. Решетникова, А. Левитова, В. Слепцова, а также в произведениях писателей-этнографов С. Максимова, Вас. Немирович-Данченко, П. Мельникова-Печерского, А. Писемского, Ф. Арсеньева развертываются сюжеты, которые дополняются этнографическими, бытовыми реалиями из купеческой, крестьянской, мещанской жизни.¹ С

¹ Грачева, А. М. Русская беллетристика 1900–1910-х гг.: Идеи и жанровые формы, [в:] Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза, Москва: ИМЛИ РАН 2009, с. 545; Созина Е. Писатели-этнографы в русской литературе второй половины XIX века:

народнической литературой главным образом второй половины 70-х и начала 80-х гг. связана писательская деятельность Н.Н. Златовратского (1845-1911). В публицистике «Деревенские будни. (Несколько ответов на запросы ученых и неученых людей, из дневника наблюдателя)» (1879), в романах «Устои. Роман «нового человека» деревни» (1880), «Устои. История одной деревни» (1882) идет перекличка с основными проблемами крестьянской жизни. Также писатель продолжает развивать эту темы в рассказах «Авраам», «Деревенский король Лир», «Горе старого Кабана», циклы «Деревенские будни», «Очерки деревенского настроения» и др. Все они – результат внимательного изучения деревенской действительности на материале преимущественно родной писателю Владимирской губернии. Проблемам идейных и нравственных исканий народнической интеллигенции посвящены многие произведения Н.Н. Златовратского.

Н.Д. Телешов отмечал, что «в свое время, в восьмидесятых годах, имя Николая Николаевича Златовратского было очень громким и значительным. Его «Крестьяне-присяжные», его «Устои» – история одной деревни, его «Деревенские будни» читались с захватывающим интересом. Потом, как это бывало обычным в те жестокие времена, вышедшее собрание сочинений было в течение двадцати лет под запретом к чтению в народных библиотеках и читальнях»¹.

Н.Д. Телешов ориентировался и на персонажей повестей и романов Н. Златовратского. Так, Н.Д. Телешов в рассказе «Счастливец» показан Николай Смарагдович, который поменял городскую жизнь на сибирскую деревню, на хозяйство, земли на зaimках, лошадей, покосы, рощи. Герой откровенно говорит с другом-повествователем: «Ты знаешь, меня раньше всюду преследовало несчастье, ни в чем не везло. Я унывал, бесновался, чуть было пулю в лоб с отчаяния не пустил, ну, а теперь это обошлось. Именно "обошлось". А закал, тем не менее, остался; закал хороший! А все отчего было

ремесленники, популяризаторы,nomads from literature?...// Acta Universitatis Lodzienis Folia Litteraria Rossica March 2018 DOI:10.18778/1427-9681.11.03. C.21-33.

¹ Телешов Н.Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. Москва: ГИХЛ, 1956. С.131.

мое горе? Оттого, брат, что жил я среди лентяев, среди трутней да пустозвонов, – вот отчего! А здесь я научился работать. Всю европейщину к чёрту послал, и видишь, в чем хожу. Не до нарядов мне! У меня и земля на заимках, и лошади, и покосы, и рощи. Здесь работой не брезгуют, здесь работа – почет! А народ здесь какой? Не нашим чета! Здесь люди закаленные, испытанные нуждою и горем, но добряки, труженики, а не лоботрясы! Ты здесь не увидишь нигде мужика в лаптях: лапоть, это -- бедность! Не увидишь раскрытой избы. Мужик богат, трудолюбив и честен. К тому же, он не холоп, а человек! Здесь у нас крепостных не бывало и никаких унижений народу в кровь не всосалось...»¹

Н.Н. Златовратский идеализировал крестьянскую действительность, Гл. И. Успенский же рисовал суровую правду. Это отразилось в цикле «полужурналистских, полухудожественных» очерках «Власть земли» Гл. И. Успенского. Современники не без оснований воспринимали произведения писателей как противоположные по своему характеру. Однако в этих произведениях немало и общего, восходящего к самой русской действительности. Г.В. Плеханов писал, что «народническая беллетристика» «ищет в народе не человека вообще, с его страстями и душевными движениями, а представителя известного общественного класса, носителя известных общественных идеалов. Перед мысленным взором беллетристов-народников носятся не яркие художественные образы, а прозаические, хотя и жгучие вопросы народной экономики. Отношения крестьянина к земле составляет поэтому теперь главный предмет их художественных описаний. Есть художники-психологи. С известными оговорками народников-беллетристов можно бы, пожалуй, назвать «художникам-социологам».²

Особняком стоит литературная деятельность Г.И. Успенского 70-80-х гг. Однако в 1880-е гг. многие тенденции народнической литературы уходили в

¹ Телешов Н.Д. Счастливец// Телешов Н. Избранные соч. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.1. С.160-161.

² Плеханов Г. В. Гл. И. Успенский// Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. 5. М., 1958. С. 46.

прошлое. Как отмечал Н.И. Пруцков: «Несомненным достижением народнической прозы является также создание романов, повестей, посвященных как народной жизни («Хроника села Смурина» Засодимского, «Устои» Златовратского), так и жизни, борьбе народнической интеллигенции («Золотые сердца» Златовратского, «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» Осиповича-Новодворского, позднее «Андрей Кожухов» Степняка-Кравчинского и др.)»¹.

П.В. Засодимский освещает крестьянской темы, жизнь пореформенной деревни в романах «Кто во что горазд» (1878), «Степные тайны» (1880), в ряде повестей, очерков. Интересен роман «По градам и весям» (1885), посвященный судьбам народнического движения. В последний период своей жизни П.В. Засодимский успешно выступал и как детский писатель («Задушевные рассказы», «Бывальщины и сказки» и пр.)

Войдя в литературный процесс в период революционной ситуации в России и в послереформенную эпоху, литература писателей-народников отразила новый подход к изображению народа, выяснила реальные картины его жизни, стала «знанием времени», воссоздала в русской литературе крестьянский мир в переломный исторический момент, запечатлев различные тенденции развития реализма. Литераторы, принадлежавшие или близкие к народничеству, ставшие основой последующей демократической литературы, публиковали свои произведения в таких изданиях как, «Отечественных записках», «Русских ведомостях», «Деле», «Слове», «Устоях», «Русском богатстве». В их произведениях ставились актуальные вопросы того времени, изображение крестьянского мира все больше получало выражение как сложного переплетения социальных и в то же время этических и индивидуально психологических проблем человека.

Достаточно полно такие проблемы освещены в статье Б.В. Кондакова, который отмечал, что «нравственный идеал, представленный в виде «нормы»,

¹ Соколов Н.И. Проза писателей-народников//История русской литературы. Расцвет реализма/Редакторы тома Ф.Н. Прийма, Н.В. Пруцков. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1982. Т.3. С. 569.

встречается во многих произведениях Н. Каронина-Петропавловского – повести «Мой мир», «Рассказах о парашкинцах» и «Рассказах о пустяках» («Фантастические замыслы Миняя»; «Ученый»), романе Н. Златовратского «Устои», «Очерках деревенского настроения» и повестях «Скиталец» и «Безумец», романе П. Засодимского «По гардам и весям», а также ряде других романов, повестей и рассказов. Во внутреннем мире этих произведений выделяется «срез» художественного пространства или времени, с которым в сознании воспринимающего соотносится представление об этической норме частной жизни и общественного устройства»¹.

Н.Д. Телешов обратил внимание на то, что газета «Русские ведомости» «привлекала лучших писателей, в ней участвовали видные силы литературы, науки, искусства, общественности, как Л.Н. Толстой, Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Чернышевский, который после долгой ссылки подписывался там псевдонимом «Андреев», Вл. Короленко, писавший знаменитые статьи о Мултанском процессе, М. Горький впервые появившийся в столичной печати с рассказом «Емельян Пиля» в 1893 году, А.П. Чехов, Серафимович...»².

Для Н.Д. Телешова образцами для него в юношеские годы были произведения Лермонтова и Тургенева. Современные писатели также влияли на его творчество, например, из современников наибольшее влияние оказывал на него Гаршин. По признанию писателя, сильное впечатление произвели на него также первые рассказы В.Г. Короленко.

В русской литературе 1890-1900-е гг. развивались реалистические тенденции, связанные с осмыслиением положения не только крестьянства, но новых слоев – рабочих, городской и сельской бедноты. В литературе наметилось несколько типологических направлений. Так в прозе В.В. Вересаева, Н. Гарин-Михайловского, А. Серафимовича и других на первый план выходило воспроизведение сложных условий существования бедноты.

¹ Кондаков, Б. В. "Этическое пространство" русской литературы 1880-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4-1. С. 100.

² Телешов Н.Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом// Телешов Н.Д. Избранные сочинения: в 3 т. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С.262-263.

Как и их предшественники, эти писатели старались показать социальное неравенство, угнетение героев, тяжелые бытовые ситуации. Социальные аспекты не позволяли писателем этого направления сосредоточиться на анализе психологии персонажей. Г.В. Плеханов указывал на сложность отношений группы писателей-реалистов к народничеству: «Народничество как литературное течение, стремящееся к исследованию и правильному истолкованию народной жизни, – совсем не то, что народничество как социальное учение, указывающее путь „ко всеобщему благополучию“». Первое не только совершенно отлично от другого, но оно может <...> прийти к прямому противоречию с ним»¹.

Среди писателей-реалистов нового поколения 1880-х г. были такие, у которых изначально существовала тесная внутренняя связь с тематикой народнической литературы. Она заключалась кроме особого рода тематических перекличках, также и в изображении народных персонажей. Однако у таких писателей, которые вступили в литературу в конце 1880-х годов (Н.Д. Телешова, С. Гусева-Оренбургского, В. Тана-Богораза и др.), наряду с изображением форм эксплуатации и насилия, можно видеть, как менялось мироощущение простых людей разных сословий. Помимо социо-экономических и культурных различий разных сословий писатели «нового» поколения старались в своих произведениях сделать акцент на внутреннем мире персонажей, раскрыть индивидуальные особенности, которые отражали типологические особенности социальной среды.

Период «безвременья» накладывает отпечаток на тематику литературы. В 1885 г. Н.Д. Телешов пишет рассказ «Проклятый» и авторские притчи «Бессмертка и роза», «В траве», «Судьба», «Коридор», которые опубликовал в 1893 г. в книге Н.Д. Телешов «Небылицы (фантастические наброски)» (Киев, 1893). И хотя в это же время он пишет и стихи, но все больше склоняется к прозе.

¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, Т. 5. М., 1958, с. 71. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/pruckov-rascvet-realizma/proza-pisatelej-narodnikov.htm> (дата обращения: 18.03.2025)

В периодике того времени преобладал жанр бытового рассказа, однако, Н.Д. Телешов «углубляет» его, то есть дает изображение внутренней жизни персонажей. После первого появляются рассказы в 1888 г. («Счастливый день», «Гаврюшка», «На реке», «Петух», «Холостяк»). Рассказы, написанные и опубликованные по большей части в газете «Гражданин. Литературные приложения», изображают тусклую картину мира провинциального города, атмосферу духовной пустоты. Некоторые рассказы подписаны псевдонимом Н. Белоброва.

В конце XIX - начале XX вв. в полной мере встала проблема развития капиталистических отношений в России, в связи с этим писатели отразили в своих произведениях тему денег, эксплуатации («На тройках», «Сухая беда»). Н.Д. Телешов делает попытку осмыслить такие процессы, хотя в его прозе чаще всего показаны события, протекавшие в кругу купцов, промышленников. Так, в рассказе «Проклятый», тема денег решается в бытовой плоскости. Герой рассказа старик Тимоша за свою жизнь видел много горя, но сын-скопец теряет человеческое достоинство ради того, чтобы распоряжаться большим богатством умирающего купца. Телешов показывает желтое, безжизненное лицо сына-скопца, соблазненного золотом. Этот портрет вызывает эмоциональный отклик отца Тимоши, читатель в этом ощущает не прямое осуждение социального явления, а нравственное противопоставление добра и зла. Писатель пытается решить проблему в «общечеловеческом плане».

Уже в одном из первых рассказов «Петух» Н.Д. Телешов раскрывает, какими способами добывают деньги. Травников говорит старику Захару Фомичу о том, что в трактире на петушиных боях «зашив денежку» – своеобразный тотализатор, где ставят на петухов. Писатель показывает, как реагирует каждый на свои ставки: кто-то осторожен, кто-то «задорен». Захар Фомич перед ставкой испытывает волнение, которого давно не испытывал, также он волновался за своего «Солового», который бился с «Черным» петухом кондитера. Казалось бы, петушиные бои – это просто забава для

мещанского сословия, однако они ставят на того или иного петуха, выигрывают или проигрывают, писатель в такой символической форме показывает суть капиталистического общества. Побеждает в бою не сильный, а хитрый: «Соловый» из последних сил выклевывает оба глаза «Черному» – такова символика рассказа. Изображение «власти денег» – это общая тенденция для русской литературы, но каждый писатель реализует эту тему по-своему. Телешов, видевший быт и нравы московских купцов, подмечает и показывает особенности поведения и характеры их.

В повестях «На тройках» и «Сухая беда» писатель вывел разные типы купцов. Н.Д. Телешов в перечислении купцов, которые едут на Ирбитскую ярмарку дает не только их внешние особенности, но и отмечает социальные статусы, намерения. «Тут ехали и завзятые торгаши с вечною думой на лице – перехитрить всех на свете, были и степенные люди, именуемые "русаками", с бородами лопатой и бородами козлом, были бритые туляки, похожие не то на хлыстов, не то на актеров, а больше на южных колонистов-немцев; ехали солидные представители именитого купечества, ехали доверенные крупных фирм и приказчики всевозможных категорий, имеющие право здороваться с купцами за руку и не имеющие»¹. «Среди пассажиров первого класса сидел молодой человек лет двадцати, с румяными щеками и едва пробившимися усиками, Мефодий Иванович Кумачев, сын известного миллионера, только еще весною покинувший школьную скамью. Он ехал впервые на ярмарку – из любопытства»². Многие исследователи говорят об обширном влиянии известных писателей на творчество Н.Д. Телешова. Так, в рассказе «На тройках» видятся аналоги с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя и в сюжете, и в обрисовке деталей.

В эти годы появляется сборник «На тройках», сборник очерков «За Урал», циклы «По Сибири» и «Переселенцы». В ряде рассказов Н.Д. Телешова видное место занимает жизнь купцов, мещан, крестьян. Его рассказы

¹ Телешов Н.Д. На тройках// Телешов Н.Д. Избранные сочинения: в 3 трех томах.. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С.167.

² Там же. С.167.

наполнены простонародной речью. Н.Д. Телешов знал и ценил умные народные шутки, их острый емкий язык. Он писал: «...остроумная шутка бывает иной раз значительнее длинной речи». Пословицы, поговорки, присказки писатель вводит в речь своих героев. «Вывали и у вороны большие хоромы, а ныне и кола нет», – говорит Зверобоев («Мещанская драма»)¹; «Спеши, не спеши, а раньше возможности не поспишь» такую пословицу приводит заявляет паромщик Еремей («Хлеб-соль»)²; в рассказе «Крамола» Воронов говорит: «Вы слыхали пословицу: дурная трава из поля вон», на эту пословицу Федор отвечает: «А вы слыхали пословицу: «Бог не выдаст, свинья не съест!».³

Также писатель обращается в «переселенческих рассказах» к теме детства. Детство как важнейшая нравственно-философская тема постоянно волновала русских писателей рубежа XIX – XX веков. Не случайно поэтому столь характерным для русской литературы стало обращение к истокам жизни человека – его рождению, миру детства, отрочества в произведениях С.Т. Аксакова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, В.Г. Короленко, Н.Г. Гарина-Михайловского и других. Переселенчество – это явление отразилось в русской литературе у разных писателей. В рассказах, повестях достаточно ярко показан переселенческий быт, нравы, характеры, то есть особый мир, что раскрывается в «художественном мире» произведения.

После Октябрьской революции, которую Н.Д. Телешов приветствовал, он обращается к революционным событиям 1905 года. В 1933 г. Н.Д. Телешов пишет повесть «Начало конца» из цикла «1905 год». Эта повесть, в которой раскрывается судьба московского официанта, простого человека. Герой проходит через суровое и великое время: Москва, Люберцы, митинги и баррикады, революционеры и чёрная сотня. Писатель в соответствии с

¹ Телешов Н.Д. Мещанская драма// Телешов Н.Д. Указ. соч.Т.1. С.109.

² Телешов Н.Д. Хлеб-соль// Телешов Н.Д. Указ. соч.Т.2. С.148.

³ Телешов Н.Д. // Телешов Н.Д. Указ. соч.Т.2. С. 57.

современными установками показывает зарождение классового сознания и ненависти, кровавая расправа царских палачей над русским народом. Ужасающая своей обыденностью сцена пира "победителей", усмирителей бунта, на котором они хвалятся своими действиями по уничтожению мирных и зачастую ни в чём неповинных людей. Но это уже ими движет страх и предчувствие будущего краха.

Одной из социальных проблем пореформенного периода стала проблема «малоземелья» в Центральной России. В до реформы до 1861 года в России переселение в основном крестьян происходило часто стихийно. После отмены крепостного права крестьяне стали массово искать «новые земли», поэтому за период с 1861 по 1882 годы в Сибирь переселились более 240 тысяч человек, как правило в Томскую и Тобольскую губернии Западной Сибири. 50 тысяч человек отправились на Дальний Восток, причём значительная их часть из соседних восточносибирских районов Иркутской губернии и Забайкальской области. Так, с 1883 по 1905 год в эти регионы переселились более 1 млн 640 тысяч человек.¹ В ходе столыпинской реформы в 1906-1914 годах численность переселенцев ещё более увеличивается. Такое движение народа породило и массу социальных и личных проблем. Русские писатели, естественно, обратили внимание на это социокультурное явление, отразили судьбы переселенцев в своих произведениях. Тяжелая дорога с насиженных мест на Урал и в Сибирь таила много испытаний, утрат, разочарований. А.П. Чехов посетил остров Сахалин, обратная дорога его шла по Сибири, Уралу, поэтому он видел, как обустроились переселенцы.

Писатели обратили внимание на положение детей переселенцев. Они испытывали еще большие тяготы в отличии от взрослых. Их судьба была трагична. Вообще русские писатели рубежа веков обращались не только к созданию литературы для детей, но дети являлись и персонажами многих

¹ См.: Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Санкт Петербург: Типография «Общественная польза», 1905. 83 с.

произведений. Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, Гарин-Михайловский, М. Горький и другие создали целый ряд запоминающихся детских персонажей. Н.Д. Телешов также не обошел эту тенденцию вниманием. Он написал целый цикл рассказов о переселенцах.

Писатели и публицисты раскрывали тему переселенцев в разнообразных жанрово-стилевых формах: отдельные «зарисовки» в повестях, циклы рассказов, очерков и даже стихотворений. Такое многообразие подмечено в статье Л. Г. Беспаловой «“Переселение крестьян в Сибирь” в творчестве русских писателей». По сути, исследователь впервые объединила известные имена писателей данной тематики¹. Об отношении Н.С. Лескова к переселению в Сибирь писала Е.А. Макарова в статье «Проблема русских переселенцев в рецепции Н.С. Лескова»². Н.С. Лесков писал: «В обозе он (мужик – Хе Ци) с изумительным терпением сносит все и все ему ни почем; на барке ему все в тягость. Измочит его в обозе дождь, слякоть в колено растворится, небо серое, обогреться и обсушиться негде, продрогшие ребятишки поднимут писк... но все это еще не угнетает привычной к страданиям души переселенца. Он наденет себе на плечи старый рогожный куль и, насупив брови, шагает по дорожному «тротуару»; но он не сердит. Он готов разговориться и о том, какие господа бывают на белом свете, и отчего Симка в «вошпитале» помер, и как его в этом вошпитале «потрошили», или же «как черт шутки шутит». И ничего! Ни на что он не жалуется, и не скучно ему. Ночлег на мокром выгоне под рваною свитенкою – штука некомфортабельная, но мужичок и о ней мало заботится. Бабу с ребятами на телеге лубком накроет, а сам прислонится на корточках к оглобле или к колесу, подберет под локти свой рогожный плащ, надвинет на брови шляпенку да так

¹ Беспалова Л. Г. «Переселение крестьян в Сибирь» в творчестве русских писателей // Земля Тюменская: Сб. Тюмен. обл. музея. Тюмень, 1965. Вып. 4. С. 53–63.

² Макарова Е.А. Проблема русских переселенцев в рецепции Н.С. Лескова// Вестник Томского государственного университета. 2008. № 1 (2). С.58-66.

и продремлет чутким сном до тех пор, пока на востоке забрезжится первая светлая полоска ранней зари»¹.

Г.И. Успенский в цикле «Очерки переходного времени. Поездка к переселенцам» (1889) отмечал, каково было простым мужикам с семьей добираться до «новых земель». Он писал, как нетерпеливы были мужики попасть быстрее и обустроиться на новом месте: «Не всегда, однажды урезонивается нетерпеливый человек. Я видел одного из таких нетерпеливых. Сговорившись не оставлять своих "курских" и ехать на лошадях, он, по счастию, в тот же день уже купил и лошадь, и телегу. Нетерпение снова овладело им в еще большей степени, чем прежде. Едва он приехал с лошадью и телегой в барак, как тотчас же принял таскать в телегу вещи. Валил он их как попало, один узел на другой, торопился и был весь мокрый от пота.

– Ребят-то куда ж посадишь?

– Эво, колько места ребятам!

– Да ведь на них свалится этот мешок-то! И этот!

– Авось нет!..

– Да постой, постой! – урезонивал его старый гвардеец-сторож (к несчастью, однако, "убивец", хоть и неосторожный), – не спеши ты, не суетись! Ты подумай, как ты ребят по жаре повезешь? Видишь, как палит? Ведь они огнем сгорят...

– Авось ничего... рядном... у баб есть!..

– У баб, у баб! Чего ж ты рядном их будешь кутать, и так жарко... Поди вон наруби хворостины, видишь вон у берега?

– Эво чего!

– Да ты не дури, бестолковый человек! Сделай кибиточку, накрай рядном-то... Долго ли сбегать нарубить? Чего ты как угорелый суешься? Надо толком справить, дорога дальняя...

– Справим и дорогой!

¹ Лесков Н.С. О русском расселении и политико-экономическом комитете// Лесков Н. Честное слово. Москва: «Советская Россия», 1988. С. 62.

Так и не урезонил нетерпеливого, уехал, не подождав своих, даже ни на кого не оглянулся»¹.

Н.Д. Телешов обратился к теме переселенцев, так как эта проблема была достаточно актуальна. Он изображает в рассказах и очерках 1890-х годов разные аспекты переселенческой жизни. О.А. Мамонтова обратила внимание на цикл Н.Д. Телешова «Переселенцы». Она писала: «Таким образом, единство цикла рассказов Телешова «Переселенцы» видится в единстве метасюжета переселения, который восходит к ветхозаветному сюжету, организованному рядом мотивных дилеммий. Все это важно не только для понимания места мотива переселения в системе литературных мотивов, но и для понимания функции библейского дискурса в эстетике писателя»². Такой взгляд исследователя на параллель с Ветхим заветом, на наш взгляд, не совсем корректен, так как в России «переселенчество» было обусловлено экономическими причинами, а в начале XX века было организовано правительством.

Особая участь была у переселенческих детей и подростков, которые разделяли тяготы со взрослыми. В рассказах о переселенцах Н.Д. Телешова на фоне, казалось бы, незначительных событий показаны сложные духовно-нравственные и социально-нравственные конфликты личности ребёнка и подростка с социальной действительностью. Н.Д. Телешов показывает мир детства и взрослый мир, не противопоставляя их. В его рассказах эти миры таковы, что узнаваемы в деталях, словах, поступках детей и взрослых. После выхода рассказов Н.Д. Телешова критики того времени оценили, как писатель изобразил переселенцев, их детей, женщин, стариков, которые шли, ехали в далекие края. С.В. Касторский отметил, что «критика 90-х годов склонна была видеть самостоятельность, зрелость Телешова, "несомненное и окрепшее литературное дарование" его в рассказах о переселенцах ("Самоходы", "С

¹ Успенский Г.И. Поездки к переселенцам. В переселенческих бараках// Успенский Г.И. Том 8. Из цикла "Очерки переходного времени". Поездки к переселенцам. Невидимки. Из цикла "Мельком". Рассказы. Москва: ГИХЛ, 1957. С.286.

² Мамонтова О.А. Метасюжет переселения в Сибирь в творчестве Н.Д. Телешова// Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С.69-70.

богом", "Нужда", "Домой" и др.). Тема эта была очень актуальной. Телешов вместе с Буниным откликнулись на это трагическое явление в жизни русского крестьянства. Рассказ "Домой" Телешов посвятил Бунину. В своих рассказах о переселенцах писатель нарисовал страшные своей правдой картины мук, лишений народа в поисках "обетованной земли"; голод, повальная смерть от эпидемий, страдания детей-сирот, произвол властей, возвращение ни с чем в конец разоренных мужиков на старые, покинутые ими места. В рассказах немало ярких образов крестьян: это то покорные своей тяжкой доле, вернее, отупевшие от горя люди, то бунтари с мечтой-утопией о справедливом царстве – мужицкой коммуне»¹.

Эти произведения создают известность писателя в литературных кругах конца XIX – XX веков. И.А. Бунин писал по поводу издания прозы Н.Д. Телешова: «"Буран и переселенцы" мне нравится – пиши, ради Бога, пиши и кати в "Жизнь". Рецензия Недолина в "Жизни" будет не ругательная, по его словам, признает вполне талант. Читал ли в "Рус^{<ской>} мысли"?» Здесь речь идет об отзыве на книгу Телешова «Повести и рассказы» (М., 1899) в журнале «Русская мысль» (1899. № 10. С. 363 – 364. Без подписи)². В 1899 г. вышли «Повести и рассказы» Н. Телешова, в журнале «Русская мысль» (1899. № 10) опубликована небольшая заметка в рубрике «Библиографический отдел». В заметке отмечается «значительное число рассказов г. Телешова посвящено жизни переселенцев, которую он хорошо знает и тепло описывает. Перед читателем встают несчастные дети, покинутые родителями или оставшиеся на пути круглыми сиротами».³ Однако рецензент критические относится к рассказу «Дуэль». Он писал, что «грустное впечатление производит рассказ совсем их другого быта «Дуэль» Сильнее всяких рассуждений говорит он против этой зверски регулированной мнимой защиты чести. Немного растянут, но оригинален и талантливо написан «Маленький роман». <...>

¹ Касторский С. В. Николай Дмитриевич Телешов// История русской литературы: В 10 т. Т. Х. Литература 1890-1917 годов. Москва: АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), 1954. С. 574-606.

² Письма И.А. Бунина: № 386 Письмо И. Бунина Н. Телешову// <http://bunin-lit.ru/bunin/letters/letter-389.htm> (дата обращения 3.09.2025)

³ Беллетристика// Русская мысль. 1899. № 10. С. 363 - 364.

Очень хорош рассказ «Ошибка барина». <...> Менее удаются г. Телешову рассказы на психологические темы, на философские проблемы («Жертвы жизни»). В общем книга г. Телешова оставляет очень приятное впечатление литературною порядочностью и искреннею гуманностью»¹

В Сибири писатель встретился с крестьянами, которых называли «самоходами», то есть те люди, которые самостоятельно искали лучшей доли в далеких краях. Переселение в «лучшие обетованные земли» соотносится с историческими и библейскими мотивами. Так в Священном Писании мотивы странствия и переселения являются достаточно распространенными. В Библии описывается изгнание людей из Эдема. Этот же мотив связывается с переселением Авраама, а также исходом еврейского народа и отмечается «частные случаи», например, из-за голода в Вифлееме Иудейском Елимелех ефраянин переселялся с женой Ноемини и двумя сыновьями, а затем Руфь возвращается на родину и др. Переселение соотносится и с библейской концепцией вознесения праведников в Небесный Иерусалим. Таким образом, в русской прозе начала XX в. о переселенцах эти сюжеты помимо реалистических мотивов, ассоциируются с глубокими духовно-религиозными истоками. О.А. Мамонтова пишет: «С нашей точки зрения, в творческом сознании Телешова переселение в Сибирь ассоциировалось с вавилонским переселением избранного народа, с одной стороны, и переселением праведников в Царство Небесное – с другой. Основанием для данных сопоставлений являются сами тексты писателя»². Переселенцы в произведениях Н.Д. Телешова не совсем «праведники», так как их быт, заботы сосредоточены на самых необходимых вещах для выживания.

Н.Д. Телешова свои наблюдения, впечатления во время его путешествия по Уралу и Сибири он «художественно» осмыслил и создал рассказы и повести, а, с другой стороны, это эмоциональный отклик на судьбы переселенцев их детей и подростков, встреченных повествователем. Встречи

¹ Там же. С. 363 - 364.

² Мамонтова О.А. Метасюжет переселения в Сибирь в творчестве Н. Д. Телешова//Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С.66.

в пути дали Н.Д. Телешову богатый материал о жизни простого народа для будущих рассказов и очерков.

В рассказе «Самоходы» Н.Д. Телешов показывает безысходную нужду, голод и холод переселенцев. Крестьяне, которые решились на переселение, не имеют средств купить даже лошадь, поэтому вынуждены сами впряженуться в тележку с домашним скарбом. Они верили, что где-то в Сибири будет лучше, и эта надежда на будущее заставляла идти, преодолевая трудности и огромные расстояния. Н.Д. Телешов писал о страшной нужде, которая заставляла этих бедных людей делать самые отчаянные поступки. Так, в рассказе «Самоходы» писатель символично изображает деда старика Устиныча, его сына Трифона и внука Сашутку, как своеобразную «тройку», которая за тысячи верст везет тележку с самым необходимым для жизни в далекой Сибири. «Берись, батюшка. Полно оглядываться, — сказал он Устинычу, потом крикнул сыну: — Берись, Сашутка! Бойкий мальчик лет тринадцати подхватил пристяжную веревку с широкой петлей, вроде бурлацких помочей, накинул ее Устинычу на плечо, а сам впряжен с другой стороны на пристяжку, и по команде Трифона все трое сын, отец и дед — приналигли на веревки. Повозка тронулась»¹. Дед Устиныч не выдерживает тяжести пути и погибает, не добравшись до «обетованной земли». «Ну, Сашутка, — сказал он глухо, — теперь значит... парой.

Мальчик взглянул на отца, взглянул, на свою одинокую пристяжку, и слезы брызнули у него из глаз. Когда выехали они на дорогу и когда село с его колокольней и крестами погоста должно было сейчас скрыться за поворотом, скрыться навеки от них вместе с могилой Устиныча, Трифон остановился.

Все оглянулись и начали молча креститься и кланяться, а Сашутка, скинув с себя пристяжку, бросился на колени и до земли поклонился той стороне, где лежал его седой друг... Он уперся лбом в холодную землю, и не

¹ Телешов Н.Д. Домой// Телешов Н.Д. Избранные сочинения в 3 трех томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С.122.

хотелось ему оторваться от нее, пока не прохрипит опять над головою ласковый знакомый голос: "С богом, Сашутка! С богом!..." <...> В последний раз взглянул Сашутка на видневшееся вдалеке село, в последний раз поклонился погосту и, обливаясь тихими слезами, нехотя взялся за веревку...

Через месяц изнуренная "пара" докатила, наконец, тележку до новой земли»¹.

В рассказе «Нужда» писатель показал несчастного крестьянского мальчика Николки. Он брошен родителями на произвол судьбы, так как семья оказалась в страшной нужде. Именно такое положение заставляет переселенцев решаться на самые отчаянные поступки. Длинный тяжелый путь от родимого дома в неизвестность, в «землю обетованную» высасывает все силы и средства, которые были припасены на дорогу. Переселенцы уже издержали и скопленные деньги, а всякая задержка в пути грозит гибелью всего семейства. Писатель поднимает моральную проблему: в семье больной ребенок, но отец семейства понимает, что сын задерживает их, и надо решаться, или выхаживать ребенка, или оставить его и продолжать путь. «Таким сиротой и остался Николка, худенький пятилетний мальчик, про которого даже отец сказал, махнувши рукой:

– Все одно, помрет!

Мать долго молилась и плакала, но тоже, наконец, сказала:

– Помрет родименький... Видит Бог, помрет.

– Дожидаться его смерти было, однако, нельзя. Баржа стояла уже у пристани, и на утро был назначен отъезд. Не уедешь завтра – продождешь очереди еще целый месяц, а Матвей и без того уже прожился, дожидаясь то тут, то там, где неделю, где две, а здесьостоял чуть не пол-лета, валяясь, как собака, на грязной земле под тряпичным шатром. Да и не все ли равно, днем раньше или днем позже, расставаться с ребенком? Николки уж не воротишь, а

¹ Телешов Н.Д. Домой// Телешов Н.Д. Избранные сочинения в 3 трех томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С.112.

всякий день между тем стоит денег, и дожидаться Матвею было не по карману: и без того прохарчился – хоть с рукой выходи!»¹.

Замечание автора («родители их, либо умерли в пути, либо, забитые нуждой, ушли в неизвестный край, покинув больного ребенка на произвол судьбы» говорит, что такие случаи с покинутыми детьми не единичны². По мнению Н.Д. Телешова, правительство, плохо организовало переселение крестьян, поэтому обрекло многих людей на голодную смерть, а детей на сиротство. Н.Д. Телешов раскрывает психологию отца как единственного, кто может решить судьбу Николки, отражает и страх перед его смертью, страх перед будущим его сына, и страх перед будущими своими мыслями и терзаниями совести.

Общество беспощадно к обездоленным странникам, у него нет сострадания к ним. По мысли Н.Д. Телешова, характер взаимоотношений в этом обществе – это проявление бездушия людей. Финал рассказа – одна из важнейших художественных доминант творчества Телешова.

Одним из главных мотивов в рассказах Н.Д. Телешова является не только судьба детей, но и взаимоотношения со взрослыми. В рассказе «Домой» (1898) герой Сёмка, вихрастый бледнолицый мальчик лет одиннадцати, родители его умерли в пути от тифа. Автор акцентирует внимание читателя на то, что мальчик – один из бездомных детей, которые остаются сиротами после смерти родителей-переселенцев. В бараке вместе с Сёмкой жили ещё три девочки и один мальчик. Н.Д. Телешов как бы проникает в сознание и показывает психологию ребенка: его воспоминания о прошлом, о счастливом времени, о доме. Мысли Сёмки о прошлой жизни не давали покоя ему. Дети уже не принадлежали никому – это были «ничьи дети», хотя в бараке их кормили. Начальник барака Александр Яковлевич вызывал страх в мальчике, но в то же время своеобразно «заботился», приказывая им жить в бараке. Мысли Сёмки о прошлой жизни не давали покоя ему. И мир

¹ Телешов Н.Д. Нужда// Телешов Н.Д. Избранные сочинения в 3 трех томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С.136.

² Там же. С. 136.

мальчика разделился на то, что осталось дома, и то – что после ухода с родных мест. О родине он помнил лишь «по белой каменной церкви, по ветряным мельницам, по речке Узюпке, где, бывало, купался с товарищами, и по селу, которое называлось Белое»¹. Однако по малолетству Сёмка не знал, где эта родина, это село и речка Узюпка. Писатель указывает на то, что для мальчика это было «такой же тайной, как и то место, где он находился сейчас»². Он нашел в себе смелость, волю пойти домой, назад «в Рассею». «Сёмка, затаив в душе заветную мечту, выбрал удобное время и, отказавшись навек от даровых щей, выбежал на дорогу и был вполне счастлив, что возвращается домой»³. В начале пути, вдыхая свежий, росистый воздух свободы, он радовался, и ему казалось, всякий шаг приближает его к дому. «Когда Сёмка проходил селом или когда издали случалось ему завидеть высокую белую колокольню с золотым крестом, то слезы навертывались ему на глаза, а на душе становилось радостно и тепло. Он снимал шапку, бросался на колени и, плача, восклицал: «Господи! Пошли поскорее зиму»⁴. Внимание Н.Д. Телешова в рассказе как бы сочетает описание событий внешнего мира, который открывается Сёмке и его внутреннее ощущения в разных ситуациях. Писатель показывает своеобразный космос, огромный и почти непознаваемый, но такой узнаваемый в деталях, словах, поступках детей.

В «классическом» рассказе «Ёлка Митрича» Н.Д. Телешов показал не только доброту старого сторожа переселенческого барака, но показал детские радости от рождественской елки, потому что дети в любых ситуациях есть дети. В рассказе проявляется своеобразный фольклоризм, писатель использует традиционный «святочный» сюжет, а также старается показать, минимальные элементы рождественского вечера. Когда зажгли елку, Митрич угождал детей хлебом с колбасой и заиграл на гармошке, запел незамысловатые слова частушки:

¹ Телешов Н.Д. Домой// Телешов Н.Д. Избранные сочинения в 3 трех томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С.122.

² Там же. С. 122

³ Там же. С.123.

⁴ Там же. С. 127.

«Живы были мужики,
Росли грибы-рыжики, –
Хорошо, хорошо,
Хорошо-ста, хорошо!

Рождественское веселье охватило детей, «дети прыгали, весело визжали и кружились»¹. И как кульминация рассказа: Митрич пригласил их брать по конфетке. Н.Д.Телешов отмечает, что «Митрич, умилившись чуть не до слез, шепнул Аграфене:

– Хорошо, баба!.. Прямо можно сказать: правильно!..

Это был единственный светлый праздник в жизни переселенческих «божьих детей»². Фольклорные элементы в рассказе достаточно просты (использование жанра фольклора, как иллюстрации), но за ними стоит нравственные качества простого человека.

М. Горький в письме к Телешову просил: «Нет ли у Вас ещё [Вашей книги] "Ёлка Митрича [из жизни сибирских переселенцев]" в отдельном издании? Эту вещь здесь часто читают на публичных чтениях, ребятишки её очень любят и были бы рады получить в подарок»³.

В рецензии на сборник 1902 г. «Повести и рассказы» Н.Д. Телешова А.Ф. Кони писал, что «Г-н Н. Телешов является не новичком в литературе. Его «повести и рассказы» выдерживают третье издание. Кроме того, существует книга его рассказов, под заглавием «На тройках» и очерк скитаний по Западной Сибири, носящий название: «За Урал». Поэтому достоинства и недостатки этих сборников можно считать не случайными проявлениями не успевших еще определиться и выразиться вполне свойств и особенностей работы г. Телешова, а наоборот, так сказать, органическими. Отсюда вытекает неминуемо и большая строгость оценки, побуждающая признать значительное преобладание в них недостатков над достоинствами. К последним может быть

¹ Телешов Н.Д. Елка Митрича// // Телешов Н.Д. Избранные сочинения в 3 трех томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С. 121.

² Там же. С.121.

³ Горький М. - Телешову Н.Д. (21 или 22 декабря 1900 [3 или 4 января 1901], Н.-Новгород) URL: <https://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-129.htm> (дата обращения - 15.10. 2024)

отнесена, прежде всего, человеколюбивая основа рассказов. Автор рисует – и вместе будит в читателе добрые чувства. Все его симпатии – на стороне слабых, обиженных, нуждающихся в защите. Он любит детей и описывает их с нежностью, – и в рассказах о детях всегда слышна у него искренность, чуждая простой подражательности Диккенсу или Достоевскому. Смерть, горе, разлука – обычные мотивы, звучащие в рассказах г. Телешова»¹.

В 1900-е годы Н.Д. Телешов писал не только о детях, но и для детей. В 1902 г. в сборнике «На добрую память. Сборник для детей. Памяти Н.А. Соловьева-Несмелова» (1902, № 2, февраль. С.151-159) помещена сказка «Старый хозяин». В этой наивной сказке автор пытается преподать детям урок добра и бесстрашия. Семья переехала в дом по новому адресу. Дом, по мнению кухарки и няни, считался «нечистым». Митя видит, как расставляют мебель, вещи, как приходят священник, дьякон, дьячок и освящают все комнаты. Ночью Митя «видит» в кожаном кресле маленького старика, который знакомится с мальчиком и называет себя «хозяин дома». Н.Д. Телешов создает картины ночного дома с его шорохами, таинственными шумами. Вместе с хозяином дома Митя ходит по комнатам, и хозяин знакомит со своими служами и помощниками: крысами, мышами, тараканами; говорит хозяина: «народу много я перевидал: приходили и уходили люди, рождались здесь и умирали, перестраивались заново, ломали здание и вновь воздвигали...»². В произведении Н.Д. Телешов создает некий идиллический мир детства, в котором нет забот, тревог и волнений. В тоже время произведение использует фольклорный мотив о домовом, который является хозяином дома, вне зависимости от реальных хозяев. По народным поверьям домовой может помогать, а может «вредить» домовладельцам, если ему что-то не нравится.

Н.Д. Телешов в журнале «Светлячок» (1909, № 24. С. 608-610) публикует для детей стихотворение «Из Андрюшиной тетради. Песни старика

¹ Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. Москва: Издательство «Правда», 1989. С.582.

² Телешов Н. Старый хозяин// На добрую память. Сборник для детей. Памяти Н.А. Соловьева-Несмелова. 1902, № 2, февраль. С.157.

Николоса», подписано Н. Митрич. Писатель обозначает каждую часть определенным числом: 6 декабря, 19 декабря, 25 декабря, 6 января – временем Святок. В конце стихотворения «старик Николос» желает, «чтобы никто из вас/Не захворал, не простудился,/Чтоб все вы жили хорошо,/Чтоб каждый весело учился»¹. В этом стихотворении описывается рождественско-новогодний обряд благопожелания, связанный с «инициальной магией», то есть магией первого дня.

В специализированных журналах того времени появлялись прозаические и стихотворные произведения для детей. Эти произведения были рассчитаны на детей обеспеченных и грамотных родителей: дворян, купцов, мещан, ремесленников, а также на самих детей, которые учились в каких-либо учебных заведениях. Естественно, авторы таких журналов «подстраивались» под определенных читателей.

1.3. Проблемы семьи и эмансипации женщин в творчестве Н.Д. Телешова²

Русское общество в конце XIX – начале XX в. с еще большим вниманием относилось к проблемам жизни женщин: это были проблемы экономические, политические, правовые, этнические и психологические. Актуальны было женское образование и проблема женской занятости. Так как основная масса женского населения была крестьянками, а только небольшая часть – мещанами и представительницами высших слоев, то именно для последних был актуален доступ к образованию и занятости в производстве. Вовлечение женщины в общественное производство способствовало развитию её сознания, повышению образованности и самостоятельности, но сопровождалось дискриминацией в оплате труда и сохранением подчинённого положения в семье и обществе.

¹ Митрич Н. (Н. Телешов). Из Андрюшиной тетради. Песни старика Николоса// Светлячок. 1909, № 24. С. 610.

² Содержание данного раздела отражено в следующей публикации: Хе Ци. Женские образы в прозе Н. Д. Телешова конца XIX – начала XX в.// Вестник гуманитарного образования. 2023. № 1. С. 145–140.

Еще во второй половине XIX века с усилением либерализма в общественной жизни Российской империи представители интеллигенции начали обсуждать проблему эмансипации женщин. Знаковым событием стала статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», в которой он писал: «Итак, пусть женщины поймут свое высокое назначение в вертограде человеческой жизни. Пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова, и первую молитву, делаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется их руками. Христианство открыло женщине ее назначение. Оно поставило в образец человечеству существо, только что отнятое от ее груди. И Марфа и Мария сделались причастницами слов и бесед искупителя.

Не положение женщины в обществе, но воспитание ее, в котором заключается воспитание всего человечества, – вот что требует перемены. Пусть мысль воспитать себя для этой цели, жить для неизбежной борьбы и жертвований проникнет все нравственное существование женщины, пусть вдохновение осенит ее волю – и она узнает, где она должна искать своей эмансипации.

Но если, ни возраст, ни воспитание женщины не служат ручательством для разрешения вопроса, то еще менее может положиться искатель идеального участия на опыт жизни¹. Особенно эти вопросы всплывали в ходе подготовки крестьянской реформы, а после отмены крепостного права зародилось и набрало силу женское движение. Русская литература тоже внесла значимый вклад в дело раскрепощения женщин. Она всколыхнула общественное мнение и привела к некоторому улучшению социально-политического статуса женщин, реформам гражданского законодательства, формированию системы женского образования, расширению сфер профессиональной занятости женщин.

Таким образом в социокультурном пространстве России того времени можно обозначить еще одну важную проблему – проблему эмансипации

¹ Пирогов Н. И. Вопросы жизни// Морской сборник. 1856. № 9. С.596.

женщины. Проблема женского равноправия, положения женщины в семье стояла в русской литературе разных периодов наравне с проблемой освобождения крестьян. В.К. Кантор писал по этому поводу: «проблема женского равноправия, как проблема все-таки сравнительно развитого буржуазного общества, не могла решаться изолированно от ликвидации последствий крепостничества, – скажем, элементарной неграмотности, в которую были погружены минимум 90 процентов всего российского населения, как мужчин, так и женщин»¹.

Вопрос о семейном устройстве, о семейных ценностях всегда волновал писателей России. В русской литературе эта проблема осмыслилась и решалась по-разному. Семья как ячейка общества всегда связывалась с мужским и женским началами. С древнерусской литературы и до литературы XIX в. проблема главенства мужчины и бесправие женщины в семье показывалась как драма, в которой и сам муж, и жена, иногда и дети были стороной «страдающей» в зависимости от различных ситуаций.

После романа Н. Чернышевского «Что делать», И. Тургенева «Отцы и дети» возникает спор не только о нигилистах, но и роли женщины в жизни России. Как отмечает Н.М. Ковальчук, что «особенно горячие споры велись по поводу женщин-нигилисток. Одни (демократически настроенные критики – Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, М.А. Антонович) считали, что женщину необходимо уравнять в правах с мужчиной, другие (среди которых классики русской литературы И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков и русские философы В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов) отмечали глубину проблемы, неоднозначность ее решения, указывали на негативные тенденции предлагаемого демократами пути (уподобление женщины мужчине, стирание гендерных различий). Разногласия по поводу женского вопроса оказали значительное влияние на русскую культуру, отразились во множестве замечательных произведений русской литературы и философских трудах,

¹ Кантор В.К. Русская литература и женская эмансипация// Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 272-275
53

породили различные споры, и в настоящее время не утратившие своей актуальности».¹

«Дети. Маленький роман» (1903) – это повесть Н.Д. Телешова о жизни и нравах дореволюционной России, о роли женщины и мужчины, о выборе пути, о свободе и необходимости, о любви. Это произведение вобрало в себя несколько актуальных тенденций русской литературы начала XX в. Телешов поднимает проблемы смысла жизни обеспеченного сословия.

Сюжет строится на том, как в судьбу живущего только ради своих удовольствий, обеспеченного господина врываются дети. В начале повести Александр Ильич Берёзин, «высокий, красивый мужчина лет сорока на вид, с темными крутymi усами, в пенсне, одетый щеголевато и со вкусом»², встречает на вокзале своего друга и родственника Кирилла Ивановича Култаева и его детей Ивана, Людмилу, которые приехали «как бы в гости». После встречи Берёзин и Култаев по привычке сидят в ресторане, пьют, едят, разговаривают. Причина приезда – развод с сестрой Берёзина, однако никто из супругов не хотел брать ответственность за воспитание малюток. Култаков отказывается от детей потому, что считает их не своими. В доказательство измены он показывает портрет мужчины-любовника жены. Как отмечал А.Ф. Кони, что «наиболее сильным, отражающим на себе свойства творчества автора является самый большой из его рассказов – «Маленький роман». Это – история старого зажиточного холостяка, которому навязывает детей его сестры муж, покинутый ею, – и который, под влиянием примиряющего и облагораживающего детства, начинает тяготиться своею пустою и развратною жизнью... Смерть детей от дифтерита наносит ему тяжкий удар. Увидеть, за время их болезни, в доброй и распущенной своей знакомой, к которой он привык относиться лишь как к наложнице, трогательные общечеловеческие

¹ Ковалчук Н.М. «Женское» как гендерная проблема в русской литературе и философии XIX–XX вв.//Гуманитарные исследования Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009, № 4. С.94

² Телешов Н. Дети. Маленький роман// Телешов Н.Д. Избранные сочинения в 3 трех томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С.40.

черты, он уезжает с нею за границу, вступая, таким образом, на порог семейной жизни»¹.

Племянники, от которых избавилась сестра и ее муж, круто меняют жизнь Александра Ильича. «Уже давно в стенах этого дома не раздавалось ни плача, ни детского лепета, ни старушечьих песен. Мальчик, утомленный дорогой, быстро заснул, но над девочкой нянька сидела долго, напевая ей вполголоса про Кота-мурлыку; наконец, убаюкав детей, она вышла в залу»². Берёзину предстоит выдержать роль временного опекуна, на которого обрушивается целый ворох проблем. Во-первых, «он страшно хандрил и тяготился своими невольными жильцами, хотя квартира его была слишком просторна и даже велика для одинокого человека; у него была зала, ни на что ему ненужная, была столовая, в которой он, бывало, по утрам пил чай, был кабинет, где иногда с приятелем распивалась бутылка лафита, и была еще спальня, единственная необходимая комната; но во всей этой обстановке Александр Ильич жил бобылем: кухню не держал, целыми днями не бывал дома, а когда наступала очередь приглашать товарищей играть в карты, то ужин приносили из ресторана»³. Такой образ жизни Александра Ильича – типичный для состоятельного обывателя того времени. Н.Д. Телешов беспощадно раскрывает несостоятельность его существования, однако, писатель не высвечивает социальные истоки такого существования. Н.Д. Телешов только штрихами намечает жизнь сестры и Култаева. Сестра изменяет мужу, а Култаев ведет пьяную, беспутную жизнь. Сам же Берёзин тоже не отличается поведением. Он почти ежедневно посещает клуб, где встречается с приятелями за обедом, пустыми разговорами, за рюмкой водки. У него есть любовница. После приезда детей он хотел продолжать привычный образ жизни, однако «скрывать от приятелей присутствие детей становилось

¹ Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. Москва, издательство «Правда», 1989. С. 584. (Впервые рецензия опубликована в книге «Очерки и воспоминания (Публичные чтения, речи, статьи и заметки)». СПб, 1906. Эта работа Кони была отмечена Пушкинской премией за 1901 год.)

² Телешов Н. Дети. Маленький роман// Телешов Н.Д. Избранные сочинения в 3 трех томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С. 45.

³ Там же. С. 53.

более невозможным: все это знали, и всякие отговорки были бы смешны. История Култаевых перестала быть тайной...»¹. Телешов показывает, как меняется отношение героя к детям. За внешней сухостью обращения с детьми, Берёзин в глубине души начинает понимать, что он становится ответственным за их жизнь, здоровье. Когда Берёзин привыкает к детям, когда девочка прикасается к его руке своей ручкой, он неожиданно для себя проникся к детям тёплыми чувствами: «в первый раз в жизни увидел такое наивное доверие к себе, искреннее, беспричинное <...> Ему захотелось сделать ребенку что-нибудь приятное...».² Даже какие-то шалости Вани не оттолкнули Александра Ильича от детей. Болезнь Людмилы «начинала Александра Ильича мучить. Девочка, лежа в полузыбытии, не пила, не ела, только гнусаво плакала. Беспомощен и жалок был этот слабый стон. Вокруг пахло уксусом и карболкой, стояла везде зловещая тишина, все ходили на цыпочках, разговаривали шепотом, – и вдруг среди этого тягостного затишья раздавались хриплые, слабые звуки и слышался затем мучительный кашель»³.

Во время болезни детей в душе Берёзин боялся, даже дрожал за них. «Он был так напряжен, что его пугал всякий звук, и всякую минуту он ожидал, что дверь отворится и придут сказать, что Людмила умерла»⁴. Берёзин подходил к кроватке, видел, как ребенок страдает, прислушивался к тяжелому дыханию девочки. Он не знал, чем помочь, как облегчить страдания ребенку. Он думал, что лучше сам бы заболел и мучиться за девочку, чтобы только облегчить Людмилу. Так же переживает Ольга Николаевна за Ваню, которого хотели изолировать от больной сестры, но Людмила умирает.

Для главного героя наступило некоторое «очищение» от внешней мишуры, от «свободной холостой жизни». Эти события сблизили Александра Ильича и Ольгу Николаевну. В дореволюционном издании 1898 г. Н.Д. Телешов оканчивает повесть тем, что оба ребенка умерли, тогда как в

¹ Там же. С. 62.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 97.

⁴ Там же С.

советском издании 1956 г. Ваня выздоровел и уезжает на юг вместе с Берёзиной и Ольгой Николаевной.

События в произведении заставляют читателей размышлять над истинными ценностями и хрупкостью семейного счастья. Автор рассматривает проблемы свободы и эмансипации женщин и связанные с этим судьбами детей с этической с отвлечённо-гуманистической точки зрения, но никаких действенных путей решения он не предлагает. Эта небольшая повесть раскрывает новые тенденции, поднятые в романах Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других русских писателей, которые «исследовали» семейные ситуации. Н.Д. Телешов явно ориентировался в раскрытии образа сестры Берёзина, ее мужа Култаева на роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Это раскрывается в письме сестры к Александру Ильичу: «"Любезный брат! – так начиналось письмо, которое Берёзин получил из-за границы как раз в первый день Великого поста. – Я тебе очень благодарна, хотя ты и сомневаешься, что во мне осталась хоть капля человеческого чувства. Я благодарна тебе за детей и хвалю тебя, потому что при твоем образе жизни это подвиг; но мне досадно, что Кирилл Иванович, этот жалкий и мелкий человек, уверил тебя, будто Иван и Людмила не его дети. Я так презираю этого лгунишку и лицемера, что была бы рада, если бы он был прав, а теперь меня возмущает, что отец их – Кирилл Иванович! Я так его ненавижу и так презираю, и так он мне противен и гадок, что даже наши дети стали мне чужими только потому, что они – его. В этом не я виновата. До сих пор меня все-таки тревожила совесть, я боялась, что дети попадут в дурные руки, а за тебя я спокойна, и совесть моя чиста". <...>"Что касается меня, я вполне счастлива. Со всем прежним я порвала всякую связь и теперь точно переродилась. Содрогаюсь от омерзения, когда вспоминаю Кирилла Ивановича, который, кроме билльярда, вина и самообожания ничего не знал! Я начала теперь совсем новую жизнь, отделила себя от всех людей (кроме одного), и мои будущие дети, из которых первый скоро увидит свет"...

Березин остановился и, еще не веря глазам, перечитал: "мои будущие дети, из которых первый скоро увидит свет"...»¹.

Общественные проблемы автор рассматривает созерцательно, этически, с отвлечённо-гуманистическим подходом к действительности, к народу. В той же рецензии А.Ф. Кони отмечал, что «в рассказах своих г. Телешов не касается общественных тем, за исключением двух-трех общих мест, вставляемых им в монологи и диалоги Берёзина, герой «Маленького романа». У него есть, однако, целый рассказ на философскую тему, совершенно неправдоподобный в психологическом отношении. Это – «Жертвы жизни». Герой рассказа – Столяровский – неудачник и несчастливец, вознавидевший до смерти, до замысла на убийство, знатного, богатого, красивого и здорового ребенка, – по странному душевному противоречию погибает в волнах, спасая жизнь этому самому ребенку»². Очерк «Жертвы жизни» (1897) опубликован в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам»³.

В поэтике прозаических произведений Н.Д. Телешова семейная и женская тема, женские образы связаны с социальными и этическими проблемами. Так в повести «Мама» (1913) в сложную ситуацию попадает молодая женщина Наталья Петровна, потерявшая мужа и оставшаяся с сыном. Она соединила судьбу с Алексеем Семеновичем Гречихиным главным бухгалтером одного предприятия. Н.Д. Телешов строит повесть на том, что Гречихин узнает, что Сережа, якобы украл три рубля у дантиста Бурсова. Это событие потрясает как Гречихина, так и Наталью Петровну, но писатель изображает безмолвный протест Сережи, против несправедливого обвинения. Глубокий обморок Сережи, разъяснение доктора Бурсова, поведение Гречихина – все это открывает глаза на положение Натальи Петровны, на то, что сын уже вырос. Сережа уже может постоять за себя и за мать. И как завещание отца Сережа читает стихи на обороте портрета:

¹ Там же. С. 77.

² Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. Москва, издательство «Правда», 1989. С.585.

³ Телешов Н. Жертвы жизни// Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Москва: Типо-литография К.Ф. Александрова, 1897. С.119-126.

«Матери и сыну»:

«Учи его, чтоб смерти не боялся,

Но в горе – чтоб ее он не искал.

Перед борьбой чтоб духом не терялся,

Перед судьбой главы не преклонял.

А когда он вырастет, то сама ты не будь ему в тягость, не становись поперек пути и ничего не требуй от него себе:

Не говори ему, что ты его растила,

Ему обидны будут те слова.

Скажи – что ты его благословила

И отдаешь другой свои права...¹

Сын видел несправедливость Гричихина по отношению к матери, но молчал, и Наталья Петровна поняла, что любовь и спокойствие родного сына важней благополучия, в конце концов она решает резко изменить свое положение – уйти от Гречихина. В этом тоже проявляются элементы эмансипации женщины.

Освобождение женщины, эмансипация порождает не только «свободу» выбора для женщин, но и негативные явления, например, проституцию, так как в условиях патриархата женщина не могла получить образование или достойную работу. Русская литература не могла не откликнуться на эти проблемы. Н.Д. Телешов, будучи хорошо знакомым с русской литературой, откликнулся и на эту животрепещущую проблему. В повести Н.Д. Телешова «На тройках» помимо основной темы «соперничества» купцов раскрывается и коллизия в отношениях между мужчиной и женщиной. Тема купечества раскрывается в «эпическом плане». Купцы едут к «цели», на ярмарку, происходит и своеобразное соревнование. На наш взгляд, писатель сознательно ориентируется на эпичность дороги, соревновательность персонажей, то есть на фольклорные истоки этой темы.

¹ Телешов Н. Мама// Слово. Сборник третий. Москва: Книгоиздательство в Москве, (1914). С.134.

Второй план повести можно назвать «лирический». Писатель обращает внимание на природу, на бескрайние просторы России, а также возникает тема «дорожных знакомств», тема женской судьбы. Н.Д. Телешов показывает молодую женщину, Ольгу Васильевну, на почтовых станциях в компании купцов, едущих на Ирбитскую ярмарку. Автор не уточняет материальное положение молодой пары, но по всей видимости, Леонид – мелкий чиновник, не имеющий большого дохода, что делает его и его жену «зависимыми» от богатых купцов. Повесть построена на антитезе: жизнь купцов и жизнь жены мелкого чиновника.

Судьба женщин в России складывалась по-разному. Так, в рассказе «Сухая беда» описывается «дом Емельянихи», в котором живут Емельяниха – хозяйка, Степанида Егоровна – вдова и внучка Феня – молодая девушка. В этом доме все правила устанавливает Емельяниха, которой все подчиняются, тем самым Н.Д. Телешов как бы отсылает к сюжету драмы А.Н. Островского «Гроза», к семье Кабановых. Емельяниха, как и Кабаниха – властная женщина, с крутым характером. Однако, она не прочь пофлиртовать с проезжающими купцами. «Емельяниха, надевшая для парада чепец и на плечи большой персидский платок. Она всем приветливо улыбалась и, когда ей наливали вина, отодвигала стакан и говорила.

– Сами кушайте на здоровье, дорогие гости! Благодарю покорно.

– Ну, выпей, бабушка! – приставал к ней Курганов, пододвигая стакан.

Емельяниха его отодвигала и говорила:

– Сами кушайте, Афанасий Львович!»¹

Феня не такая уж бессловесная, она гордая, но робкая. Так в разговоре с Кургановым выясняется, что она давно собирается уйти в монастырь.

Как и во многих произведениях писателей конца XIX – начала XX вв., Н.Д. Телешов изобразил и женщин легкого поведения. На ярмарке эти

¹ Телешов Н. Сухая беда// Телешов Н.Д. Избранные сочинения в 3 трех томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С.261.

женщины «доступны каждому без симпатии, без любви, даже без уважения»¹, купцы попадают в этот «чад продажной любви», теряя человеческий облик.

Трагический финал повести переводит внимание читателей на образ молодого чуваша, который не смог вытерпеть клеветы на Феню и повесился в комнате Курганова.

Фольклоризм рассказа «Сухая беда» более сложный. Автор на примере Максимки – молодого чуваша – показывает народную культуру, обычай. Н.Д. Телешов как бы сталкивает два мира: «природный мир» Максимки-чуваши и «развратный мир купцов».

В другой повести «Крамола» (1905) молодая девушка Дуня мечтает о личной свободе. Семейный уклад дома, обстоятельства, в которые попадает отец и вся семья, заставляют менять не только образ жизни, но и планы на будущее. Телешов раскрывает, ставшую для своего времени уже традиционной тему стремления молодых к личной свободе, к изменению образа жизни, к возможности делать нужные дела. Писатель опирается на известные образы Достоевского, Чехова, Горького и др.

В рассказе «Счастливец. (Из дневника приятеля)» показан образ Агнии Петровны, жены приятеля, которого после нескольких лет разлуки путешественник встречает на пути в Сибири. Как всегда, несколькими штрихами писатель характеризует Агию Петровну, которая скучает в далекой Сибири. Она по-своему любит и жалеет мужа Николая Смарагдовича, но однообразная жизнь заставляет ее изменять ему. Писатель показывает, как Агния Петровна, ее действия, пение так или иначе выдают, что она пытается «соблазнить» постояльца-путешественника. Вот она «поворнулась и, сделав два-три шага в сторону, опять тихонько запела, еле слышно:

Обо мне ты не мечтай...

Не сердись и прочь ступай!

Не скучай...

<...> Прощай, прощай!

¹ Там же С. 269.

Но меня не забывай!»¹.

В разговоре с Агнией Петровной выясняется, что «белобрысый телеграфист... надоел до смерти», а она предпочитает дьякона Василия Ивановича. Однако «он о себе больно много думает. Да и дьяконица у него ревнива»². Своеобразная женская логика заключается в словах Агнии Петровны: «коли всего стыдиться, так и детей не видать!..»³. В конце рассказа, когда Николай Смарагдович представляет детей, то путешественник обратил внимание на них – они были очень разные. Однако муж счастлив: «Эх, приятель! Стыдно мне перед тобою хвалиться, но только счастливей меня тебе не бывать! Вот ты сам увидишь, как я устроил свою жизнь. Потолкуй-ка, поди, с женой да приглядись хорошенъко, что это за человек, и ты поймешь, может быть, почему я считаю себя счастливейшим из людей... Наши души... Э, да что тут!»⁴.

В рассказе «Катя-вожак» (1915) изображается мирская и монастырская жизнь. Автор подводит читателя к морально-этическим проблемам молодых людей. Писатель показывает один день молодого человека, который в весенний праздник в компании молодых и пожилых знакомых ездил в женский монастырь. Одним из своеобразных женских образов является образ настоятельницы монастыря матери Анастасии. Писатель создает образ властной, но доброй женщины. Она говорит приехавшим: «Я своих строго держу. Когда нужно, поблажку даю, волю даю, по головке поглажу, но коль дело делать, так уж тут обо всем забудь кроме дела. Без поблажки никак нельзя. Человеческая душа ласку любит: приласкаешь – она и опять окрепла, и возрадовалась, а без ласки – хорошо только сухари печь! Она говорила все это строго, и доброе лицо ее было серьезно, а вокруг из дверей глядели на свою «матушку» монахини, старые, и молодые, и на всех, лицах была улыбка чуть

¹ Телешов Н.Д. Счастливец. (Из дневника приятеля)// Телешов Н. Избранные соч. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.1. С.156.

² Там же. С.157.

³ Там же. С. 157.

⁴ Там же. С.162.

заметная. Нельзя было ошибиться, что все они не только слушались и любили Анастасию, но обожали ее».¹

Сразу видно, что настоятельница была деловой женщиной, так как в монастыре были различные мастерские, музей, был хор. Она, принимая компанию, приказала хору монахинь спеть песни «духовные две и светских одну – нашу старинную». Н.Д. Телешов не случайно показывает, как герой воспринимает содержание духовных песен. В них заключен большой смысл: «вековечная борьба между небом и землею, между грехом и подвигом, между жаждой счастья и отречением от жизни и радостей – все это и есть сама жизнь <...> За первой песней последовала вторая, угрюмая, торжественно-грозная, где пелось о душе, которую будили от сна, напоминая ей, что пора воспрянуть, что скоро будет уже поздно, что – "конец приближается"». Эти мысли как своеобразный пролог перед теми событиями, которые развернутся после. Монастырские девушки под фисгармонию пели:

Во саду ли нашем во садочке
Божии былинки, травки процветают...

Пели они здесь и о птицах, по велению Господню возвещающих зори, и про бабочек легкокрылых, и о гремучем святом ручье в смоляном бору... Откуда взялась такая песня, такая музыка к ней – объяснить нам не могли»².

Светская песня была как бы тем рубежом, который охранял монастырские устои и за который невозможно было выйти. Однако песня напоминала о прошлом мирском бытии.

Катя противопоставляется и пожилой монахине Анне. Молодой человек видит Анну: «женщина пожилая, с очень высоким и узким лбом, похожим на столбик, и с круглыми синими очками на носу...».³ Такая нелестная характеристика затем сменяется тем, что молодой человек разговорился и узнал, что Анна бывала у его тетки, даже, кажется, видела его «стриженым

¹ Телешов Н. Катя-вожак// Телешов Н. Избранные соч. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.1. С. 329.

² Там же. С.330-331.

³ Там же. С.332.

гимназистом». Так писатель раскрывает отношение к различным женским персонажам рассказа.

Н.Д. Телешов использует своеобразное противопоставление отношений автора-рассказчика к молодой монахине Кате и светской девушке Наденьке. Автор говорит с нескрываемым раздражением, как «злые старые женщины» пророчили ему в жены Наденьку: «Мне говорили, что Наденька в меня влюблена и, что я поэтому должен в августе или сентябрь на ней жениться...»¹ Однако, это не главный мотив рассказа. Н.Д. Телешов показывает Катю-вожака, обладающую прекрасными душевными качествами и духовной красотой, как бы противопоставляя Наденьке, хотя писатель никак не характеризует последнюю. «Катя-вожак с ясными голубыми глазами – все это стало для меня чем-то единым и нераздельным в своей прелести»².

Молодой человек рассказывает о Кавказе, о горах, а Катя в это время собирала ландыши. От земных красот Кавказа и прелести ландышей автор-рассказчик переходит к самому важному. В рассказе духовная кульминация заключается в том, что молодой человек и Катя-вожак поднимаются на строящийся храм. Именно в эти мгновения в душе молодой послушницы борются два чувства: религиозное и светское. «На высоту! – повторил я.— Ближе к небу, ближе к Богу, который создал всю эту жизнь, всю красоту, который даровал – биться нашему сердцу, видеть – нашим очам, который не отнял радость существования!.. Ведите, Вожак!..»³. Катю что-то смущает, потому что она сознается молодому человеку, что думу думает, но о чем, не говорит. В издании 1915 г. писатель сформулировал основную мысль о внутренней борьбе девушки Кати, которая делает судбоносный выбор : «И мне стало ясно тогда, что вековечная борьба между небом и землею, между грехом и подвигом, между жаждой счастья и отречением от жизни и радостей – все это и есть сама жизнь, пленительная живая жизнь, что именно в этой

¹ Там же. С. 328.

² Там же. С. 331.

³ Там же. С. 338.

борьбе и есть настоящая радость и счастье!»¹. В советском издании автор убрал этот абзац.

В рассказе возникает ассоциация с евангельским сюжетом, в котором дьявол, также смущая, испытывает Сына Божьего: «Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твою». Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего» (Мф.4:5-8) В рассказе молодые люди видят: «Здесь кончалась кирпичная кладка; отсюда начнется потом свод купола, а пока это было громадное, круглое жерло, каменная пропасть, над которой нагнуться и заглянуть вниз было жутко. Но мы и не глядели в низ». На высоте Катя-вожак не слышит даже благовеста, автор замечает, что она «вообще – душой и мыслями была где-то не здесь». Образ развернутой пропасти, на наш взгляд, является метафорой светской жизни как для Кати, так и для молодого человека, потому что он захотел «позвать ее с собою – в жизнь, в ту смутную, пленительную даль, которую я и сам в то время еще не знал, которая была и для меня загадкой и тайной»².

Тема судьбы женщины, которая принимает постриг монахини, поднимается в рассказе «Она ли?». Рассказ был написан в 1916 году, через год после рассказа «Катя-вожак». Писатель постарался представить судьбу Кати после большого жизненного пути. Это своеобразное воспоминания о юности человека, убеленного сединой. В начале рассказа автор-повествователь, рассказ ведется от первого лица, раскрывает свое появление в загородном поселке. После он говорит, как он оказался у ворот монастыря. Его первоначально привлек благовест и пение духовного стиха «О бедном Лазаре» двумя слепцами. Неторопливое повествование связано с тем, что писатель своеобразно создает эмоциональный настрой героя: спокойный,

¹ Телешов Н.Д. Катя-вожак// Кличь. "День печати": Сборникъ на помошь жертвамъ войны, Москва 1915г.: / Под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. Москва: Товарищество скоропечати А. А. Левенсон, 1915. С.159.

² Телешов Н. Катя-вожак// Телешов Н. Избранные соч. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.1. С. 338-339.

умиротворенный, хотя в дальнейшем развитии действия акцент переносится на то, что в соборе решается судьба двух женщин. Когда-то в юности он встретил Катю, девушку-послушницу, которая должна была принять постриг, они у строящегося собора собирали ландыши. Автор-рассказчик «хотел увидеть Екатерину и взглянуться в «этую», чтобы припомнить «ту», с которой было связано одно из мимолетных, но милых воспоминаний юности»¹. Телешов пытается показать таким решительным поступком (постригом) этих двух женщин судьбы многих из них, а по выходе из церкви герой видит на кладбище крест, на котором написано «сестре Екатерине» – каждому уготован такой конец.

В рассказе Н.Д. Телешова «Дуэль» (1897), в отличие от повести А.П. Чехова «Дуэль» (1891), показана трагическая развязка. Однако в центре рассказа Телешова образы офицера Ивана Иванович Голубенко и образ любящей Пелагеи Петровны, матери молодого офицера Володи Кладунова, которого убили на дуэли. Н.Д. Телешов с любовью показывает Пелагею Петровну, как и все старые женщины она склонна к многословию, к сентиментальности и, естественно, к обожанию своего единственного сына. «Кроме рассказов из быта переселенцев, – писал А.Ф. Кони, – этим недостатком не страдает рассказ «Дуэль», навеянный, очевидно, превосходными сценами Зудермана², но построенный так, что впечатление, производимое трагическим положением офицера, пришедшего объявить матери своего товарища, что ее сын убит на дуэли, к концу рассказа, все умоляясь, сменяется скукою, вызванной болтовней не ведающей о своем несчастьи старой женщины»³. Писатель обратил внимание на тип женщины-матери, посвятившей свою жизнь сыну, мечтающей о его счастье. Такие типы

¹ Телешов Н. Она ли?//Там же. С. 353.

² Герман Зудерман (нем. Hermann Sudermann; 1857—1928) – немецкий беллетрист и драматург. По глубине психологизма и мастерству описания внутренних чувств и переживаний героев некоторые критики сравнивали её с великим романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

³ Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. Москва, издательство «Правда», 1989.

были выведены в романах А.И. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др.

В прозе Н.Д. Телешова изображение героинь отражает основные тенденции в развитии русской реалистической литературы. В этих образах хотя нет динамики развития, но подмечены самые главные черты женщин-современниц. Во многих рассказах писатель изображает натуры цельные, сильные, имеющие возможность бросить вызов судьбе. В их характерах (особенно в ранних произведениях 1890-х годов) много общего: мученичество, готовность к всепрощению и самопожертвованию, скромность и женственная чувственность. Эти черты отражают общий настрой в русской литературе того времени – времени ощущения приближающихся перемен. В то же время, усиление субъективного начала в прозе Н.Д. Телешова способствует изображению поступков героинь, их психологии, жизненной позиции, общественного поведения, что становится ядром фабульного и тематического многообразия, сюжетно-композиционного строя его произведений. В повестях и рассказах Н.Д. Телешова можно видеть, как писатель отражает свое видение народной культуры. Для иллюстрации характеров персонажей он цитирует фольклорные тексты, приметы, пословицы и поговорки.

1.4. Духовные традиции в рассказах Н. Д. Телешова¹

В конце XIX в. особую актуальность приобретает проблема духовного начала в русской литературе. Обращение к различным течениям в философии, религии, критическое отношение общества к церкви отражалось как в

¹Содержание данного раздела отражено в следующей публикации: Хе Ци, Поздеев В.А. Духовные традиции древнерусской литературы в рассказах Н. Д. Телешова начала XX в. // Литература Древней Руси и Нового времени : материалы XII всероссийской конференции «Древнерусская литература и литература Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, г. Москва, 1–2 декабря 2022 г. / под общ. ред. Е. В. Николаевой и Н. В. Трофимовой. [Электронное издание сетевого распространения]. Москва: МПГУ, 2023. С.201-209.

публицистических, так и в художественных произведениях. Осмысление пути России, поиски новой «религии», богостроительство – все это выплеснулось на страницы журналов и открыто и подспудно реализовывалось писателями. (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, А.П. Чехов, М. Горький и др.)

Конец XIX - начало XX вв. было ознаменовано утратой доверия к народничеству как к некогда авторитетной идеологии, к «либеральной политике» правительства, к тактике общественного либерализма и социально-политической деятельности. Социально-идеологический кризис был связан не только с правительственной реакцией и кризисом просветительского либерализма, но и с общеевропейскими тенденциями, с ощущением бесспорной бесперспективностью создания гармонического общества, с переустройством мира на разумных началах. Эти тенденции отразились в литературе, искусстве, стали катализаторами процессов модернизации. Естественно, что не только эти тенденции были в центре внимания писателей того времени.

Реализм начала XX в. развивал традиции писателей века XIX, в том числе и традиции, основанные на литературе Древней Руси. Н.Д. Телешов являлся одним из тех писателей, которые в условиях появления и развития новых течений в литературе, сохраняли и продолжали лучшие традиции русского реализма. Творчество известных писателей начала XX в. характеризуется интересом к судьбе людей разных сословий, а также не только критикой существующих порядков, но и поиском положительных явлений и образов в народной жизни России, все это мирское органично пересеклось религиозными сферами. Глубинные принципы веры становились основой философско-художественных систем русских писателей разного уровня. В беспокойные годы религия осознавалась писателями и культурными деятелями, по словам мыслителя, богослова, философа и историка Г. Флоровского, как «возврат к цельности, как собирание души, как высвобождение из того тягостного состояния внутренней разорванности и

распада, которое стало страданием века».¹ Протоиерей Г. Флоровский говорил о середине XIX в., но слова созвучны и периоду рубежа веков.

Часто говорят, что основная тема рассказов Н.Д. Телешова – судьба русских переселенцев в Сибирь. Однако, как замечено из приведенного разбора, в его рассказах эти сюжеты переплетаются с глубинным пониманием русской духовности, выдержанной в традициях русского гуманизма, что позволяет говорить о топике, национальной аксиологии и о взаимодействии устной и письменной традиции. Как отмечала Е.И. Дворникова, «русские мыслители (Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин и др.) представляют гуманизм русских писателей как величественное качество русского духа. Гуманизм – система общечеловеческих ценностей – совокупность идей, принципов, традиций, ценимых народами на протяжении многих веков. Они выше узкоклассовых, национальных, политических»².

Рассказы Н.Д. Телешова лишены резких сюжетных поворотов и замысловатых ходов, можно сказать, они отличаются, казалось бы, своей обыденностью, но они взяты из самой жизни. На наш взгляд, в рассказах «Слепцы» (1905), «Хлеб-соль» (1903) и «Катя-вожак» (1915) автор пытался показать современные проблемы тяжелой жизни простого народа и, в то же время он видел силу духовных корней его.

Рассказ «Слепцы» выходит в год первой русской революции. Этот рассказ стал причиной гонения на писателя, он чуть не поплатился ссылкой. По жанру рассказ приближается к путевым заметкам. Автор-рассказчик едет и встречает типичные картины «глухих уголков России»: «Перед моими глазами чередовались деревни, поля, леса и пустынные проселки».³ На переправе через реку взгляд автора останавливается на слепом старике, который был «лет семидесяти, с седой бородой, с седыми выющимися на висках волосами; они выбивались у него из-под картуза и странно шевелились по ветру, точно

¹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия; С предисл. Н. Лосского. М.: Институт Русской цивилизации, 2009. - 848 с. Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Paris. YMCA-PRESS, 1937. С. 250

² Дворникова Е. Духовно-нравственные ценности русской классической литературы // <http://kurskonb.ru/our-booke/slovo/doc/061.html>

³ Телешов Н.Д. Слепцы//Избранные сочинения. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 1. С.221.

трепетали, как осенние листья. И борода у него и брови были седые; облезлый кафтан, и холщовая сумка через плечо, и старые валенки на ногах казались тоже седыми и ветхими; даже высокая трость, с которой слепец не разлучался, была из какого-то дерева мутного тона и тоже казалась седой и древней».¹ Писатель не случайно подчеркивает в деталях «древность», такие отсылки как бы связывают старика с той старой Святой Русью, создается образ старика-странника.

Сюжет «слепого бродячего нищего старца с ребенком» достаточно часто использовался в русской литературе. Традиционным в русской литературе является мотив исполнения слепым-нищим духовных стихов. Этот мотив можно считать входящим в фонд национально-прецедентных феноменов. Мотив был известен любому русскому человеку в XIX в., так как входил в когнитивную базу этого сообщества. А.Н. Радищев в главе «Клин» описал поющего духовный стих старика: «Как было в городе во Риме, там жил да был Евфимиам-князь... Поющий сию народную песнь, называемую Алексеем божиим человеком, был слепой старицей, седящей у ворот почтового двора, окруженной толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его здравого, заставляли взирающих на певца предстоять ему с благоговением...»². У М. Горького в рассказе «Дед Архип и Ленька» дед и его внук добывали пропитание пением духовных стихов. «Лёнька думал о том, что вот сейчас приедут они в станицу и нужно будет гнусавым голосом петь под окнами: "Господи, Иисусе Христе" ...»³. Таким предстает главный герой рассказа Н.Д. Телешова, слепой старицей, бродящий с внуками по дорогам и поющий «сказ о Егории Хоробром». Примечательно, что героем духовного стиха является Святой великомученик Георгий Победоносец, он же Егорий (Юрий) Храбрый – один из наиболее почитаемых святых в христианстве. Этот образ вырастает в символический

¹ Телешов Н.Д. Слепцы// Избранные сочинения. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 1. С.221

² Радищев А.Н. Полное собрание соч. Т.1 Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1938. С. 373.

³ Горький М. Дед Архип и Ленька//Горький М. Полное собр. соч. в 25-ти томах. Т. 1. Москва: Изд-во «Наука», 1968. С.61.

образ русского народа, способного перенести любые испытания, но не согнуться. Н.Д. Телешов использует описание духовного стиха как своеобразную отсылку не только к народной культуре, но и к изображению духовных начал Древней Руси.¹ В этом проявляется связь с «методом» средневековой поэзии, с ее религиозным символизмом. Как писал Д.С. Лихачев, «средневековый символизм «расшифровывает» не только многие мотивы и детали сюжетов, но он же позволяет понять многое и в самом стиле литературы средневековья. В частности, так называемые общие места средневековой литературы...»². Таким образом даны поющий старик и дети: «Глядя куда-то – ввысь и вперед – молодыми острыми глазами, стояли возле старика по обе стороны двое детей – мальчик и девочка, лет по десяти. Старик пел, а дети вторили ему тихими несмелыми голосами. По его морщинистому лицу, по суровым складкам над носом было заметно, что он напрягает всю свою память, чтобы не перепутать песню, которую слыхивал он в юности от таких же дедов, как теперь сам, слыхивал и запомнил, может быть, полвека тому назад – о святом Егорье Храбром и о злодее царище Сам-Демьянище, о насилиях одного и о победном шествии другого».³

Как пишет И.А. Есаулов: «Ещё в 1857 году почти совершенно забытый сегодня И. Я. Порфириев очень точно и глубоко осмыслил сущность в русских духовных стихах, говоря, что последние, хотя и наполнены “разными, часто грубыми догматическими ошибками”, однако они же проникнуты “чувством благочестия”»⁴.

Основанное на традициях православного мировосприятия творчество Н.Д. Телешова и соответствующая система ценностей составляет основу его духовного реализма. Фольклорные эпические элементы духовного стиха в

¹ В русской народной культуре Георгия почитали как покровителя воинов, земледельцев и скотоводов. 23 апреля и 26 ноября (по старому стилю) известны под именем весеннего и осеннего дней святого Георгия. В весенний Юрьев день крестьяне первый раз после зимы выгоняли скот на поля. Изображения святого Георгия встречаются издревле на великолкняжеских монетах и печатях.

² Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М. 2014. С.178-179.

³ Телешов Н.Д. Слепцы//Телешов Н.Д. Избранные сочинения. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 1. С.222.

⁴ Есаулов И. Обвинительная филология// URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200802027>

рассказе органично сливаются с духовным началом народного миропонимания. Автор подчеркивает своеобразное «возвышение» Егория и как бы вместе с героем поднимается и певец. В духовном стихе повторяются слова «восходила», «подымалися ветры», «подымалися ветры со вихорем».

В то же время повествователь обращает внимание и на слушателей, окружающих певцов. Н.Д. Телешов явно следует сложившейся традиции начала XX в., которую Д.С. Лихачев определяет так: «в творчестве писателей-реалистов приобретают такое большое значение их личные наблюдения над действительностью, дневники, записные книжки с записями бытовых диалогов, реплик и т.д.»¹. У Н.Д. Телешова автор-повествователь говорит: «я заметил, что все слушатели насторожились, когда старик запел о том, как разметались от бури пески и всякие защиты, погибли все старания Демьянища – и святой Егорий, снова свободный, гневный и храбрый –

По верху земли стоит,
По верху света русского».²

Подчеркивая, что Егорий стоит свободный, автор видит это как бы с высоты. Можно сказать, что этот взгляд с высоты на происходящее характерен для древнерусского стиля «монументального историзма».³

Что касается предмета изображения у Н.Д. Телешова, то следует подчеркнуть, что круг тем в его рассказах не может быть ограничен только душевной жизнью человека. Писатель может говорить как о духовной, так и о телесной стороне жизни.

Некоторые темы рассказов Н.Д. Телешова перекликаются с произведениями Н.С. Лескова, с образами его «праведников». В рассказе «Хлеб-соль» Еремей-перевозчик на пароме оказывается перед нравственным выбором: с одной стороны он должен зарабатывать и кормить свою семью, а с другой стороны – ему жалко людей, переселенцев, которые не имеют денег

¹ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 168.

² Телешов Н.Д. Слепцы//Избранные сочинения. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 1. С.223.

³ Лихачев Д.С. Монументально-исторический стиль древнеславянских литератур. //Славянские литературы. VIII Международный съезд славистов. Загреб - Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. Москва: Изд-во «Наука», 1978. С.119-150.

заплатить за переправу на другой берег. В этом рассказе возникает своеобразная дилемма «наказание и покаяние», которую писатель заявляет в названии «Хлеб-соль». Н.Д. Телешов пишет о душевных страданиях Еремея: «все это вместе создало в душе Еремея тоску и смути и зародило мечту о широком общем благополучии».¹ Еремей рассуждает о грехах своих: «Рад бы не гневить, да коль дело такое: грехи гневят! А на том-то свете трудно за свои грехи отвечать. Сказано: в поте лица будешь есть хлеб твой, а я что?.. Спросят ангелы: "Хлеб-соль ел на земле?.." Ел... "А откудова брал?" – Зарабатывал. – "Из земли добывал?" – Ан и не добывал из земли. – "Так с кого ж, спросят, брал?.." – Ох, хо-хо!.. Вот тут и подумаешь».²

Он мечтает что-то такое сказать, как некий мессия, что может изменить жизнь простого человека: «Я бы пришел на весь народ, да и сказал... Вот только места нет такого, чтобы весь народ мое слово услышал... не наш уезд, не твой, не его, а вся Россия, весь народ православный, все до последнего человека!»³. Писатель в этих словах Еремея показывает, что он не нашел такое место, которое соответствует библейскому мотиву «стремления евреев к идеальному миру», соотносящемуся с сакральным Небесным Иерусалимом. Телешов сознательно дает такое имя герою: Еремей – восходит к древнееврейскому и означает «возвышенный Богом», а также сближает его с именем ветхозаветного пророка Иеремии и его плачем. Н.Д. Телешов отсылает читателя к средневековому символизму. Автор противопоставляет в рассказе мертвых и живых: рассказчик стоит на крутом берегу, а река размывает кладбище и кости мертвых уносит вода.

Писатель поднимает проблему всеобщей и индивидуальной греховности, которая была достаточно актуальна в начале XX века. Именно поэтому выстраиваются аллюзии с библейскими аспектами греховности, тексты соотносятся с историей плача евреев в плену (евреи исполняют псалом-

¹ Там же. С. 197.

² Телешов Н.Д. Хлеб-соль//Телешов Н.Д. Избранные произведения. Москва: «Художественная литература», 1985. С.193.

³ Там же. С. 195.

плач на реках вавилонских). В рассказе «Хлеб-соль» Н.Д. Телешов развивает сюжет о переправе через реку переселенцев, поэтому река является своеобразным символом или как некий пограничный топос. Герой рассказа Еремей является перевозчиком и связан с сибирской рекой. Как отмечала О.А. Мамонтова, «пространство Бога (с точки зрения евреев, плen и переселение – это наказание Божье; по мысли Еремея, его хлеб так горек именно по Божьему установлению)»¹.

Русская литература сумела увидеть и раскрыть смятенностъ души, внутренние переживания, терзания совести человека. Н.Д. Телешов смог создать такого героя, которому становится не важны земные ценности, он в душе заботится о небесном будущем. Писатель отмечает, что «жалость к своему брату и необходимость кормить семью, сомнение в справедливости своей работы и страх ответа перед Богом <...> Еремей лишь качал в ответ головою да сокрушенно причмокивал. – Ох-хо-хо!.. Ох, грехи, грехи!..».²

Этот рассказ затрагивает нормы христианской морали, как написано в Священном Писании: «Блажен, кто помышляет о бедном (и нищем)! В день бедствия избавит его Господь» (Пс. 40:2)

Н.Д. Телешов в традициях русского православия раскрывает представление о греховности мирской жизни. Попутчик, который вступил в разговор с Еремеем, как бы выстраивает разговор на вечную тему: «Истинно сказано в писании: проклята земля! – гаркнул он, засверкав своими огромными глазами. – Со скорбью будешь питаться от нее во все дни; терние и волчцы произрастят она тебе; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю! – закончил он строго, почти грозно и торжественно»³. Слушающие сходятся во мнении о том, что все беды народные – это козни лукавого.

¹ Мамонтова О.А. Метасюжет переселения в Сибирь в творчестве Н. Д. Телешова.// Сибирский филологический журнал. 2016. № 2 С. 69

² Телешов Н.Д. Хлеб-соль//Телешов Н.Д. Избранные произведения. Москва: «Художественная литература», 1985. С.196.

³ Телешов Н.Д. Хлеб-соль//Телешов Н.Д. Избранные произведения. Москва: «Художественная литература», 1985. С.194.

Эти мотивы греха и раскаяния Еремея для писателя являются принципиальными, так как обретение земли для кого-то «обетованной», для кого-то родной раскрывают метасюжет многих рассказов о переселенцах.

Мечтательность Еремея о всеобщем благополучии исчезает, когда барка приближается к берегу, когда наваливаются уже реальные заботы: «Перед нами был снова старик-хлопотун, суетившийся по барке; мечтатель сразу исчез в Еремее...». Жизнь заставляет его оценивать ситуации реалистично, а мысли о будущем уходят на второй план.

В рассказе «Между двух берегов» (1903) Н.Д. Телешов пытается показать моральную ситуацию, которая раскрывает отношение офицера тюремной команды и бежавшего ссыльного Щеголихина. Они встретились на пароходе на Иртыше, ссыльный не может пересечь реку, потому что на другом берегу уже могли его отправить обратно. Разговор с иностранного туриста Хельсн и других за чаем и выпивкой, которую «конфисковал» офицер у ссыльного, заходит о русском языке, о русских поэтах. Уже ночью офицер достал гусли и стал играть. Игра преобразила грубое лицо офицера. Он запел «На реках вавилонских...», а Щеголихин подтянул офицеру: «и оба они – один по-русски, другой по-церковнославянски – продолжали паслом, то поджиная один другого, то обгоняя. Выходило странно, но хорошо»¹. Писатель заключил, что люди устали чувствовать друг в друге «чужих», у которых «еще нет общего единого горя, нет общего Вавилона...»². Об этом рассказе М. Горький в письме Телешову писал: «Николай Дмитрич – рассказ недурён, дорогой мой, и, конечно, идёт. Никаких сокращений не потребуется. (судя по всему, речь идёт о рассказе "Между двух берегов", напечатанном в первом "Сборнике товарищества "Знание" за 1903 год", СПб. 1904. – Ред.)»³

Н.Д. Телешов раскрывает различные аспекты жизни переселенцев, в том числе не только тяжелые физические испытания, но и морально-этические

¹ Телешов Н.Д. Между двух берегов// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.1. С.202.

² Там же. С. 202.

³ Горький М. - Телешову Н.Д. (23 ноября [6 декабря] 1903) URL: <https://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-256.htm> (дата обращения- 14.10.2024).

переживания. У многих христианская мораль не была истреблена тяжестью обстоятельств, духовные традиции продолжали жить в простом народе.

1.5. Поэтика пейзажа в произведениях Н.Д. Телешова в контексте литературных тенденций начала XX в.¹

Роль пейзажа в художественных произведениях привлекает внимание современных литературоведов с разных позиций. Так в учебных пособиях и статьях Л. М. Крупчанова, В. А. Кухаренко, Н. Д. Тамарченко, Г. Н. Толовой, Е. Н. Себиной, Р. А. Воронина раскрывается функция пейзажа в различных жанрах литературы. Отмечается, что природа всегда была для русских писателей одним из «действующих» персонажей в их произведениях. И.Н. Сухих так обозначил задачи поэтики – это «исследование приемов, способов, механизмов связности, “конструкции художественных произведений” (Б.В. Томашевский), в которой выявляются движение, динамика смыслов»².

В прозе Н.Д. Телешова наблюдается формирование специфической поэтики природного пейзажа.

Уже в сюжете рассказа «Против обычая» (1894) пейзаж играет большую роль в раскрытии идеально-художественного замысла. Сюжет рассказа заключается в том, что в сибирское село приезжает из Петербурга земский заседатель герой Василий Михайлович Волынцев. Писатель строит рассказ на противопоставлении героя, столичного человека, и жителей. Рассказ начинается с того, что Волынцев и волостной писарь Услышников идут на охоту. По дороге на охоту герой видит сибирские особенности природы: «Дорога вела сибирской заимкой. По сторонам за крестьянскими усадьбами

¹ Содержание данного раздела отражено в следующей публикации: Хе Ци. Роль пейзажа в рассказе «Против обычая» Н. Д. Телешова // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023): сб. материалов ХХIII Всерос. (нац.) науч.-практ. конф., приурочен. к 60-летию ВятГУ. 12 апр. – 22 июня 2023 г.: [в 2 т.] Т. 1. Гуманитарные и социальные науки. Киров: Вятский государственный университет, 2023. С.244-247. URL: <http://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/conferences/NPK-2023-tom-1.pdf>. – ISBN 978-5-98228-267-5. – ISBN 978-5-98228-268-2 (Т. 1). Текст: электронный.

² Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 20 – 21.

раскидывались пашни, а впереди, где начинался березовый лес, на самом краю чернела одинокая землянка»¹. Лесная землянка – один из важнейших элементов традиционного быта сибиряков, которые оставляют в ней еду, питье бродягам и беглым с рудников. Волынцев не удивлен, так как слышал о таком обычай в Петербурге, но недоумевал, «как могло население идти так открыто против закона»². Так возникает конфликт рассказа. Н. Д. Телешов показывает героя, который представляет «закон», но своими поступками и приказами он разрушает сложившиеся моральные нормы, обычай местного населения.

Волынцев хочет показать власть: запрещает крестьянам принимать, кормить беглецов: «Разве законно потакать разбойникам, укрывать и кормить беглецов?»³. Властные приказания Волынцева изменяют не только отношения к нему крестьян. «Нужно покончить разом и навсегда! Твердый в своем решении, он не допускал уже более, чтобы жалость закралась к нему в душу»⁴. Телешов показывает в начале моральные колебания Волынцева, чувство внутреннего разлада и сомнительной правоты мешали ему. В структуре рассказа автор использует пейзаж, как отражение психологических состояний героя. Так после этого серьезного разговора со старшинами, писатель соотносит состояние Волынцева с природой. Он показывает, что за окном тусклое небо, льет дождь. «Весь вечер лил дождь. Волынцев шагал из угла в угол по своим небольшим комнатам, обдумывая возникший вопрос и проверяя самого себя <...> Там, за окном, было серо и мутно: дождик бился в стекла, где-то чудилась однотонная песня ветра, и было скучно везде и сиротливо. Волынцев засмотрелся. Он видел перед собой пустынную улицу сквозь густые сумерки, видел грязную, потемневшую дорогу, постепенно слившуюся с дождем и вечерними тенями»⁵.

¹ Телешов Н.Д. Избранные сочинения. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 2. С.233.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 235.

⁴ Там же. С. 240.

⁵ Там же. С. 239.

Описывая непогоду, автор еще более распространяет ее на большие пространства Сибири, как бы оттеняя одиночество героя. «Дождь монотонно шумел за окном. Одиночество, скука и ночное безмолвие настраивали на свой лад воображение Волынцева, и ему стало казаться, что такое же тусклое небо, которое моросило теперь беспрерывным дождем, раскинулось всюду, над всей Сибирью, залило ее мутными потоками, и нигде нет защиты в эту черную ночь от ливня, от сырости, от грязи и холода; вряд ли даже звери не попрятались в свои норы; неужели только люди, бездомные и голодные, бегут в это время, бегут лесами, окольными дорогами, пользуясь темнотой и прячась от других людей...»¹. Также описание природы в рассказе А.П. Чехова «Студент» «созвучно» настроению героя Ивана Великопольского, оно как бы открывает сюжетные перипетии рассказа: «Погода вначале была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку. Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело. Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо. Запахло зимой»².

Герою вспомнилась ночь в Петербурге: «людные улицы, морозная звездная ночь, а за столом шумела молодая компания, споря и горячясь, защищая любовь, милосердие и жалость ко всем униженным и несчастным...»³. В этих воспоминаниях не только противопоставлены картины природы села и города, но и прошлое и настоящее, а также видение проблемы милосердия тогда и сейчас.

Писатель изображает село, в котором поселился Волынцев и делится в письме своими впечатлениями, там описывается картина вполне идиллического пейзажа. После года жизни в селе Волынцев силой закона отменяет «укоренившийся обычай» оставлять для бродяг еду. Запрет пошел во

¹ Телешов Н.Д. Указ. Соч. С. 239-240.

² Чехов А.П. Студент// Полное собр. соч. в 30 т.

³ Там же. С. 239.

вред обществу, в его округе стали пропадать лошади, резали телок, обирали прохожих. По сути, Волынцев одинок в этом селе, а пейзаж еще больше подчеркивает одиночество и контраст его с местными жителями. «Волынцев засмотрелся. – пишет Н.Д. Телешов, подчеркивая его одиночество, – Он видел перед собой пустынную улицу сквозь густые сумерки, видел грязную, потемневшую дорогу, постепенно слившуюся с дождем и вечерними тенями»¹. Этот пейзаж уже предвещает нечто трагическое, печальное в жизни земского заседателя.

Кульминация рассказа состоит в том, что Волынцев опять идет на охоту, и его сопровождает как бы идиллический пейзаж. «У нас полное раздолье, воздух чистый, домик мой просторный, все крайне дешево и всего сколько хочешь. Реки кишат рыбой, а дичи так много, что некуда деваться...» – писал он домой².

Ничего не предвещало беды: «Солнце клонилось к западу, пламенем и золотом отражаясь в воде. Вокруг цвели травы желтыми, белыми, розовыми цветами; кое-где возвышались над ними одинокие сосны или торчала седая полынь. Было тихо, безлюдно и таинственно, точно деревья, травы и цветы, прощаясь до завтра с солнцем, обменивались с ним приветствием. Все мирно ликовало, все было полно жизни, все, казалось, понимало друг друга...»³. Однако такая идиллическая картина природы контрастирует с тем, что Волынцев будет напуган. По сюжету дальше неизвестные бродяги пугают Волынцева, так что он еле добирается до села. Герой нарушает обычай, устоявшиеся в этой местности, – это главная идея рассказа. Заканчивается рассказ опять тем, что его тройка мчалась уже по безлюдной дороге мимо того леса, где Волынцев недавно охотился. Автор подчеркивает, что эта природа, люди отторгли нарушителя местных обычаев.

В рассказе пейзаж является одним из важнейших компонентов художественного мира Н. Д. Телешов. Он использует пейзаж как контраст, как

¹ Там же. С. 239.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 243.

отражение общей идеи произведения: идиллия/трагедия, закон/милосердие, новаторство/традиция. Картины природы в рассказе прежде всего имеют эмоционально-психологическую и организующую произведение функцию, в том числе служат для своеобразных сюжетных и эмоциональных переходов.

До путешествия Н.Д. Телешова на Урал и в Сибирь было создано большое количество произведений, в которых авторы не только описывали достопримечательности местности, особенности жизни людей, показывали разнообразие и богатство русской природы.

В произведениях Н.Д. Телешова не только изображаются факты из жизни переселенцев, но и пейзажи Урала и Западной Сибири. Когда Н.Д. Телешов начинал путешествовать по Сибири, автор уделял больше внимания описанию внешности персонажей и развитию фабулы, чем описанию природы. После года путешествия автор серьезно обратился к описанию пейзажа, особенно в произведении «На тройках» (1895). Внутренней связи между элементами произведения (сюжетом, образами, пейзажем) становится более логичная и взаимообусловленная. В рассказе «На тройках» динамика сюжета связана с поездкой купцов на ярмарку, поэтому автор придает «динамичность» пейзажу: «За окнами мелькали занесенные снегом рощи и поляны, сторожевые будки, селения...»¹.

В Нижнем Новгороде, откуда отправляются купцы на Ирбитскую ярмарку, стояло «чудное утро, солнечное и слегка морозное, сияло...». А дальше Н.Д. Телешов показывает просторы России, что дает эпичность повествованию: «Ясный морозный день. В воздухе тишина невозмутимая. Небо совершенно голубое, точно летом, и солнце светит по-летнему, только не греет, и белый снег вокруг блестит и искрится, так что больно смотреть, и вьется впереди наезженная дорога прихотливыми очертаниями, и не хочется отрывать взоров от сверкающей бесконечной равнины, что тянется по левой стороне не тронутая человеческими ступнями, до самых краев небосклона. Правый нагорный берег глядит на нее исподлобья, как старец-жених на

¹ Телешов Н.Д. На тройках//Избранные сочинения. Повести и рассказы. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 2. С. 167.
80

молодую невесту, и там, где раскинулись старые Печоры с их колокольнями, утопающими летом в зелени садов, торчат оголенные ветки. Угрюм и задумчив этот нагорный берег, весь обросший старыми лесами; заиндевелые деревья производят самые фантастические сочетания: то чудится в них какой-то терем волшебный, то узоры, вышитые по канве, – целый русский сказочный мир встает в воображении...»¹.

Например, в произведении «Против обычая» и «Самоходы» автор Н.Д. Телешов только изобразил дорогу, дождь и закат. Единственное отличие было сцена воспоминаний о родном городе в произведении «Против обычая». Когда герой Василий Михайлович мечтает вернуться в родной город, автор Н.Д. Телешов пишет: «У нас полное раздолье, воздух чистый, домик мой просторный, все крайне дешево и всего сколько хочешь. Реки кишат рыбью, а дичи так много, что некуда девать...»². Наоборот, в прозе «Сухая беда» приверженность главного героя к любимой женщине добавляет контраста между идеалом и реальностью: «– Ну вот. И в Петербург проедем; там дворцы стоят, государь живет... Оттуда махнем за границу. Улицы там какие! Дома какие – на крышу взглянешь, шапка свалится!.. Магазины, рестораны – черт знает!.. Здесь у нас снег да метели, мороз за уши дерет, а там, где-нибудь на берегу моря тепло... цветы цветут... Ты видела когда-нибудь море? А виноградники? Идешь, а вокруг тебя рай земной: груши зреют, апельсины на ветках... виноград висит вот этакими кистями!.. Потом в море будем купаться... Волна это издали растет, бежит прямо на тебя... думаешь: ну, разбила!»³ Очевидно, что в последнем произведении уровень изображения природы «встроен» в идеиную канву повести. Н.Д. Телешов пытается через столкновение мечты Фени, которую рисует Курганов, однако, идеальный пейзаж «заграницы», где «цветы цветут», резко контрастирует с морозной реальностью. Автор использует контраст в пейзаже для более убедительного изображения эмоций Фени и купеческого бахвальства Курганова.

¹ Там же. С.167.

² Телешов Н.Д. Против обычая// Там же. Т.2. С. 242.

³ Телешов Н.Д. Сухая беда// Там же. Т.2. С. 273.

В рассказе «Против обычая» изображается сибирская глубинка, где служит герой Василий Михайлович, для него это не родная земля, для местных жителей – это родной город, родные места: «Дорога вела сибирской заимкой. По сторонам за крестьянскими усадьбами раскидывались пашни, а впереди, где начинался березовый лес, на самом краю чернела одинокая землянка»¹. Внутри этого текста «березовый лес» воспринимается как совершенно особый элемент, он обычно используется как метафора в русской литературе как «родина». «Березовый лес» в восприятии людей, живущих в Сибири, – это тоже Россия-родина, где красиво и тепло.

Видно, что путешествия оказали большое влияние на Н.Д. Телешова. В рассказах об Урале и Сибири пейзаж стали более разнообразны, с деталями цвета, света, с описанием деревьев, рек. Писатель передает в прозе свои наблюдения: звуковые особенности, красочную палитру, состояние неба, деревьев, воды. Однако, образы природы не самоцель для писателя, фон становится действенным философско-идеологическим компонентом поэтики, выявляет глубинные смыслы и настроение произведений, владеющее автором и героем. С одной стороны, такие описания продвигают сюжет, с другой стороны, в его элементах пейзажа видна символика. Пейзажные картины постоянно соотносятся с жизнью героев: просторы Сибири, горы Урала, простая красота Центральной России становятся своеобразными символами красоты, но вместе с тем противопоставлены обездоленности простого трудового народа. В то же время в прозе Н.Д. Телешова природа показана как первооснова силы народа, она питает его веру, возвышает духовно. «Лунный свет всегда странно действует на душу. Когда летнею ночью выйдешь на широкое поле и заглядишься вдаль, где все молчит, все дремлет, то стоишь среди простора и понимаешь ясно в эти минуты, как ты одинок на свете, одинок и ничтожен. Какою бы ни была красавицею ночь, но глядишь на нее не как очарованный, но с тоскою, с вопросом. Ночь ли тебя вопрошаешь, ты ли спрашиваешь ее, но есть какое-то непонятное общение человека с этим

¹ Телешов Н.Д. Против обычая// Там же. Т.2 С.233.

бледным сиянием, с этими вековечными звездами, далью, с этим глубоким небом... Только не понимают твоей тоски ни небо, ни звезды, ни сияющая даль, и ты видишь, что они не понимают тебя. Может быть оттого, что видишь все это, и становится на душе так печально»¹. Например, в произведении есть описание неба: «небо совершенно голубое», «небо было светло», есть «мутное небо и седой туман». Когда небо было голубое, мы можем увидеть «белый снег вокруг блестит и искрится», или «серое небо с бродячими рваными тучами словно обвисло от гнетущей тяжести и готовилось опять порошить снегом. Сухой ветер налетал порывами, ударялся в задок повозки и пропадал надолго». Когда небо было желтым, тогда даже весь город «казался каким-то желчнобольным»².

Кроме того, в изображении лесов и деревьев мы также можем видеть внимательное авторское наблюдение: «то чудится в них какой-то терем волшебный, то узоры, вышитые по канве, – целый русский сказочный мир встает в воображении...»³. Конечно, есть такие конкретные и яркие описания леса. Н.Д. Телешов описывает сосновые леса, причем они часто используются для контраста с мрачными пейзажами: «совершенно тихо в густом лесу, хотя бы не дрожал от ветра ни единый лист, ни единая хвоя. Вон свалившаяся сосна; лет двести росла она тут – огромная, серая; свалил ее ураган и выворотил вверх корнями... и не упала она трупом на землю, а легла поперек, как больная; а к торчащим корням ее протянула мохнатую лапу соседняя елка; еще год - и дотянутся она до корней и закроет их товарищескою рукою от посторонних взглядов и злых непогод»⁴. Стоит отметить, что в другой части автор тоже олицетворяет лес: «гудя, он стоял строго, как великан, не трогаясь ни одним сучком, и только боковые сосны и ели качали укоризненно головами, точно стыдя ветер за его прооказы с молодыми елками»⁵.

¹ Телешов Н. На тройках// Там же. Т.2. С.212-213.

² Там же. С.195.

³ Там же. С.172.

⁴ Там же. С. 209.

⁵ Там же. С.216.

В произведениях Н.Д. Телешова солнце, луна, звезды всегда были связаны с особым символизмом, автор этим подчеркивал в текстах их значение в раскрытии эмоциональной характеристики событий и образов. Описания луны у Н.Д. Телешова никогда не было статичным. Чаще луну он описывал в антропоморфном ключе. Например, в раннем произведении «Самоходы», описание луны выглядит так: «Закат еще не померк, над городом еще тянулись яркие цветные полосы вечерней зари, а над степью уже всходила луна; она еще не светила, не золотила степи, а только глядела ласково и скромно, обещая тихую, ясную ночь... Длинные слабые тени ложились от них на дорогу, и луна точно серебром устилала им путь. Было ясно вокруг, тихо и торжественно. С одной стороны чернел лес, а с другой раскидывалась бесконечная степь, вся проникнутая лунным сиянием, теряющаяся в прозрачном тумане»¹. Продолжая, автор подчеркивает, что к утру лунный свет «беспомощно и тоскливо взирала луна на зардевшийся восток и медленно утопала, бледная, за горизонтом»². Н.Д. Телешов в этом рассказе употребляет такие эпитеты «ласково», «скромно», «устилала», «беспомощно» и «тоскливо», которые показывают читателям, что луна для него подобна женщине, полной меланхолии, переживающей за путешествие пожилой семьи.

Несколько иное описание мы можем увидеть в произведении «На тройках». Автор писал, что «звезды гасли, и только луна не успела еще уйти и глядела во все глаза, притаившись на западе, как застигнутый ясным утром ночной гуляка, возвращающийся с пирушки домой»³. В повести «Сухая беда» описание луны больше соответствует настроению героя, например, после того, как Максимка узнает о клевете на Феню, автор показывает, что ничего не выводит героя из оцепенения, ни «месяц, окруженный громадным белесоватым кольцом», ни вой собаки Кунака, ни «бубенчики»⁴.

¹ Телешов Н.Д. Самоходы// Там же. Т.2. С.101.

² Там же. С.104.

³ Телешов Н.Д. На тройках// Там же. С. 231.

⁴ Телешов Н.Д. Сухая беда// Там же. Т. 2. С.286.

Рассказ «Домой» Н.Д. Телешов начинает описанием летней ночи: «Была ясная летняя ночь. Луна светила весело и спокойно; она заливала своим серебром поляны и дороги, пронизывала лучами леса, золотила реки...»¹. Такая спокойная картина постепенно сменяется слякотью, дождем и холодом.

В произведениях у Н.Д. Телешова солнце всегда связано с добрым началом. Например: «На тройках» «Когда солнце окончательно победило и, прогнав туман, глянуло полным светом, серевшая окрестность вдруг ожила. Помолодели угрюмые берега, засверкала дорога мелкими искрами, и побежали за тройками уродливые тени»². А также есть спокойная картина в произведении «Самоходы»: «Начинало светать... По полю закурилась жидкая роса, и ни кусты, ни телеграфные столбы уже не бросали теней: все сгладилось и сравнялось в сером предутреннем свете; ... В росистой траве, возле трактовой дороги, стояли недвижно, точно в раздумье, стреноженные лошади, кое-где дымились потухающие костры...»³.

В описании заката автор также показывает читателям красочный вид: «В какие-нибудь полчаса вечерние сумерки сменились совершенною темнотою. Ни звезд, ни луны не было на черном небе... Отсюда днем видна была бы Казань как на ладони, но теперь среди темноты только блестели стройными линиями огненные точки. Огни эти сливались в широкую таинственную картину»⁴.

Что касается описания дождя, то у автора в его произведениях тоже много различных описаний. Например, в рассказе «Против обычая» «скучный и одинокий» дождь имеет символическое значение. Одиночество героя как бы подчеркивается дождливой погодой: «Там, за окном, было серо и мутно: дождик бился в стекла, где-то чудилась однотонная песня ветра, и было скучно везде и сиротливо»⁵ или «дождь монотонно шумел за окном»⁶.

¹ Телешов Н.Д. Домой// Там же. Т. 2. С.122.

² Телешов Н.Д. На тройках// там же. Т. 2. С.187.

³ Телешов Н. Самоходы// там же. Т.2. С. 104.

⁴ Телешов Н. На тройках// Там же. Т.2. С. 195.

⁵ Телешов Н. Против обычая// Там же. Т.2. С.239.

⁶ Там же. С. 239.

В рассказе «Самоходы» дождь связан с воющим ветром и громом, как бы с драматическими поворотами в судьбе переселенцев: «Однако туча всплыvalа и все шире захватывала небосклон; по ней вспыхивали молнии и клубились жидкие, точно дым, облака, седые и грязные. Проворчал гром <...> Вспыхнула снова молния, сперва бледная и широкая, потом сразу метнулась она огненной линией в самую середину тучи и прорвала ее с треском и грохотом, и еще раз прорезала – и всю изорвала в мелкие клочья. Эти черные клочья сейчас же побледнели, растянулись, смешались с пробегавшими облаками и сплошь окутали небо...»¹.

Часто у Телешова в произведениях появляется такая деталь природы, как звезда. В рассказе «Самоходы» звезды – символ пути: «Проходили дни и недели – путники не унывали. Потихоньку брели они <...> Звездная ночь нередко заставала их среди поля...»². В повести «На тройках» Н.Д. Телешов описывает природу, освещенную лунным светом, и поэтому обладающую некой таинственностью: «На небе мерцали звезды, но часто заволакивались плавающими тучами. Иногда выглядывал молодой месяц <...> Лунный свет всегда странно действует на душу. Когда летнею ночью выйдешь на широкое поле и заглядишься вдаль, где все молчит, все дремлет, то стоишь среди простора и понимаешь ясно в эти минуты, как ты одинок на свете, одинок и ничтожен. Какою бы ни была красавицей ночь, но глядишь на нее не как очарованный, но с тоскою, с вопросом. Ночь ли тебя спрашивает, ты ли спрашиваешь ее, но есть какое-то непонятное общение человека с этим бледным сиянием, с этими вековечными звездами, далью, с этим глубоким небом... Только не понимают твоей тоски ни небо, ни звезды, ни сияющая даль, и ты видишь, что они не понимают тебя. Может быть оттого, что видишь все это, и становится на душе так печально»³. В другом произведении «Сухая беда» автор дает содержание надежды. Когда главный герой пьян, «На душе у него было пусто, в голове шумело.» он смотрел на звездное небо, автор не

¹ Телешов Н. Самоходы// Там же. Т.2. С. 107.

² Там же. С.108.

³ Телешов Н.Д. На тройках// Там же. С. 212-213.

использовал слова «пустой», а именно взгляд на звездное небо, «хотелось ему чего-то чистого и высокого, ради чего стоило бы жить и трудиться»¹

Особенной деталью в пейзаже является крест, который может быть поклонным на развилке дорог или могильным крестом. Так в рассказе «Самоходы» писатель обращает внимание на одинокий крест: «Секли их косые дожди, сушило их красное солнышко, обжигал их встречный ветер, слепивший глаза придорожную пылью <...> Встречались им по пути цветущие поляны, густые рощи или необъятная ширь – до самого неба, и среди этой шири вдруг попадался где-нибудь на краю дороги одинокий деревянный крест. Невольно снимали шапки, глядя на него, прохожие, задумывались и вздыхали... Чей покой бережет этот безмолвный сторож?»². Так красивая дорога резко контрастирует с одиноким крестом. В рассказе автор как бы предвосхищает внезапным появлением креста у дороги мотива судьбы: старик Устинич не сможет увидеть «счастливую землю», а умрет в пути.

Н.Д. Телешов органично вписывает различные виды пейзажа в канву произведения, поэтому природа в его произведениях является своеобразным дополнением к сюжетных ходам, а также камертоном эмоционально-психологических состояний героев.

Выводы по первой главе.

1. Ранние стихи Н.Д. Телешова демонстрируют влияние как «некрасовско-суриковского» направления, так и поэзии «безвременья» Я. Полонского, С. Надсона и Д. Мережковского и др. Кроме того, в них можно увидеть зарождение авангардных черт. Н.Д. Телешов включает в свои произведения мелодраматические мотивы, элементы городского романса, что придает его стихам особую глубину и эмоциональную насыщенность, отсылает к фольклоризму «третьей культуры».

2. Творчество Н.Д. Телешова принадлежит к реалистической литературе XIX – начала XX веков. Его произведения исследуют общечеловеческие,

¹ Телешов Н. Сухая беда// Там же. Т.2. С.267

² Телешов Н. Самоходы// Там же. Т.2. С. 108.

социальные и философские проблемы эпохи. В его прозе находят отражение характерные для реализма темы: крестьянский вопрос, трудности переселенцев и их семей, процесс эмансипации женщин, духовные искания и отражение революционных настроений. Прозаическое наследие Н.Д. Телешова отличается синтезом реалистических и в некоторой степени модернистских художественных элементов, что свидетельствует о его стремлении к интеграции различных художественных тенденций.

3. В повестях и рассказах писателя ярко проявляются ключевые тенденции реалистической прозы того исторического периода. Автор уделяет особое внимание судьбам различных социальных групп: русского крестьянства, городского населения, купцов и интеллигенции.

Это внимание проявляется через детальное изображение жизненных обстоятельств, культурных особенностей крестьян-переселенцев, их внутренних переживаний, надежд и мечтаний. Писатель показывает, как масштабные социально-экономические изменения, происходящие в обществе, влияют на жизнь этих групп, создавая сложные и многогранные образы.

Город, с его сложной социально-классовой структурой, становится важным объектом изображения. Автор показывает не только внешние проявления жизни в городе, но и её внутренние противоречия, конфликты и взаимодействия между различными социальными слоями: купцами, мещанами, служителями.

4. Н.Д. Телешов рассматривает вопросы о семейном устройстве, о семейных ценностях, о положении женщин в российском обществе. Такой подход позволяет значительно расширить тематический диапазон произведений: помимо проблем деревни в повестях и рассказах писатель рассматривает проблемы городских жителей. Писатель не просто описывает события и характеры женщин, но и анализирует их в контексте больших социальных процессов, что позволяет читателю глубже понять суть происходящих изменений и их влияние на жизнь людей. Особое внимание Н.Д. Телешов обращает на положение детей переселенцев, на их тяжелую

судьбу, которую они разделяли наравне со взрослыми (рассказы «Самоходы», «Домой», «Елка Митрича», «Нужда»).

5. Писатель в повестях и рассказах затрагивает сюжеты, связанные с духовно-религиозной жизнью народа. У Н.Д. Телешова эти сюжеты переплетаются с глубинным пониманием русской духовности, выдержанной в традициях народной религиозности (рассказы «Между двух берегов», «Слепцы», «Катя-вожак», «Она ли?»).

6. Поэтика пейзажа в произведениях Н.Д. Телешова предстает своеобразным отражением литературных тенденций конца XIX- начала XX века. Писатель запечатлевает в прозе и мимолетные звуки, и богатую красочную палитру окружающего мира, и изменчивое состояние небес, солнца, луны, звезд, и плеск воды. Однако, для писателя образы природы – не просто живописный фон, а действенный философско-идеологический компонент его поэтики. Пейзаж становится ключом к пониманию глубинных смыслов и настроений, пронизывающих произведения, отражая внутреннее состояние как автора, так и его героев.

Таким образом, повести и рассказы писателя становятся важным вкладом в развитие реалистической прозы, расширяя её возможности и обогащая её содержание.

ГЛАВА 2. СКАЗОЧНАЯ ПРОЗА Н.Д. ТЕЛЕШОВА И ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРИЗМА КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

2.1. Фольклоризм в русской литературе конца XIX - начала XX вв.

Народная культура, фольклорные жанры отражают в концентрированной форме народные этические, эстетические нормы и философские воззрения, сложившиеся за многовековую историю. Традиции фольклоризма древнерусской литературы, то есть использование авторами структуры фольклорного текста, сюжетов, мотивов, образов, приёмов и художественных средств, прямого цитирования фольклорных произведений, получают развитие на протяжение всего периода развития русской литературы. Фольклор и литература – вербальные искусства, именно поэтому изначально в них существуют системообразующие отношения, которые проявляются не столько на уровне художественных приемов, сколько на уровне художественного мироощущения авторов.

Обращение к фольклору не только как к «иллюстративному материалу», но и проникновение и презентация народного духа, быта становятся для русской литературы естественным процессом. Так А.Н. Пыпин в статье «этнографический стиль» выступил против тех беллетристов-этнографов, которые пытаются подделываться под народный стиль. Стилизация под «мужицкий язык», по мнению ученого, «погоня за верностью крестьянского колорита доходила до того, что герои повестей говорили «мужицким» языком, изломанным до невероятности». А.Н. Пыпин считал, что «нет сомнения, что всякий «художник» должен знать тот круг жизни, который он берется изображать...», но необходимым два условия: писатель должен соблюдать своеобразную соразмерность и чёткую определённость, когда и в каком месте описания могут быть уместны народные элементы.¹

¹ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. С.417.

Осмысление фольклоризма русской литературы прошло ряд этапов – от стремления ученых выявить реальные связи произведений того или иного писателя с конкретными народно-поэтическими источниками, через анализ мотивов и сюжетов, систему образов и эстетической функции фольклорных элементов в авторском произведении. В трудах историков литературы в России в 1880-1900-е годы возникает особый интерес к народному творчеству, «этнографизм и фольклоризм» литературы тесно связаны с их социально-политическими взглядами писателей, их эстетической ориентацией.

В советский период продолжалось осмысление взаимосвязи фольклорных и литературных тенденций в историко-литературном процессе. Советские фольклористы-ученые большое внимание стали уделять выявлению некоторых существенных моментов освоения литературой художественных принципов фольклора: вопросы типизации, развитие жанров, стиля. Основными трудами, давшими развитие теории фольклоризма, можно считать работы Д.С. Лихачева, А.А. Горелова, В.Е. Гусева, У.Б. Далгат, Л.И. Емельянова, Д.Н. Медриша, А.И. Лазарева, А.М. Новиковой, Т.Г. Леоновой, Э.В. Померанцевой, Н.И. Савушкиной, В.А. Поздеева, В.В. Головина, О.Р. Николаева.¹

Фольклоризм в литературоведческом плане трактуется не всегда однозначно, однако известный советский, российский фольклорист У.Б. Далгат отметила самые важные стороны этого явления. Она писала:

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград: Изд. «художественная литература». 1971. 412 с.; Горелов А.А. Вопросы теории Фольклора. Русский фольклор. Ленинград «Наука». 1979. 238 с.; Гусев В. Е. Фольклористика в системе гуманитарного знания // Гуманитарий. Санкт Петербург, 1995. С. 133–142; Долгат У.Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 304 с.; Емельянов Л. И. Понятие «фольклор» в советской фольклористике // Русский фольклор материалы и исследования VI. Изд. Академии наук СССР.М. 1961. С. 5–34.; Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Изд. Саратовского университета 1980. 294 с.; Лазарев А. И. Типология литературного фольклоризма. Челябинск, 1991. Новиковой А.М. Русское народное поэтическое творчество. Москва: Изд. «высшая школа», 1984. 399 с.; Леонова Т.Г. Русская сказка и ее отношения к народной сказке. Томск: Изд-во Томск. унта, 1982.; Савушкина Н.И. Постижение глубин фольклоризма // Фольклор в современном мире: аспекты и пути исследования. М.: Наука, 1991. С. 11–37.; Джанумов С.А. Народные песни и малые жанры фольклора в творчестве А.С. Пушкина: монография. Москва: МГПУ, 2015. С. 261.; Головин, В. В. "Узелковое письмо" фольклоризма: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodeystvija v russkikh literaturnykh tekstakh novogo vremeni / V. B. Gоловин, O. P. Nikolaev // Navstrechu Treтьему Всероссийскому конгрессу фольклористов : сборник научных статей / Министерство культуры Российской Федерации, Государственный республиканский центр русского фольклора. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. С. 16-54.

«Сознательное обращение писателей к фольклорной эстетике принято называть фольклоризмом. Фольклор и литература рассматриваются как две самостоятельные системы, поскольку художественный способ познания действительности и ее воссоздания в каждом случае неодинаковы»¹. Также определение фольклоризма в общеэстетическом плане дал В.Е. Гусев – это «социально детерминированный эволюционный процесс адаптации, репродукции и трансформации фольклора в условиях, отличающихся от тех, в которых развивался и бытовал традиционный фольклор»². На этой основе он выделяет типы фольклоризма: бытовой, идеологический и художественный. Мы придерживаемся точки зрения В.Е. Гусева, что фольклоризм литературы, согласно его типологии, представляется одной из разновидностей художественного типа. Хотя А.И. Лазарев отмечал, что этот термин употребляется в литературоведении и фольклористике с различными значениями, «так как само явление столь многогранно и многоаспектно, что не вмещается ни в одну формулу»³.

Миропонимание и мироощущение писателей «переходной» эпохи начала XX века являются важным маркером сути фольклоризма. Литературно-фольклорные проблемы связаны уже не осмыслением места фольклора в творчестве того или иного писателя, скорее всего это уже анализ проблем органического использования всего набора художественных традиций, сложившихся за два века. В русской литературе можно выделить структурное и мотивное заимствование из фольклора, в первом случае автором используется структура текста определенного фольклорного жанра как «остов» для литературного произведения, а мотивное предполагает использование мотивов в произведении. Также автор может заимствовать художественные приемы из фольклорных произведений.

Писатели-народники и близкие к ним литераторы помимо критического освещения положения крестьян в России писали так называемую «литературу

¹ Далгат У.Б. Литература и фольклор. Теоретические аспекты. М., 1981. С.4.

² Гусев В. Е. Фольклор и социалистическая культура. // Современность и фольклор. Москва, 1977. С. 10.

³ Лазарев А.И. Типология литературного фольклоризма. Челябинск, 1991. С. 14.

для народа», в том числе рассказы с незамысловатыми сюжетами, сказки, притчи, основанные на русском фольклоре. Влияние фольклора шло как бы по двум родовым направлениям: песенному (обрядовая и необрядовая песня, частушка, баллада, городской народный романс), и прозаическому (сказка, легенда, быличка): «Сказка о Мудрице Наумовне», «О Правде и Кривде», «Сказка о копейке» С. М. Степняка-Кравчинского; «Сказка о четырех братьях» Л. А. Тихомирова; «Ночь под Новый год», «Сказка о несправедливом царе» Ф. В. Волховского; поэмы С. С. Синегуба «Илья Муромец», «Степан Разин» и др. Такое обращение к различным формам народного творчества, по мнению писателей, должно было раскрыть духовные силы народа, показать пути к освобождению.

Писатели конца XIX – начала XX в. развивали традиции писателей-народников, в произведениях которых для изображения тяжелой жизни крестьянства, как иллюстрации приводились фольклорные тексты. Особый интерес у писателей вызывал жанры сказки и легенды. Особняком стоит творчество для народа Л.Н. Толстого. Популярны в народе были «Сказка о Мудрице Наумовне», «О Правде и Кривде», «Сказка о копейке» С. М. Степняка-Кравчинского; «Сказка о четырех братьях» Л.А. Тихомирова; «Ночь под Новый год», «Сказка о несправедливом царе» Ф.В. Волховского. Традицию поэтических сказок-поэм можно видеть в творчестве С.С. Синегуба («Илья Муромец», «Степан Разин»), М.И. Цветаевой («Переулочки», «Молодец», «Царь-девица», «Егорушка») и др. В русской литературе наиболее ярким примером фольклоризма являются стихи Н. Цыганова, А. Кольцова, И. Никитина, поэтов начала XX в. А.А. Блок, С. Есенин, А, И. Суриков и его окружения, поэтов-самоучек С. Дрожжина, П. Орешина, А. Ширяевца, Ф. Шкулева, С. Клычкова, которые не только стилизовали свои произведения под народные песни, но выражали их беды и мечты народа. Для этого они стремились как можно ближе «узнать и понять» народную жизнь, быт, творчество, чтобы использовать народное мироощущение в своих прозаических и поэтических произведениях. Поэты использовали

фольклорные мотивы, сюжеты народных песен. Их стихотворения очень часто становились «народными» песнями или жестокими романсами.

Одним из любимых жанров являлась литературная сказка и легенда, которые стали выражением интереса русских писателей к мифологии, к мифотворчеству, к духовно-эстетическим нормам, выраженным русской сказкой. Литературная сказка и легенда рубежа веков постепенно трансформируется в сказку для детей и взрослых советского периода. Признанные писатели обращаются к жанру сказки. М.М. Пришвин пишет сказки-путешествия; А.М. Горький пишет «Воробышко», «Самовар», «Сказка про Иванушку-дурачка», «Случай с Евсейкой», цикл сказок об Италии; А.Н. Толстой пишет циклы «Солнечные песни», «За синими реками», сборники «Русалочки сказки» и «Сорочьи сказки». Появляются сказочно-мифологические произведения А.М. Ремизова «Посолонь»; «Русалия», «Среди мурья», «Сказки русского народа». В книге А.М. Ремизов «Встречи. Петербургский буерак» писал: «Сказочный материал для меня клад: я ищу правду и мудрость – русскую народную правду и русскую народную мудрость, меня занимает чудесное сказа – превращения, встреча с живыми, непохожими – не человек и не зверь, я вслушиваюсь в балагурье, в юмор, я входил в жизнь зверей, терпел их долю. Сказка мне не навязанное, а поднятое, любимое».¹

Особо стоят сказки Л.А. Чарской (сборник «Сказки голубой феи»), в которых фантазия писательницы соединяется с «мировой сказочной традицией», с романтическим, далеким от социальных проблем, взглядом на мир. Это подчеркивалось в обращении к маленьким читателям. Л.А. Чарская писала: «ты знаешь сказки людские, а я (фея – Х.Ц.) тебе расскажу те, что выдумали старый лес и шаловливая речка, и золотое солнце приспало к нам сюда с весенними лучами. И та, которые принес орел на своих крыльях, медведь прорычал в берлоге, и те, что прозвенели серебряными голосами такие же маленькие феи, как я».² С.Я. Маршак в статье «О большой литературе

¹ Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. LEV. 1981: 85. Rue Rambuteau. 75001. Paris. С. 15 URL: https://archive.org/details/1981_20230104/page/n7/mode/2up

² Чарская Л.А. Сказки голубой феи. СПб.: М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1912. С.6.

для маленьких» (в основу статьи положен доклад, прочитанный на I Съезде советских писателей) высказывал критические, идеологически окрашенные замечания по поводу «слащавой и ядовитой романтики Чарской и ей подобных».¹ Однако, «убить» Чарскую не удалось, дети с удовольствием читали и читают ее книги.

Тенденция обращения к фольклорно-мифологическим сюжетам, героям мифов разных народов в конце XIX – начала XX вв. была достаточно сильна, поэтому и Н.Д. Телешов следует этой традиции. Память жанра фольклорной сказки, как считал М.Н. Липовецкий, проявляется в литературных сказках (поэтических и прозаических) А. Ахматовой, М. Цветаевой, Л. Леонова, С. Клычкова, поздних сказок А. Ремизова, Е. Замятине, а также в советской детской литературной сказке К.И. Чуковского «Тараканище» (1923), В.В. Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» (1925), Ю.К. Олеши (1928, создана в 1924) «Три толстяка» и т.п. Литературную сказку М.Н. Липовецкий соотносит с первожанром – народной сказкой. Он писал: «Именно первожанры становятся источником «памяти» жанров последующих эпох об универсальном и гармонично-целостном архаическом миромоделировании, передавая мифологическую семантику уже опосредовано, с неизбежным обновлением и глубокими трансформациями, главным образом через структуру своего художественного мира»². В этом плане изучение фольклоризма индивидуального писательского творчества является лишь частью решения более широкой теоретической проблемы, рассматривающей взаимовлияние фольклора и литературы на разных уровнях.

2.2. Жанр литературной сказки и легенды в творчестве Н.Д. Телешова

Творчество Н.Д. Телешова конца XIX – начала XX вв. представляет собой преломление многих историко-литературных и фольклористических

¹ Маршак С.Я. О большой литературе для маленьких// <http://lib.rin.ru/doc/i/147805p5.html>

² Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920-1980-х годов). Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1992. С.29.

тенденций русской литературы. Н.Д. Телешов помимо рассказов и повестей о переселенцах пишет сказки, новеллы-легенды для детей. Фольклор входил в жизнь и творчество Н.Д. Телешова не только через сборники, отразившие интерес к народному творчеству, но и через семейные отношения. Мать жены Телешова Елены Андреевны Карзинкиной – София Николаевна – была из семьи Рыбниковых, ее родной брат, Павел Николаевич (1831–1885), был знаменитый русский этнограф и фольклорист, записавший много былин на берегах Онежского озера и положивший начало экспедиционному изучению былинного творчества в России. Его известный сборник «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (1861–1867) стал первым сборником, в котором опубликованы былины, записанные с голоса северных сказителей.

Для Н.Д. Телешова интерес к фольклору является системообразующим фактором в его сказках и легендах. Писатель, в первую очередь, уловил дидактическую направленность народного творчества, вероятно, поэтому он написал несколько сказок и легенд с явным дидактическим посылом. Перу Телешова принадлежат следующие сказки и легенды, опубликованные в разных изданиях: «Белая цапля» (Детское чтение, 1900), «О трех юношах» [легенда] (Русская мысль, 1901), «Старый хозяин» (Памяти Н.А. Соловьева-Несмолова) (Детское чтение, 1902), «Легенда» (Народное благо, 1903), «Цветок папоротника» [летняя сказка, 1907] (Новое слово, 1907), «Менестрель» (1903), «Шайтан» (Современный мир, 1908), «Покровитель мышей» (1911), «Самое лучшее» (Новая жизнь, 1919), «Живой камень» (1919, опубликовано в «Избранное», 1945), «Крупеничка» (1919, Вестник артельного труда, 1922), «Волшебная сказка» (первоначальное название «Мутабор», «Важные птицы») (Пионерская правда, 1956), «Зоренька» (1921, Московский альманах, 1923).

Рукописи нескольких сказок и легенд хранятся в архивах: «Три легенды» (1889) [набросок], «Живая вода (Дочь Луны) [Старинная легенда, 1907], «Беляночка» (Белая мышка) [легенда, наброски, 1914], «Верблюд» (Хитрецы) [сказка, 1914], «Ворон» [сказка-притча, 1914], «Выкуп» [сказка, 1914], «Галка»

[сказка, 1914], «Коробочка» [сказка, 1914], «Ласточка» [сказка, 1914], «Лиса и медведь» [сказка, 1914], «Обиды» [сказка, 1914], «Откуда вражда» [сказка, 1914], «Сказка мельника-кузнеца из Пскова» [сказка, 1914], «Сказка о Радости» [набросок, 1914], «Сноха и свекровь» [сказка, 1914], «Дары аллаха» (другие названия – «Шелуйда», «Восточная сказка») [сказка, 1919], У Н.Д. Телешова есть неопубликованное сказание «Пророк», рукопись хранится в квартире-музее Н.Д. Телешова.

Святочная сказка «Наваждение» (1889, другое название «Святочная сказка», первоначальное название «Генерал») была опубликована в книге Н.Д. Телешов «Небылицы (фантастические наброски)» (Киев, 1893). Степень влияния фольклорных тенденций на произведения Н.Д. Телешова во многом зависела от контекста и тех тенденций, которые писатель усвоил и воплотил в произведениях. Он опирался на традиции сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина, в которых фантастическое/сказочное сочеталось с сатирическими и реалистическими элементами. М.Н. Липовецкий, рассматривая отношения к литературной сказке в начале XX в., констатировал, что «в 1910-е годы литературная сказка в целом сформировалась как жанр достаточно книжный, утонченный и довольно ощутимо отдаленный от народной первоосновы. А в 20-е годы сказочность в литературе получила новое дыхание именно благодаря актуализации собственно народно-поэтической художественной семантики»¹

Сказки «Крупеничка», «Зоренька» были написаны уже после Октябрьской революции на сюжеты народных преданий. Именно поэтому в этих сказках в большей степени прослеживается некая «идеологическая» направленность. Так в сказке «Крупеничка» (1919) воевода имеет славянское имя Всеслав, а противник – татарский военачальник – Талантай. Сюжет имеет отсылки как к народным сказочным мотивам, так и к сюжетам древнерусских повестей: поиски девушки-пленицы во вражеском kraю. Из волшебных сказок писатель использует образы матушки Варварушки, волшебника

¹ Липовецкий Н.М. Указ. соч. С. 85.

старичка-дарителя. Телешов проводит параллель двух образов: красной девушки Крупенички и душистой гречи. В этой сказке также раскрывается легендарная история обретения на Руси гречи. «А там, где упало малое зернышко, зазеленело невиданное доселе растение, и развело оно по всей стране цветистую душистую гречу, про которую и теперь, когда ее сеют, поют старинную песенку:

Крупеничка, красная девица,
Кормилка ты наша, радость-сердце.
Цвети, выцветай, молодейся,
Мудрее, курчавей завивайся,
Будь всем добрым людям на угоду!»¹

Сказка «Зоренька» написана в 1921 г., является своеобразным сочетанием нескольких сказочных мотивов, образов, заимствованных Телешовым как из народных сказок, так и сказок литературных. Начало сказки связано с традиционным былинным мотивом «хвастовства героя-богатыря», Телешов же описывает «хвастовство царя Косаря», едущего с охоты: «Возвращался с охоты царь Косарь. Охота была удачная, и Косарь развеселился. Бросил поводья, едет да поглядывает по сторонам, поглядывает да посвистывает. – Сильней меня никого вокруг нету. И умней, и вольней меня никого нету. Хочу – свищу, хочу – казню, хочу – дела делаю!»². Писатель использует и мотив предсказания судьбы. Перед царем появляется «пустынник-звезочет» «худенький седой старичок, о котором шла молва, будто он видит будущее и знает обо всем, что должно случиться»³. Сам термин «звездочет» отсылает к сказке А.С. Пушкина «Сказка о золотом петушке» (1834). Предсказание звездочета настораживает царя, он заставляет оградить единственную дочь, чтобы человек, который и умней его, и сильней его, не завладел дочерью и царством. Интересна трактовка Н.Д. Телешовым мотива будущего раздела царства: звездочет предсказывает, что тот, кто завладеет

¹ Телешов Н. Крупеничка//Телешов Н. Избранные сочинения: в 3-х т. Москва: ГИХЛ, 1956. Т.2. С.370.

² Телешов Н. Д. Зоренька// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 2. С.371.

³ Там же. С. 371.

царством «завладеть – завладеет, но себе не возьмет, а разделит его всем людям поровну»¹.

Сказки Н.Д. Телешова в советское время имеют идеологическую направленность, отразившую стремление народа к справедливости, благополучию, наказанию захватчиков и угнетателей. М.Н. Липовецкий подчеркивает, что в послереволюционное время усилилось обращение литераторов к нравственным идеалам народа, исследователь уточнял: «в литературе 20-х годов широкое распространение получил взгляд на сказку и ее семантику как на народную социально-нравственную утопию»².

2.3. Отражение восточных мотивов в сказочном творчестве писателя³

На рубеже веков в России возрождается интерес к восточной культуре, философии, литературе. При создании сказок и легенд писатели часто использовали известные восточные философско-этические притчевые мотивы. Помимо русских народных сказочных сюжетов и мотивов, Н.Д. Телешов обращается к восточным легендарным сюжетам, которые имеют типологические связи с восточной философией, этикой, с дидактикой.

Телешов в сказке «Белая цапля» (1900) использует назидательный, философский сюжет. Впервые сказка была опубликована в журнале «Детское чтение» в 1900 г. В письме И.А. Бунину Телешов сообщал, что пишет сказку, которая «злободневная, но не политическая... Тут Северное море и южный принц Сагир, и белая цапля»⁴.

Героиня сказки принцесса Изольда, которая была, как и ее отец добрая и милосердная, захотела на свадьбу самое красивое платье. Оно должно было быть нарядное, как ее родина, белое, как снег, серый плащ, как море, головной

¹ Там же. С.371

² Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920 -1980 - х годов): монография. Свердловск: УрГУ, 1992. 184 с.

³ Содержание данного раздела отражено в следующей публикации: Хе Ци. Жанровые модификации восточных произведений Н. Д. Телешова// Казанская наука. 2024. № 3. С. 183-185.

⁴ Бунин И. А. Письмо к Телешову Н. Д.//URL: <https://bunin-lit.ru/bunin/letters/letter-395.htm>

убор «из тонких стрелок – как узоры мороза, и чтоб сверкали они и искрились как снежинки при лунном свете!»¹. Старик-странник предложил взять хохолок цапли и сшить из него головной убор, для этого надо убить белую цаплю. Старик выполнил просьбу принцессы: убил одну цаплю, заказал мастеру головной и привез его в день свадьбы. Свадьба принцессы Изольды была счастливой, но сердце ее не было в безопасности. Во сне ей приснились белая цапля, которая рассказала, почему были истреблены все ее сородичи. Принцесса первая покусилась на белую цаплю, а за этим пришли другие охотники. Проснувшись утром, принцесса Изольда пожалела об этой давней просьбе, в ее душе возникла тревога за собственных детей. Царь сказал ей: «В мире и так слишком много страданий, а, причиняя зло хотя бы самому незначительному существу, ты увеличиваешь это зло».²

Восточные мотивы, вероятно, не так прямо и явно повлияли на творчество Н.Д. Телешова, но общее увлечение Востоком в то время, а также аллегоризмом, мифологией, опосредованно проявляются в легендах писателя. Восток богат нравственно-философскими легендами, которые связаны с поиском истины, с раскрытием глубинных смыслов религии. Восток – родина многих мировых сюжетов. Обращение к философии Востока давало возможность постичь тайны развития мировых цивилизаций, и, в конечном счете раскрыть смысл существования человека.

Если говорить о философских источниках, сути мотивов, то в Китае, например, есть очень известное изречение, которое убеждает людей делать больше хороших дела и меньше плохих. Это изречение взято из «Летописей троецарствия», которые представляют собой хронологическую историю периода Троецарствия в Китае. Автор Чэнь Шоу написал биографию Лю Бэя, императора династии «Шу Хань». В «Летописях троецарствия» (三国志·蜀书·先主传) император Лю Бэй сказал своему сыну Лю Чэню перед смертью: :

¹ Телешов Н. Д. Белая цапля // Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 2. С. 298.

² Там же. С. 308.

Не делай плохие дела, хотя они маленькие,
и не прекращай делать хорошие дела, хотя они маленькие.¹

Н.Д. Телешов использует легенду как своеобразный призыв к людям делать только добро. Малое зло даже во имя красоты является злом, которое может стать причиной необратимых последствий. Так как даже в реальной жизни искупление греха/зла часто уже не может изменить сделанного. Основная идея легенды заключается в том, чтобы убедить читателей не делать неправильных поступков из-за своих собственных эгоистических желаний.

В одной сказке «Самое лучшее» Н.Д. Телешов поднимает глубинные этические проблемы, которые тоже отражены в восточных источниках. В сказке у Н.Д. Телешова Пастух Демьян достал из речного песка маленькую светлую подковку. Телешов не случайно дает в руки Демьяна подкову. Существуют славянские поверья: потерять подкову считалось плохой приметой, а найти подкову – на счастье, особенно если взяться за оба конца подковы. Демьяну показалась подкова очень маленькой, «разве что козла подковать»². В сказке пастух, как только взялся руками за оба конца подковы, сразу появляется женщина в белой серебряной одежде. Это неслучайно у Телешова, она – дух-покровительница воды и камня, а также хозяйка богатства, спрятанного в камне. Этот сказочный персонаж навеян некоторыми фольклорными мотивами о кладах, а также уральскими сказами о хозяйке горы. Женщина говорит Демьяну, чтобы он нашел камень, открыл дверь в подземный дворец, в котором много сокровищ. В сказке «хозяйка» уточняет, что он может взять с собой столько вещей, сколько пожелает, но ему нужно помнить: «не оставь там самого лучшего».³ Пастух Демьян прислонил к камню подкову и вошел в «роскошный дворец». Подкова открывает ему все двери.

Сюжет этой сказки представляет собой авторскую интерпретацию известного восточного сюжета «сим-сим откроися» и соотносится с сюжетом

¹Чэнь Шоу Летописях троцарства URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.145c56de-690ee809-30c8b708-74722d776562/https://ctext.org/sanguozhi (дата обращения 23.06. 2021)

² Телешов Н.Д. Самое лучшее// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 2. С.362.

³ Там же. С.315.

из «Али-Баба и сорок разбойников». С. Томпсон отметил, что слова «Сезам, открайся!» иллюстрируют распространённый у многих народов мира сказочный мотив «волшебные слова, открывающие доступ внутрь горы», сказка относится к типу AaTh 676.¹ У Н.Д. Телешова же камень открывает подкова, в таком варианте можно видеть соединение славянской и восточной традиции.

Во дворце Демьян видит закрома полные зерна, «чаны с молоком, медом, с шипучей водой», комнаты с серебром, золотом, драгоценными камнями: «Глаза разбегаются; неизвестно на что и глядеть, чего желать, что брать»². Писатель подчеркивает изобилие и богатство, но своеобразным контрастом является то, что Демьян как был голый, каким он вышел из воды. Поэтому ему не во что было набрать драгоценностей. Взял он в обе горсти «драгоценных камней всех сортов и цветов и пошел скорее к выходу»³. Только после возможности взять какое-то количество драгоценностей он стал думать, а что же самое лучшее. Однако, Телешов подчеркивает психологическое состояние Демьяна, который не может выбрать «самое лучшее», поэтому «все мысли у него разбрелись», а «подковку» с собой взять забыл. «Только теперь он понял, что самое лучшее-то он и оставил там, куда теперь без подковки никогда, и ни за что не войдешь»⁴. Притчевый смысл сказки Телешов вкладывает в финальные слова Демьяна: «Опустил Демьян и руки и голову: «Вот тебе и самое лучшее!»⁵. Естественно, что Телешов при создании этого сюжета, опирался не только на русские сказки, но и на притчи, которые имеют много схожего в мировой литературе.

Подобный сюжет о «хранящихся в горе сокровищах» есть в Китае. Вариант сюжета «самое главное» в китайском эпосе реализуется в сюжетах «медведь ломает кукурузу», «собирает кунжут, но теряет арбуз» и т. д. Суть

¹Сказка относится к типу AaTh 676, сказочный мотив «сим-сим открайся». См.: Старостина А.Б. Легенда о Башне Желтого Журавля. Из истории китайского ойкотипа AaTh 676// Вестник РГГУ: Серия «Литературоведение. Языкоzнание. Культурология». 2023;(6). С.39-50.

² Там же. С.364

³ Там же. С. 364.

⁴Там же. С. 364.

⁵ Там же. С. 365.

этих литературных произведений – научить людей не терять то, что лежит перед ними, из-за жадности, но также всегда помнить и беречь то, что у них есть сейчас.

Изменения в этот период общественной жизни в России с огромной силой сказываются и в литературе. Писатели ищут новые средства, новые пути изображения действительности, которые могли бы отразить новые философско-эстетические искания. Некоторые писатели уходят в лагерь реакционного охранительства, другие – в декадентство всех толков и оттенков, для третьих привлекательным становится художественный мир романтизма. В поисках новых литературных форм писатели, обращаясь к романтике Востока, используют мир его народной фантастики, смелые фольклорные образы, фольклорные приемы.

Друг Н. Д. Телешова И. А. Бунин в 1903–1910 гг. совершил несколько путешествий по Востоку, что отразилось на его стихотворном творчестве. Путешествуя и изучая Восток, И. Бунин пытался найти какую-то универсальную мировую модель более совершенного человеческого общества. Работая над темами, образами и идеями древней культуры Востока, в своих стихах И. Бунин пытался в образной форме донести информацию до своих соотечественников.¹ В этом плане интерес Н. Д. Телешова к легендам и сказкам Востока подсказан ему всей обстановкой жизни того времени.

М. Горький, в 1915 году пишет программную статью «Две души», в которой противопоставил европейского и восточного человека, философию, науку. Он писал, что «Человек Востока ожидает вечного счастья и покоя за пределами земли, в области воображения; европеец хочет достичь долголетнего счастья на земле»².

Одна из восточных легенд, на основе которой создал рассказ Н.Д. Телешов – это легенда «О трех юношах». Впервые рассказ-легенда «Песнь о

¹ Ковалева Т.Н. Мир востока в лирике И.А. Бунина 1900-1910-х годов // Известия ДГПУ. Т.11. № 1. 2017. С. 72-75.

² Горький М. Две души [электронный ресурс]. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/dvedushi.htm> (дата обращения – 25.02.2024).

трех юношах» был напечатан в журнале «Русская мысль» за 1901 г. (позже опубликовалась с вариантами названий: «Легенда», «Горная легенда»).¹ Этот рассказ-легенда как бы продолжил традиции, заложенные в рассказе «Старуха Изергиль» М. Горького (Легенда о Данко) и в «Звезде» В. В. Вересаева.

Легенда построена как «рассказ в рассказе». Автор-рассказчик переносит читателя из реального ночного Железноводска, в котором автор-рассказчик оказался. Он едет с проводником Халимом в горы, сначала к сторожевой будке лесника и дальше к подножию Бештау. Утром автор-рассказчик увидел прекрасную картину природы Кавказа: горы Машук, Железную, Змеевик, в дали красовались Эльбрус и Казбек, вершины которых покрывали ледники. В укрытии Халим и спутник развели огонь. Халим запел песню, которая заинтересовал спутника: «Про что поешь? – спросил я»². Халим «под треск сырых сучьев и под шипенье шашлыка» пересказал песню. Так вводится в рассказ старая легенда. Халим пересказывает содержание песни: «О давно прошедшем – о незапамятных временах, когда еще не было снега и льдов на Кавказском хребте и громады гор стояли с обнаженными каменными вершинами»³. Грозный Аллах за непокорность карал людей «грозой и огнем». Только трех юношей он призвал к себе на гору, но народ не понял это, а просил юношей остаться с ними и вместе умереть от голода. Автор наделяет этих юношей самыми достойными чертами. Они были «самые красивые, самые добрые, самые честные»⁴, а также они умели петь песни, которые уже никто не умеет петь. Восславив Аллаха, каждый из юношей превращается в ледяные шапки гор, которые питаются водой ручьи и реки, дают жизнь в долинах. Они служили людям при жизни, зажигая сердца своими вдохновенными песнями, они становятся ледниками на вершинах гор после смерти, вечно источающими благодатную влагу и дарующими жизнь иссушенному солнцем долине. Они вечно живы в памяти народной. В этой

¹ Телешов Н. Д. О трех юношах// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 2. С.310.

² Там же. С. 314.

³ Там же. С. 314

⁴ Там же. С. 315

легенде Халим выразил народную мудрость: «лежат снега на вершинах уже тысячи лет, посыпая людям воду, чтобы не умереть от жажды, и люди счастливы, но вспоминают тех юношей только те, которым высоко на горах поет о них выюга вечную однозвучную песнь»¹.

Подобно Данко Селим, Шахан и Алибек обретают подлинное бессмертие лишь в вечном служении людям, которое запечатлено в народной песне Халима. В первой публикации конец легенды имел такое окончание: «песнь о трех юношах, песнь о том, как погибают добрые за чужое счастье»². В советском издании 1956 г. и последующих окончание представлено так: «как погибают лучшие люди за народное счастье»³. Такое незначительное изменение концовки легенды показывает, что Телешов осмысливал поступки трех юношей уже с точки зрения советского писателя. В них он также рассказывает о сильных, красивых людях, готовых отдать жизнь во имя народного счастья.

В сказке «Покровитель мышей» Н.Д. Телешов использует, казалось бы, абсурдный сюжет: «Мыши ищут кота как своего защитника». Мыши думали: «Как избавиться от врагов». Наконец, они нашли Кота, обратилась с просьбой: «Только вы должны по очереди провожать меня на монастырский двор».⁴ В результате кошки становились всё толще и толще, а мышей становилось всё меньше и меньше. В конце концов, другие мыши увидели, что кот ест мышей на завтрак, убежали и еще больше испугались кота. В конце автор Н. Д. Телешов также прямо указал на сюжет «Дорого обошелся мышам Кот-благодетель!»⁵

В китайском фольклоре тоже есть пословица, которая выражает суть сказочного сюжета: «Ласка поздравляет петуха с Новым годом – у него нет

¹ Там же. С.317

² Телешов Н. Песнь о трех юношах//Русская мысль. 1901. Год 22. Кн. II. С. 58.

³ Телешов Н. Д. О трех юношах// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Т. 2. Москва: ГИХЛ, 1956. С. 318.

⁴ Телешов. Н.Д. Покровитель мышей// URL:

http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_1911_pokrovitel_myshey.shtml?ysclid=mg5wv0qxbx72024671(дата обращения 02.10.2025)

⁵ Там же.

добрых намерений. Петух поздравляет ласку с Новым годом – он ищет смерти». ¹ Сказки и легенды Н. Д. Телешова, как и китайские пословицы, изречения, отражают культурные смыслы и самобытность нации, затрагивают основные вопросы общечеловеческой этики, морали, помогают людям правильно понять философские вопросы мироустройства.

В архиве Н.Д. Телешова находится рукопись сказки «Дары Аллаха»², другое название «Шейлуда», «Восточная сказка», датируемая 1919 г. (внесены изменения в 1923 г.). По жанру это произведение можно отнести к анекдотической сказке, по сюжету она напоминает сказку Ованеса Туманяна «Глупец» (1894), которая была опубликована в 1937 г. в переводах Я. Хачатрянца³ и (А.Б.?) Халатова⁴.

В отличии от сказки Туманяна Телешов главным героям делает бедного татарина Садыка. Бедняк идет к Аллаху просить помощи. На пути ему встречается волк, который жалуется на боль в животе, затем встречается яблоня, которая жалуется на то, что не может цвести и плодоносить, последней встречается рыба, которую мучит резь в горле.

«Долго шел Садык и пришел, наконец, в рощу из розовых кустов. Вокруг была такая красота и воздух был напоен таким чудным ароматом, что сердце бедного Садыка затрепетало от радости. От одного из кустов, самого пышного, исходило золотистое сияние и чудесным светом своим озаряло всю рощу. И Садык понял, что именно здесь – сам Великий Аллах»⁵. Садык высказал все просьбы, и Аллах объяснил причины тех бед, которые были у волка, яблони, рыбы. Самому же Садыку сказал, что его просьба уже исполнена: «Иди домой и будь счастлив»⁶. Обрадованный бедняк заспешил домой. Однако он не помог ни рыбке, ни яблоне. А волк, выслушав рассказ о рекомендации Аллаха, «поглядел на Садыка и вдруг кинулся на него, повалил на землю и начал

¹Ранобэ, новеллы на русском. Глава 121: Ласка поздравляет курицу с Новым годом// URL: <https://labnovel.ru/> (дата обращения 02.10.2025)

² Квартира-музей Н.Д. Телешова. Архив Ф. 499. Оп. 1. Д.4. Л. 19-22.

³ Туманян Ованес. Избранное. Стихи и проза. Тбилиси: Заря Востока, 1937. 189 с.

⁴ Туманян Ованес. Избранные произведения. Москва: Гослитиздат, 1937. 255 с.

⁵ Ф. 499. Оп. 1. Д.4. Л. 19 об.

⁶ Там же. Л.21.

грызть, приговаривая: «Клянусь Аллахом, уж глупее тебя никого не найти мне во всем свете»¹. Как и в анекдоте, в этой сказке в самом конце – неожиданное смысловое разрешение.

Восточная тематика, жанровые модификации произведений Телешова показывают, что писатель стремился улавливать тенденции своего времени. В его произведениях органично просматривается синтез этнокультурных мотивов и образов, взаимодействующих в едином художественном пространстве разных культур. Мысли о смерти и бессмертии звучат и в произведениях М. Горького. Так в пьесе «Дети солнца» Протасов говорит: «Страх смерти — вот что мешает людям быть смелыми, красивыми, свободными людьми! Он висит над ними черной тучей, покрывает землю тенями, из него рождаются призраки. Он заставляет их сбиваться в сторону с прямого пути к свободе, с широкой дороги опыта. Он побуждает их создавать поспешные уродливые догадки о смысле бытия, он пугает разум, и тогда мысль создает заблуждения! Но мы, мы, люди, дети солнца, светлого источника жизни, рожденные солнцем, мы победим темный страх смерти! Мы — дети солнца! Это оно горит в нашей крови, это оно рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак наших недоумений, оно — океан энергии, красоты и опьяняющей душу радости!»²

Рукопись текста «Три легенды» датируется 1889 г., публикация в периодике не обнаружена. Н.Д. Телешов обращается к жизни монахов. Начинается легенда: «В келью к о. Валентину собралось человек шесть монахов, его ежедневных посетителей и сотрапезников».³ В присутствии приезжего гостя начинаются разговоры, автор не уточняет, кто этот гость, однако из дальнейшего рассказа можно предположить, что это Николай, «пожилой монастырский певчий из спившихся судебных рассыльных».⁴ Такое

¹ Там же. Л.22

² Горький М. Дети солнца //Собр. соч.: в 30 т. Москва: Худ. литература. Т.6. С.326.

³ Музей-квартира Н.Д. Телешова. Фонд Н.Т Ед. хр. 56. Л.1.

⁴ Амфитеатров А. В. Дьявол в быту, легенде и в литературе Средних веков. — М.: Азбука-классика, 2010. скан на РГБ (дореформенная орфография) URL:

<https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%94%D1%8C%D1%8F%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B2%D0%B1%D1%8B%D1%82%D1%83,%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%B8>

начало отсылает нас к традиции рассказывать в компании разные истории. В келье заходит речь о «неправде и соблазнах мирских». Один из монахов говорит: «Где в миру один бес, там у нас и 77 приставлено, да еще у бесов бесенята есть...».¹ На эти слова певчий Николай иронически возражает, что бесов никто не видел. Скептик-певчий, как его называет автор, умолкает и достает лечебник-самоучитель, как бы в знак превосходства «над темным монашеством». После вынужденной паузы хозяин кельи первым начинает рассказывать легенду. Вероятно, Телешов замышлял использовать прием рассказа в рассказе и каждый из присутствующих должен был что-то рассказать, поэтому писатель дал название «Три легенды».

Первая легенда о том, как к старцу-отшельнику приходит Сатана, является как бы «отправной точкой» в рассуждении о грехах и соблазнах. Рассказчик оговаривает, что его рассказ можно воспринимать и как истину или нет, «а вроде как бы предание». Сатана приходит старцу-отшельнику и говорит, что всю жизнь он соблазнял старца, но все было напрасно, а теперь хочет вознаградить за это – исполнить желание. Сатана соблазняет старца. Он предлагает богатство, вернуть молодость и силы, мирскую славу. Старец достойно отвергает все соблазны: «на что мне перед смертью богатства»; «я раб старости»; «упускать вечное блаженство из- за минутных утех земных». После таких отказов Сатана предлагает выбрать «что хочешь». Телешов использует парадоксальный ход: «Ну, отвечает старик, уж коли хочешь утешить меня, восхвали Господа, как славил ты его до падения своего. Опесил черт.

– Как же могу я Господа славить?

– А другого мне ничего не надобно. Уходи».²

D0%**B2 %D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%
B5 %D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%85 %D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%
B2 (%D0%90%D0%BC%D1%84%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%
B2) #D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F (дата
обращения 02.10.2025)**

¹ Музей-квартира Н.Д. Телешова. Фонд Н.Т Ед. хр. 56. Л.1.

² Музей-квартира Н.Д. Телешова. Фонд Н.Т Ед. хр. 56. Л. 3.

Черт вынужден был согласиться, но от его пения старик должен был «истаять», то есть умереть. При пении старец залился слезами, а сам черт стал светлеть. «Как кончил черт, так весь и просветел. А старец покачнулся на одре своем и отошел». Рассказчик заключает: «Вот как бывает».¹

В фонде музея-квартиры Телешова есть еще одна рукопись – автограф и авторизованная машинопись «Живая вода (Дочь луны) (Старинная легенда)».² Карандашом приписано: «Один из 39 рассказов, подготовленных Н.Д.Т. к изданию». Рукопись датируется 1907 г. Телешов пересказал народную японскую сказку, созданную в конце IX-начале X вв. Она имеет несколько переводов названий «Сказание о принцессе Кагуя», «Сказание о резчике бамбука», а также «Повесть о старице Тактори». Эти тексты известны в переводах немецких и английских переводчиков.³ В 1899 г. в журнале «Нива» М.П. Васильев перевел и опубликовал японскую сказку «Принцесса Лучезарная» с рисунками Н.Н. Каразина. Как отмечает Л.М. Ермакова, которая занималась историей перевода старой японской повести «Такэтори-моногатари», «имя переводчика М.П. Васильева не получило такой же известности. Исходя из имеющихся данных, можно предположить лишь, что это был литератор, подвизавшийся в сфере детской литературы: вполне вероятно, что это о нем 20 января 1899 г. писал А.П. Чехов в письме к П.А. Сергеенко из Ялты: «Книжному магазину М.В. Клюкина в Москве отдан очень маленький детский рассказ «Белолобый» для сборника («Сказки жизни и природы», составил М. Васильев)»⁴. Для Телешова, вероятно, основой послужила публикация в «Ниве», но он адаптирует повесть для детей до небольшой легенды. Он выпускает многие мотивы.

Н. Д. Телешова к легендам и сказкам Востока был не случайным, потому что многие русские литераторы обращались к мотивам и сюжетам Восточной

¹ Музей-квартира Н.Д. Телешова. Фонд Н.Т Ед. хр. 56. Л. 6.

² Квартира-музей Н.Д. Телешова Фонд Н.Т. Ед. хр. 61. Лл. 26.

³ См.: Ермакова Л.М. «Принцесса Луны» и «Бамбук-дерево»: российская судьба «Такэтори-моногатари»//Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 2. С.70-92.

⁴ Ермакова Л.М. «Принцесса Луны» и «Бамбук-дерево»: российская судьба «Такэтори-моногатари»//Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 2. С.83; Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 8: Письма, 1899. Москва: Наука, 1980.С.33-34.

литературы. В культурной жизни конца XIX- начала XX вв. также интерес к восточным реалиям был особенно заметен.

В XIX в. в произведениях А.А. Бестужева-Марлинского, А. Погорельского (А.А. Перовского), О.М. Сомова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.К. Толстого проявляется интерес к народной демонологии, а через него к изображению страшного в жизни. В массовой беллетристике «Жар-цвет» А.В. Амфитеатрова, повесть «Майя» (1893), сборник «Фантастические рассказы» (1896) В.П. Желиховской, «Маги» (романы «Жизненный эликсир» (1901), «Маги» (1902), «Гнев Божий» (1909), «Смерть планеты» (1911) и «Законодатели» (1916) В.И. Крыжановской-Рочестер. Особый период в изображении страшного и экзистенциального открыли русские символисты В.Я. Брюсов, Ф.К. Сологуб (Фёдор Кузьмич Тетерников), А. Белый (Борис Николаевич Бугаев), Л.Н. Андреев, А. М. Ремизов, А.И. Куприн

Тема смерти и бессмертия также являлась важной тенденцией в русской литературе конца XIX – начала XX века. Эта тема особенно разрабатывалась в произведениях модернистов. Экзистенциальная проблема жизни и смерти решалась на разных уровнях в произведениях: от сюжетного до использования поэтики «хоррора». В XX веке получает дальнейшее развитие в жанр ужасов. В архиве Квартиры-музея Н. Телешова есть неоконченная сказка и наброски рассказов с общим названием «Смерть обыкновенного человека». ¹ Датируется рукопись 1890-ми годами. Сказка, на наш взгляд, является как бы вступлением к дальнейшей разработке темы жизни и смерти «обыкновенного человека».

«(Встретились в эфире две смерти.
– Куда летала? – спрашивает одна.
– По душу, – ответила вторая.
Они разговорились.
– У тебя кто же такой будет?) – зачеркнуто.

¹ Квартира-музей Н.Д. Телешова. Фонд Н.Т. Ед. хр.51. 10 рук. 22 лл.

Встретились в эфире 2 смерти: одна летела домой, неся в мешке душу, а другая летела из дома на добычу.

– Кого Бог посыпает [п]…нула одна, косясь на мешок.

– Мошенника, да какого! – ответила другая. А ты за кем?

– Так себе, обыкновенный человек.

– Фи, сестра! У меня по крайней мере, гениальных способностей: а… подлостей миллион натворил, жену зарезал, отца родного надул. Сейчас у себя подробно рассказывать буду. А уж сколько он, дамочек с толку сбил, так и числа нет! Сейчас все расскажу у себя в собрании.

– Счастливица! А про моего и сказать будет нечего.

– Ну, однако, прощай! – сказала первая и полетела дальше.

– Постой, постой! – закричала вторая, повернув обратно, вдогонку. Пойду сперва про твоего послушаю. А мой еще (поживет- зачеркнуто) подождет. Все равно интересного ничего не будет.

Настолько важны и любопытны даже для смерти обыкновенные люди!»¹.

В 1908 году Н. Д. Телешов написал легенду «Шайтан». Сюжет связан с восточной легендой о правителе, который на склоне лет подводит итоги своей жизни и правления. В этой легенде писатель пытается раскрыть важную проблему богатства, славы, мудрости, одиночества и бессмертия. Хан Шир-Ахиз, который мыслит себя самым мудрым и богатейшим правителем, для уединения и раздумий построил высокую башню. «Он сделал это в знак того, что человек, идущий по пути славы и мудрости, восходит на высоту, недосягаемую другими, и здесь остается одиноким, потому что нет ему равных, и остается нищим, потому что ничто земное не пленяет его; но с высоты своего одиночества он все видит и все знает и за всех иных мыслит один; и нет ему забот о мелких делах людей, о страстях их и о желаниях»².

¹ Квартира-музей Н.Д. Телешова. Фонд Н.Т. Ед. хр.51. 10 рук. Л. 13.

² Телешов Н.Д. Шайтан// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 2. С.347-348.

Правителю Шир-Ахизу противостоит Шайтан (Сатана), который во сне является к хану. Шайтан говорил о том, что нет бессмертия ни для нищих, ни для правителей, их всех ожидает забвение. Во сне Шайтан назвал хана глупцом, потому что только он, Шайтан, велик и свободен.

Шир-Ахиз, размышляя о смерти, обдумывая свои деяния, поступки, уверен, что его не забудут. Рассуждая о бессмертии, Шайтан и хан понимают это по-своему. У Шайтана нет смерти, а хан видит свое бессмертие в своих делах, которые он сделал на благо народа. Он построил город, где были сыпучие пески, он подчинил течение рек, чтобы напоить сады. Он думает, что его народ счастлив. «Разве не вечно мое имя в мире?» – спрашивает хан. Однако Шайтан вселяет сомнения в мысли хана, тем, что говорит о «забвении». Шайтан на все эти доводы приводит примеры о забвении многих городов, государств, правителей, и человек счастлив только в юности, когда любит, и это не зависит от власти: «Мудрый хан! Жизнь человека не бесконечна. Умирают рабы, умирают и властелины; и всех их ожидает одна участь – забвение. Потому что нет мудрых среди людей, не было и не будет»¹.

Н.Д. Телешов в этой легенде использует известный художественный прием: выявление alter ego персонажа. Если в начале легенды Шайтан окутан в вуаль, хан его почти не видит, но постепенно он прислушивается к голосу Шайтана, к его словам. В какой-то момент хан разглядел, что Шайтан похож на него, то есть они становятся одной личностью. Можно сказать, что Н.Д. Телешов подводит к мысли о том, что у Шир-Ахиза диссоциативное расстройство личности. Хану становится страшно глядеть глаза в глаза, чувствовать свои мысли в них. Здесь писатель невольно отсылает читателя к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», к тому мотиву разговора Ивана Карамазова с чертом: «Ты ложь, ты болезнь моя, ты призрак. Я только не знаю, чем тебя истребить, и вижу, что некоторое время надобно прострадать. Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких

¹ Там же. С. 348.

и глупых. С этой стороны ты мог бы быть даже мне любопытен, если бы только мне было время с тобой возиться...»¹.

В жанровых признаках легенд есть всегда поучительный смысл, который реализуется в форме рассказа персонажа, или назидательного слова мудреца, эти назидания часто имеют религиозный характер. У Н.Д. Телешова же назидание появляется как деталь – это на «серой стене» надпись из кованного золота «Иди путем тех, на кого нет гнева, чей разум ясен, к кому милостив бог»². Писатель подчеркивает, что это слова, завещанные миру. Такой взгляд стал основой поэтики сказок данного периода.

В 1910-е годы интерес к различного рода мистике возрастает, в литературе появляются произведения, в которых «разыгрываются» мистические сюжеты. Н.Д. Телешов в журнале «Женское дело» в рождественском выпуске 1912 года публикует «святочную сказку» «Наваждение» (в рукописи имеется несколько названий «Генерал», «Чертовщина (новогодняя сказка)». В архиве «Квартиры-музея Н.Д. Телешова» имеется такое пояснение: «Генерал (Чертовщина) (новогодняя сказка). Автограф и авторизированная машинопись 1891 г. (Последний рассказ, над которым работал Н.Д. перед смертью). Писатель использовал сюжет с чертей, который не мог человека «навести грех». Чертенок завидует ротному, который после приказания навести порядок, потому что грядет некая ревизия, идет в клуб встречать новый год. Чертенок сетует: «Хорошо ему разговаривать, — думал черт, живет в свое удовольствие: покричал да в клуб ушел; будет в карты играть, новый год встречать... А каково мне?!. Пропоет петух – и прощай: вались, опять в тартарары до будущего года... А там у нас разве сладко!»³.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы//Достоевский Ф.М. Полное собрание соч. в 30 т. Ленинград: Изд-во «Наука», 1976. Т.15. С.72.

² Сура 1 (Открывающая Коран). 7-й аят.

³ Телешов Н. Наваждение (святочная сказка)//Женское дело. 1912, № 24. С.19; Фонд Н.Т., Ед. хр. 57. 4 экз. 31 л.

В 1956 году Н. Телешов опубликовал «Волшебную сказку» в газете «Пионерская правда». ¹ В публикации было отмечено, что «Николай Дмитриевич Телешов – старейший русский писатель. Ему 89 лет. Он был современником и другом А.П. Чехова и А.М. Горького, которые высоко ценили его талант. В творчестве писателя видное место занимают произведения о детях. Сердечность, знание внутреннего мира ребят придает его рассказам большую привлекательность. Прочтите новую, неопубликованную сказку писателя». ² Однако, сказка была заимствована из сказок немецкого писателя Гауфа, в частности «Калиф-аист». Сайт «Интересные истории» отмечает: «Сегодня я кое-что добавлю. Советский писатель Михаил Лобанов (1925-2016) в 50-ые работал журналистом. Для "Литературной газеты" он сделал рецензию о книге мемуаров Николая Телешова (1867-1957), организатора знаменитых "телешовских сред" литераторов начала XX века. Завсегдатаями его литературного салона были Бунин, Куприн, Горький, Чехов, Вересаев, Андреев, Серафимович и др.

Михаил Лобанов получил письмо от Телешова со словами благодарности и решил развить тему – напросился в гости, а там, на квартире – спросил нет ли чего для детей, сказки какой-нибудь неопубликованной? Лобанов бы поместил ее на страницах "Пионерской правды". Николаю Телешову было под 90, но его сын нашел в архиве такую сказку. Фотокорреспондент "Пионерской правды" сделал фото Телешова–старшего в кресле и вскоре сказка вместе с этой фотографией мудреца появилась на страницах главной детской газеты СССР. Практически мгновенно в редакцию посыпались письма возмущенных пионеров. Оказывается, Телешов выдал за свою сказку немецкого писателя Гауфа, изменив концовку на более революционную. Разразился скандал. Редакция "Пионерской правды" была завалена мешками с корреспонденцией обманутых родителей и детей. Пришлось публично оправдываться про творческое развитие. Михаил же

¹ Телешов Н. Волшебная сказка//Пионерская правда. 1956. № 80. С.4.

² Там же.

Лобанов поспешил в дом к отцу и сыну Телешовым для объяснений. Сынок сказать толком ничего не мог и провел в кабинет к папе... Сказитель сидел в том же кресле и тихо говорил: “Не помню... ничего не помню... Ничего...”¹.

Сказки Николая Дмитриевича Телешова, с одной стороны, черпают вдохновение из известных сказочных сюжетов, которые являются частью как русской, так и мировой сказочной традиции. Это могут быть классические мотивы, такие как борьба добра и зла, волшебные существа, испытания героев и их награды. Однако, с другой стороны, Н.Д. Телешов не просто пересказывает эти сюжеты, а трансформирует их, придавая им уникальный оттенок. Он использует различные художественные приемы, такие как символизм, метафоры, неожиданные повороты сюжета и оригинальные интерпретации известных персонажей. Это позволяет ему создать собственный, неповторимый художественный мир, который отражает его личные взгляды, переживания и мировоззрение. Таким образом, несмотря на то что его сказки основаны на традиционных сюжетах, они становятся глубоко индивидуальными и самобытными произведениями, что свидетельствует о высоком уровне творческого мастерства автора.

Выводы по второй главе:

1. Особенности фольклоризма конца XIX – начала XX вв. видятся в том, что Н.Д. Телешов обращается к различным типам использования фольклора. Писатель использует структуру текста определенного фольклорного жанра сказки или легенды, фольклорных мотивов и сюжетов, также заимствует художественные приемы из фольклорных произведений.

2. Сказки Н.Д. Телешова, с одной стороны, основаны на известных сказочных сюжетах из русской и мировой сказочной традиции, но использует он их в разной степени, что указывает на творческую самобытность автора, на уникальность создаваемого им художественного мира.

¹ Николай Телешов. Еще один сказочник-плагиатор URL: //https://dzen.ru/a/YhkmaIRZiEhHaIwg (дата обращения 08.07.2025)

3. Жанр легенды, благодаря своей гибкости и мобильности, оказался способным откликаться на идеи, актуальные для того времени. В них писатель раскрывает представления о том, что такое счастье человека, что человек должен отказаться от собственного благополучия во имя народа, а если понадобится, то и пожертвовать своей жизнью ради высокой цели.

4. Н.Д. Телешов в сказках и легендах обратился к ориентальной теме, которая была достаточно популярна в начале XX в. Восток является богатым источником нравственно-философских легенд, сосредоточенных на поиске истины и раскрытии глубинных смыслов религиозных учений. Писатель использует известные мировые сюжеты, которые имеют восточные корни, что свидетельствует о значимости этого региона в формировании литературных традиций конца XIX – начала XX вв.

5. Новаторство Н.Д. Телешова выявляется как на уровне содержания (практически во всех его легендах поднимаются сложнейшие онтологические проблемы), так и на уровне формы: обращается не только к различным модификациям литературной легенды, но и к легендам-мифам, легендам-стилизациям, легендам-сказкам, легендам-притчам.

ГЛАВА 3. ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАЧАЛО В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Д. ТЕЛЕШОВА

3.1. Художественно-документальная основа путевых очерков Н.Д. Телешова

В русской литературе конца XIX - начала XX века проявилось особое свойство – это экстенсивность художественного сознания. Писателям становятся небезразличны самые острые темы литературы, в том числе тема исторического своеобразия России, ее географической протяженности и освоение ее богатств, а также ее настоящего и будущего. Поэтому помимо художественных произведений писатели обращаются к публицистике, к документально-художественным жанрам, в частности к очеркам. Очерк – это жанровая форма и самый, можно сказать, «субъективный» публицистический жанр, в котором автор выражает отношение к действительности, к предмету изображения. Особой разновидностью является путевой очерк или трапезод. Т.И. Печерская в статье «Аннотированный указатель “Русский трапезод XVIII – начала XX вв.”» дает обзор изучения трапезода и литературы путешествий в отечественной науке. Она выделяет взгляды М.В. Строганова и Е.Г. Милютиной, которые стремятся разделить на теоретических основаниях, связанных с природой текста, трапезод и литературу путешествий.¹ Е.Р. Пономарев отмечает то, что «С одной стороны, исследователи, в целом, согласны, что литература путешествий — это особая литературная форма (часто при этом все же употребляется слово «жанр»), существующая давно, трансформирующаяся во времени, но сохраняющая цельность. С другой стороны, неоднократно указывалось, что литература путешествий разнородна, объединена скорее тематически, нежели структурно, и потому не

¹ Печерская Т.И. «Аннотированный указатель “Русский трапезод XVIII – начала XX вв.”»: к постановке проблемы//Русский трапезод XVIII -XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 11.

соответствует традиционным представлениям о литературном жанре»¹. Мы согласны путевой очерк/травелог – это некое «образование», в котором содержание отражает маршрут, он задает определенные ожидания от путешествия, выстраивает его структуру, включающую композицию, героев, пейзажи, действия путешественника. Именно маршрут соединяет «параллельно протекающие линии путешествия (поездка — рефлексия — письменная фиксация) в определенных точках, получающих географические наименования»².

Путевые очерки были довольно популярны, этот жанр русской литературы привлекал писателей во второй половине XIX – начале XX вв.: Появляются путевые очерки В.И. Немировича-Данченко³, Д.Н. Мамина-Сибиряка⁴, П.И. Мельникова-Печерского⁵. Путевые заметки о своих поездках по Сибири писали А. П. Чехов⁶, В. Г. Короленко⁷, Г. И. Успенский⁸ и др.

В 1890 году А.П. Чехов совершил путешествие по Сибири на Сахалин. Из письма Чехова Суворину мы узнаем, что писатель обещал писать очерки и присыпать в редакцию «Нового времени» только после Томска, потому что «путь между Тюменью и Томском давно уже описан и эксплуатировался тысячу раз» (письмо от 20 мая 1890 г.)⁹. Из этого замечания следует, что путевые очерки, путеводители, в которых раскрывался путь из столиц за Урал и в Сибирь, были достаточно многочисленные. По совету А.П. Чехова Н.Д. Телешов в 1894 году предпринял путешествие на Урал и в Западную Сибирь.

¹ Пономарев Е.Р. Терминология. Путешествие как метаожанр //Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУКИ, 2013. С.10

² Там же. С.15

³ Немировича-Данченко В. И. Кама и Урал: очерки и впечатления. Санкт-Петербург: Издательство Маматов, 2021. 456 с.

⁴ Мамин Сибиряк Д. Н. По Зауралью // Южный Урал. 1952. № 8–9. С. 17–87.

⁵ Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. /П.И. Мельников-Печерский; отв.ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Санкт Петербург: Маматов, 2017. – 228 с.

⁶Чехов А. П. Из Сибири // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Наука, 1976. С. 5–38.

⁷ Короленко В. Г. Сибирские очерки и рассказы. Иркутск: Восточно-Сибирское издательство, 1983. 416 с.

⁸ Успенский Г. И. Рассказы и очерки. Москва: ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы, 1944. 295 с.

⁹ Цит. по: Из Сибири. Коммент./Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 18-ти томах. Т. 14-15. Москва: Изд-во «Наука», 1978. С. 762.

Телешов, естественно, когда готовился к поездке в Сибирь и на Урал, знал, что такая литература есть.

Жанр путевых очерков имеет некоторый канон: писатель-путешественник, как правило, описывает пункт отправления, вид транспорта, а далее остановки и пункт назначения (конечный пункт). Содержательно путевые очерки «наполняются» в зависимости от тех впечатлений, которые остались след. Некоторые путешественники заостряют внимание на истории местности, статистических, этнографических данных, некоторые – на географических особенностях. В очерк иногда вносятся размышления писателя, даются портретные зарисовки, отражаются черты характера, социальные особенности встречных или попутчиках. Такие наблюдения придают очерку элементы художественности.

Так в очерке П.И. Мельникова-Печерского «Дорожные записки (на пути из Тамбовской губернии в Сибирь)» писатель представил историю края, сделан обзор основных поселений и города Перми, заводских поселков. Помимо некоторых статистических и историко-этнографических фактов, писатель иногда приводит зарисовки природы: «Смеркалось. В воздухе тихо. Кама ровная, гладкая, как стекло. Противоположный берег, покрытый пирамидальными соснами, отражаясь в воде, придавал поверхности реки вид огромного полированного малахита. В сумерке нельзя было различить границу между лесом настоящим и отражающимся в воде: все сливалось в одну темно-зеленую массу. Картина была превосходная. Мы любовались ею и не заметили, как доехали до перевоза через Чусовую, который устроен в полуверсте от ее устья у деревни Левшина»¹.

Также существовало множество очерков малоизвестных писателей и местных журналистов (А.Н. Скугарев «Мое путешествие», С.С. Геммельман «В пути», Н.М. Чукмалдин «Поездка на Белую гору» и др.² В этих очерках

¹ Мельников П.И. Дорожные записки (на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Полное Собрание сочинений в 7 томах. Санкт-Петербург: -во А. Ф. Маркс, 1909. С.538.

² См.: По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX - начала XX века /Отв. ред. Е.Г. Власова. Санкт-Петербург: Маматов, 2023. 260 с.

впервые получает целостное описание в качестве самобытного горнозаводской регион.

Как отмечала К. Пантелейева, писатель «в своих путевых заметках примкнул к самому передовому реалистическому направлению. Он обстоятельно и добротно рассказывает обо всем, что встретилось ему в пути. Описание сибирской природы сменяется описанием быта и нравов обитателей этого края, их жизни; описание достопримечательностей сибирских городов (Перми, Тюмени, Екатеринбурга, Тобольска, Омска и др.) – описанием жизни уральских горнозаводских рабочих»¹. Своебразие путевых очерков Н.Д. Телешова заключалась в том, что он выстраивал сюжет следовал за маршрутом поездки, был лишен неожиданных сюжетных поворотов, то есть в манере Н.Д. Телешова ощущалась внешне бесстрастная, можно сказать «чеховская» традиция повествования. Таким образом, в этом направлении Н.Д. Телешов следовал жанровым канонам, сложившимся ранее.

Путь Н.Д. Телешова пролегал по Уралу, в Западной Сибири, Перми, Екатеринбурге, Кургане, Томске, Тюмени. Н.Д. Телешов записывал свои наблюдения в путевой дневник, а также мог привлекать печатные источники по истории, культуре, быту этих регионов. О всех пунктах автор приводит интересные исторические факты, однако, его цель – описать быт ссыльных, рабочих, крестьян-переселенцев, условия труда на рудниках и фабриках. Из впечатлений о поездке Телешов создал несколько очерков, которые публиковались в журналах, а затем вышли отдельной книгой. В 1897 году в предисловии автор писал: «Года два тому назад мне довелось провести несколько месяцев в Западной Сибири, скитаясь по ее городам, рекам и дорогам. Помимо новых мест, обычаев и новых людей, передо мной открылась во всей своей наготе странная, почти неправдоподобная жизнь наших переселенцев, – жизнь на ходу, среди невзгод и лишений, голода и холода. Эта

¹ Пантелейева К. Н.Д. Телешов (1867-1957)//Телешов Н. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. Москва: Московский рабочий, 1958. С.372.

жизнь оставила на мне неизгладимое впечатление всесильной власти нужды и глубокого народного горя, доходящего иногда до полного отчаяния...

Многое с тех пор, конечно, переменилось, как изменилось и главное переселенческое русло, благодаря открытию сибирского железнодорожного пути. Но сами переселенцы с их горем и невзгодами остались те же, только вместо Тюмени свидетелями этих страданий сделались Челябинск, Омск и другие пункты»¹.

Н.Д. Телешов в предисловии отмечал, что «не имел в виду издавать их отдельной книгой, но многие газеты и журналы удостоили «За Урал» своим вниманием и в некоторых случаях даже перепечатками, что и дает мне повод предполагать, что среди читающей публики настоящее издание, может быть, и не будет лишним»². В предисловии к современному переизданию книги доктор исторических наук Л.В. Беловинский писал: «Говоря о книге путевых очерков Телешова, приходит на ум еще одно. Те страшные картины переселенческих мытарств, горных работ, которые, надо полагать, ужасали тогдашнего интеллигентного читателя, свободно дважды прошли через печать: сначала в журнале, а потом отдельной книгой. А ведь писались они «в года глухие», в период реакции, связанной с именем Александра III, в 1894 г. Понятно, что дозволены были эти картины «к тиснению» царской цензурой, о которой мы все были столь наслышаны. Знать, не столь уж свирепа была эта цензура. И русская литература свободно описывала и народную нищету, и нечеловечески тяжелый труд горняков, и мучения переселенцев, и равнодушные бюрократии, раскрывая все это перед широким читателем»³.

Авторское начало в очерках Н.Д. Телешова проявляется через образ рассказчика. Как и во многих путевых очерках писатель начинает рассказ с места отправления, затем идет рассказ о тех попутчиках, которые едут вместе

¹ Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Зап. Сибири: очерки. Москва: Из-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С.9-10.

² Телешов Н. Д. За Урал Из скитаний по Зап. Сибири : Очерки / Н. Телешов. Москва : тип. т-ва И.Д. Сытина, 1897. 214, II с.

³ Беловинский Л.В. Хождение писателя по народным мукам// Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: очерки / Н. Телешов; предисл., comment. Л. В. Беловинского. М: Изд-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С. 6.

с ним. Так в первом очерке автор-рассказчик знакомится с попутчиками, которые сами представляют своеобразные типы: «В рубке пассажиры готовились ужинать. Какой-то генерал читал газету, около него за стаканом чая сидел молодой человек, далее за столом — две дамы и поодаль два татарина. Вероятно, соскучившись молчать, молодой человек обратился к маленькой лохматой собачонке, которая сидела на полу и завистливо глядела ему в рот, когда он пил чай»¹.

В путешествии по Каме Телешов отмечает, какие попутчики ему встречались, особенно его впечатлили арестанты, которых везли на барже: «На палубе этой баржи, имевшей большое сходство с пароходами, лишь без трубы и колес, стояли солдаты в черных мундирах, а посредине, в громадной общей каюте, похожей на гигантскую клетку, занимавшую чуть не всю площадь баржи, сидели и лежали арестанты за железными частыми прутьями и молча глядели на нас, свободных людей, как мы гуляли беспечно по палубе, курили и болтали друг с другом... Мы быстро их обгоняли, а они, точно звери, прислоняясь лбами к крепкой сквозной стене, сосредоточенно и молча провожали нас взорами»². Такое же неожиданное впечатление произвели на писателя и переселенцы, которые тоже плыли на другой барже: «О переселенцах я не имел почти никакого понятия. Я видел их раньше лишь под Москвою, когда ехал по Курской железной дороге; на мои вопросы они отвечали тогда, что едут в Сибирь на новые места, — и только они не имели ни печального ни жалкого вида, и по ним к не мог судить о тех переселенцах, в помощь которым собираются деньги, издаются сборники и т. п. Да и самый вопрос занимал меня ранее, к сожалению, очень мало»³.

Своеобразие путевых очерков Н.Д. Телешова, на наш взгляд, состоит в том, что писатель заостряет внимание на двух типах попутчиков: приводит отличие арестантов от переселенцев, подмечает не только их свободное

¹ Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Зап. Сибири: очерки. Москва: Из-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С. 14.

² Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Зап. Сибири: очерки. Москва: Из-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С. 11.

³ Там же. С.12.

перемещение по палубе, но людей «грустных и сосредоточенных». В очерке дается рассуждение о том, что ожидает переселенцев на новых землях, приживутся ли они на них. Попутчик из Сибири говорит: «Все они едут с золотыми мечтами, рассчитывают, что в Сибири молочные реки, а берега кисельные и что там будет им только одна забота – плодиться, размножаться да наполнять землю... А приехали, – глядь, земля все такая же, урожай те же, работать нужно не меньше; только надел посолиднее»¹.

Н.Д. Телешов, перечисляя социальное положение тех или иных попутчиков, дает и меткую характеристику их. Так, попутчик-сибиряк рисует реальные картины жизни переселенцев, говорит о реальном отношении к «самоходам» местного населения. Как некий контраст к судьбам переселенцев писатель раскрывает событие в рубке, где пассажиры сбирались ужинать. Генерал читал газету, а молодой человек пил чай, около него сидела маленькая собачка. Молодой человек оказался чревовещателем и разыграл сценку с просьбой собаки сахара. Все смеялись, а татары, которые тоже были в рубке, даже заглянули под стол. Чревовещатель веселил попутчиков, пока не приехали в Пермь. Н.Д. Телешов дает историческую справку об основании города Строгановыми, достаточно подробно описывает особенности города, которые он успел заметить: «Помимо церквей и школ, здесь немало благотворительных учреждений; существует театр, имеются клубы и летние сады, издаются очень тщательно «Губернские ведомости», и недавно положено начало музея, но он так еще мал, всего в две комнаты, что, кроме нескольких коллекций, как, например, камней, насекомых, древесных пород, яиц, монет и денежных знаков, – почти ничего не имеет»².

«Очерковый стиль, – пишет Б.В. Кондаков, – весьма часто использовавшийся в русской литературе 1880-х годов, допускал включение в текст произведения точных фактов, экономических выкладок, цифр, цитат из подлинных документов. Все это создавало у читателя иллюзию достоверности

¹Там же. С.12.

² Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Зап. Сибири: очерки. Москва: Из-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С. 15.

всего того, что описывалось в произведении и формировало у него отношение к воссозданному в очерках миру как к реальной действительности»¹. Н.Д. Телешов, говоря об Урале, акцентирует внимание читателей на самых важных особенностях его, а именно, на промышленном потенциале: сталепушечном заводе в Мотовилихе, приводит размеры 50-тонного кузнечного молота, как производят ковку дул у пушек. Дальнейшее путешествие через Уральские горы Телешов предпринял на поезде. В главе «Демидовы и Тагил» писатель приводит несколько фактов-легенд из жизни Никиты Демидова, о его взаимоотношениях с Петром I. Описание местного Тагильского музея дается с подробностями: «здесь собраны коллекции уральских минералов, медной и свинцовой руды, образцы железа, мрамора, малахита, золотых песков и т. п. Здесь же находятся куски асбеста (горный лен, волокнистый минерал), из которого приготавливают несгораемые ткани, картон и проч.»².

Очерк «Шахты. Прогулка по подземелью» (первоначальное название «Подземелье») входит в цикл «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири» Н.Д. Телешов публикует в «Детском чтении».³

В предисловии к книге «В шахте», выпущенной уже в издательстве «Гудок» 1927 году, отмечено, что Н.Д. Телешов принадлежит «к той плеяде русских писателей, которые поддержали и развивали традиции русского реализма и на фоне мрачной эпохи восьмидесятых и девяностых годов служение искусству понимали как свой общественный долг»⁴. Далее автор предисловия пишет об особенностях реализма Н.Д. Телешова и называет это направление «в его широкой и углубленной русской разновидности, которую называли в недавнем прошлом «осердеченным» реализмом (слово В.Г. Белинского). Писатель создает в очерках коллективный образ переселенцев в

¹ Кондаков Б.В. Русская литература 1880-х годов и Д. Н. Мамин-Сибиряк//Кондаков Б.В. Художественный мир русской литературы 1880-х годов. Ч. I: Художественный мир литературного произведения. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 1996. 56 с. Ч. II: Анализ художественного произведения. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 1996. 92 с. С. 13.

² Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Зап. Сибири: очерки. Москва: Из-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С. 29

³ Телешов Н.Д. Шахты. Прогулка по подземелью// Детское чтение. 1894. Апрель, № 4. С.88-96.

⁴ Телешов Н.Д. В шахте. Москва: Изд-во «Гудок»,1927. С. 3.

Сибирь. Народные типы у Телешова изображены в непростых жизненных ситуациях: он говорит о нужде, голоде и холода, которые обрушились на них.

Спуск в шахту произвел на писателя неизгладимое впечатление. Он описывает, как он готовился к спуску: сторож шахты предложил одеться «в наши мундиры» (серо-желтая куртка и штаны из пеньки). Писатель стал одеваться, но сторож сказал, чтобы он снял с себя все, но «мне было слишком холодно, и я не послушался»¹. Сторож велел надеть картуз, взять рукавицы, подпоясаться ремнем и взять фонарь и две свечки. С молодым смотрителем писатель стал спускаться в шахту. «У наших ног чернела квадратная яма, приблизительно в аршин шириной, в которую как раз могла пройти человеческая фигура»². Писатель достаточно подробно описывает все трудности спуска, прохода по узкому низкому «коридору». В шахте добывали: «малахит, медный колчедан, бурый железняк с содержанием меди, тальковые глины, оруднелые сланцы, медное индиго, шлаковатую медную руду, магнитный железняк»³. Писатель раскрывает расположение и структуру шахты, способы подъема руды. Уже в шахте он записывает первые впечатления от того, как рабочие киркой выламывают куски малахита. Пока писатель отдыхал, ему рабочие отломили кусок малахита на память. «— На память, мол... Может, когда, Бог даст, вспомнить придется...

Теперь этот кусок лежит предо мною на столе, и часто, глядя на него, я вспоминаю мрачное подземелье <...> вспоминаются вялые, изможденные лица рабочих и их простые, добродушные слова: «На память, мол...»⁴. Выход из шахты тоже был трудным: «Я бессознательно лезу вперед, цепляюсь, словно раненый, за перекладины, и, наконец, меня берет за руку крепкая рука провожатого и извлекает из ямы»⁵. Для писателя важны не только то, что он

¹ Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Зап. Сибири: очерки. Москва: Из-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С.32.

² Там же. С.33.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С.38.

⁵ Там же. С.39.

видел, но то, что он ощущал во время спуска в шахту, потому что автор-рассказчик в этом очерке – главное действующее лицо.

В главе «Невьянская башня. – Легенды» писатель рассказывает о пути в Екатеринбург, о том, как он пытался «выведать» у попутчиков легенды о Невьянской башне, но никто не говорил, все повторяли «пустяки одни», «бабы сказки». Писатель узнал, что «невдалеке от Невьянска существует местечко, называемое «Веселые горы». По рассказам моих попутчиков, здесь ежегодно, около 29 июня, собираются со всего округа раскольники всех толков 25; иные приходят верст за 200 для поклонения могилам своих святых. Таких могил семь, одна от другой на расстоянии около версты, причем каждый «толк» молится отдельно. Молебствия на каждой могиле продолжаются по одному дню, – следовательно, на семь могил требуется ровно неделя. Здесь читают акафисты и проповеди, а раскольники иного «толка» торгуют в это время съестными припасами, поют песни и даже будто бы слегка опохмеляются. На следующий день, у новой могилы, «толк» меняется, и те, кто пели и веселились, идут на молитву, а кто молился, идет петь, пить и торговаться. В старину, во время гонения, эти горы были убежищем для раскольников; отсюда и получились могилы почетных «старцев», которых, считая за святых, нынешние раскольники поминают заупокой... Имен их я не запомнил, но, кажется, наибольшую популярностью пользуются: иконописец Григорий, отец Павел, отец Максим, отец Герман и еще кто-то...»¹. От «русского священника» и учителя писатель узнал легенду Невьянской башни, о том, как «сложились страшные рассказы о привидениях, которые бродят по ночам, плачут и передают о себе и о своих мучителях ужасающие подробности»².

Очерки Н.Д. Телешова уделяют внимание историческим фактам таких известных уральских городов и промышленных центров, как Екатеринбург, Курган, Томск, Тюмень. У Телешова появляются специфические формы

¹ Там же. С.43-44.

² Там же. С.44.

репрезентации пространства. В главе «Город-Екатеринбург. – Границы фабрика» писатель упоминает как был заложен город, сколько денег было чеканено на монетном дворе в 1735 и в 1861 гг. Также он восхищается работой Императорской границы фабрики, изделиями из камня, которые он характеризует, как «верх изящества». Телешов, получив разрешение на посещение фабрики, описывает, как происходит процесс преобразования камня в изящное изделие. Он восхитился чашей их яшмы «в два аршина диаметром и в 2½ арш. ростом». Он отмечает, что «огромные вазы, подобие которых можно встретить в Императорском Эрмитаже, секут и гранят ежедневно несколько человек в течение нескольких лет; здесь кладется труд, способность, даже более того — талант; здесь расходуются страшные суммы и время, здесь оживляются и принимают художественные образы мертвые камни...»¹. Писатель отмечает и мелкие вещи: «кабинетные фигурки, пепельницы, папиросницы, даже гладкие стаканчики — сделаны удивительно изящно!»². В музее «Уральского общества любителей естествознания» Телешов обращает внимание на представленные экспонаты из жизни уральцев, предметов быта местных инородцев: одежда, вооружение, идолы и т. п. Знакомится писатель и с приисковой работой, с золотодобытчиками-старателями.

Н.Д. Телешов посетил городок Ирбит, где проходила Ирбитская ярмарка. Писатель отмечал, что «несмотря, однако, на захолустье, город приобрел себе некогда славное имя, служа центром торговых сношений азиатского рынка с европейским; он и теперь, с проведением вдалеке от него железной дороги, не утратил еще своего значения, и его ярмарка — с 1 февраля по 1 марта — считается в России по своим оборотам второю после Нижегородской»³. С открытием ярмарки открывается много веселительных заведений. Во «время ярмарки оживляется все: открываются трактиры — с арфистками и без арфисток, с музыкой и без музыки — до кабака

¹ Там же. С.47.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 52

включительно; арфистки играют здесь вообще видную роль. Для более взыскательной публики существует ярмарочный театр, где чередуются самые раздирательные драмы с самыми отчаянными оперетками, чтобы угодить на все вкусы; здесь действует цирк, устраиваются концерты, бывают даже гадальщицы на картах, которые, по словам публикации, «предсказывают будущую судьбу, рассказывают прошедшее и настоящее»¹. «Повсюду, кажется, такие гадальщицы запрещены, но здесь они смело публикуют о себе в газете и находят много поклонников. Оно и понятно, потому что съезжается много инородцев, любителей всего таинственного, да и наши почтенные русаки не прочь иногда заглянуть в будущее...»². Эти сведения писатель использовал в повести «На тройках» из цикла «По Сибири». В комментариях Л.В. Беловинского даются толкования многих понятий из текста очерков. Н.Д. Телешов опирался на сведения, которые публиковал Е.А. Вердеревский в 1850-х годах³.

Помимо общих сведений Н.Д. Телешов приводит интересные факты, которые отражают местную специфику. Например, в Ирбите: «На город с населением в 5–6 тысяч приходится 5 училищ, 5 церквей, считая здесь же собор и часовню, – и целый десяток торговых бань!.. Признаки такой чистоплотности тоже своего рода достопримечательность!..»⁴. Художественный элемент в цикле базируется на том, как автор контактирует с местными людьми, описывая их поведение, нравы, разговоры. Н.Д. Телешов опираясь на сведения Е.А. Вердеревского писал, что «описывая одну гостиницу, он говорит: «Сколько раз заставал я в этих низеньких, задымленных приютах ночного веселья следующую сцену: посреди комнаты кружок добрых приятелей, сосредоточенный около другого кружка — кружка выпитых и не выпитых бутылок; с полными стаканами в руках, со сладчайшем

¹ Там же. С.54.

² Там же. С.54.

³ Евгений Александрович Вердеревский, писатель, литературная деятельность которого приходится на 20-50-е гг. XIX в. Некоторое время жил в Перми. Беловинский Л.В. Комментарии//Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. Очерки. Москва, 2017. С. 158

⁴ Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Зап. Сибири: очерки. Москва: Из-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С.52.

улыбкой на устах, все они хором поют во славу одного из своих товарищей, под звуки жидовского торбана или арф заезжих гурий:

Чарочка моя
Серебряная,
На золотом блюдечке
Поставленная!
Кому чару пить,
Кому выпивать?
Пить чару,
Пить чару
Ивану Ивановичу!
На здоровье,
На здоровье,
На здоровьице!

Вслед за тем идет чоканье стаканов, чмоканье целующихся уст и опять повторение той же хоровой песни – во славу Григория Григорьевича, потом Федора Федоровича и т. д., пока не будут прославлены все участники пира.

– Что там такое? – спросил я лакея.
– Ничего-с, Сибирь ликует, сударь! – отвечал тот»¹.

Телешов упоминает известные в то время песни и романсы. Например, «Мандолинату» (музыка Е. Тальяфери)

Среди ночного мрака
В этот блаженный час
Мы будем петь и ликовать,
Смеяться и плясать...

Тюмень – это уже «Сибирь, и не только географическая, а характерная, бытовая Сибирь, как писал Телешов, та самая, про которую сложили песенку местные стихотворцы...»².

¹ Там же. С. 56.

² Костин В.М. Томск в 1890 году. или Два метеора// Сибирский вестник. 1890. 25 марта. С.3.

«За Уральскими горами,
За дремучими лесами,
Во владеньях Ермака
Протекает Томь-река;
По ней ходят пароходы,
Ездят разные народы,
Из России эмигранты,
Аферисты, арестанты,
Адвокаты и актеры,
Феи милые и воры.

Там богатства процветают,
Там таланты погибают,
Там дубина Ермака
По спине сибиряка
Триста лет уже гуляет,
Тешет ребра — просвещает!..»¹

Можно констатировать, что Н.Д. Телешов в путевых очерках/травелогах, показывая места, где он бывал, с кем встречался, так или иначе освещает факты, представляющие интерес с социально-идеологической, культурно-исторической, художественной точек зрения. А.Е. Козлов писал: «Как известно, большинство травелогов не обладает уникальным художественным кодом, а, следовательно, как и любая беллетристика, ориентировано на ряд исчислимых и повторяемых штампов»². По нашим наблюдениям, Н.Д. Телешов четко выдерживает жанровые каноны путевого очерка/травелога, однако, материал, о котором он пишет, создает условия для своеобразия в плане композиции и использовании художественных приемов.

¹ Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Зап. Сибири: очерки. Москва: Из-ва гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С.60.

² Козлов А.Е. Нarrативные клише русского травелога (на материале журнала «Русский вестник» 1860-1880-х гг.)// Русский травелог XVIII-XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С.356-357.

3.2. Своеобразие жанра очерка-воспоминания у Н.Д. Телешова¹

Творчество Н.Д. Телешова представляет собой преломление многих тенденций русской литературы. В очерковой и мемуарной литературе начала XX в. раскрываются не только личные впечатления от поездок, встреч, но и взаимоотношения внутри литературных объединений, между авторами, издателями, журналами. Такие «заметки» отражают насыщенность жизни интеллигенции того времени, в котором жили и творили деятели разного уровня.

В современном литературоведении мемуарная проза начала XX в. привлекает внимание ученых тем, что в ней они черпают исторические и культурные аспекты как литературного процесса, так и других культурных феноменов того времени. Анализ исследований показывает, что мемуарная литература неизбежно возникает в переходные историко-культурные эпохи. Осмысление индивидуальных писательских особенностей этих произведений требует пристального внимания историков литературы: прежде всего проблема авторской позиции в воспоминаниях и очерках, а также проблема выбора и освещения фактов, представляемых в произведениях.

В начале XX в. происходит всплеск интереса к документально-художественным жанрам, в частности к биографическим или портретным очеркам, в которых писатели стремились запечатлеть различных деятелей культуры, искусства, науки. В литературоведении спорным является вопрос о портретном и биографическом очерке. О жанровой специфики портретного и биографического очерка в литературе и в периодике писали В.С. Барахов,

¹ Содержание данного раздела отражено в следующих публикациях: Хе Ци. Музыкально-певческая тема в «записках писателя» Н. Д. Телешова// Вестник Марийского государственного университета. 2023. № 4.С. 569–576; Хе Ци. Своеобразие жанра биографического очерка в творчестве Н. Д. Телешова// Слово и текст в культурном и политическом пространстве [Электронный ресурс]: Всероссийская с международным участием научная конференция студентов и аспирантов (г.Сыктывкар, 15 апреля 2022 г.) : сборник докладов : текстовое научное электронное издание на компакт-диске / отв. ред. Т. Н. Бунчук / Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. образования «Сыктывв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». — Электрон. текстовые дан. (1,9 Мб) — Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. С.84-85. ISBN 978-5-87661-723-1.

Е.И. Журбина, М.С. Черепахов, Т.А. Беневоленская и другие¹. В мемуаристике сложно выделить портретный и биографический очерк, потому что авторы таких воспоминаний соединяют и описание портрета, и описание места и времени встречи, а также обстоятельств, которые привели к встрече или состоялись во время встречи.

Н.Д. Телешов имел обширные связи и общение с разными людьми, именно о них он оставил ряд биографических/портретных очерков, которые затем поместил в книге «Записки писателя». Эту книгу составляют очерки, в которых писатель представил литературный контекст конца XIX – начала XX вв. Свообразие очерков этой книги заключается в том, что они документально-биографические, почти все они строятся на воспоминаниях. Центральным местом в книге «Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом» занимают воспоминания о литературных встречах у Н.Д. Телешова. Такие встречи с разными творческими людьми становились для писателя своеобразными сигналами раскрытия литературной и культурной жизни Москвы. Автор как бы находится в «центре» событий, он знакомится и ведет разговоры о литературе, об изданиях, но в то же время он подмечает портретные и поведенческие особенности своих персонажей. Н.Д. Телешов собрал в единую книгу многие воспоминания о разных людях, с которыми свела его судьба, разные обстоятельства знакомства и дружбы. В этих очерках писатель органично соединяет документальные факты и, что важно, свои и героя эмоциональные состояния, отношения окружающих людей. Такая подача материала о том или ином человеке раскрывает, порой, неожиданные грани таланта или судьбы человека, писателя, музыканта, артиста и др.

Так, в очерке «Самоучка» Н.Д. Телешов раскрывает литературное явление «поэт-самоучка». Писатель строит сюжет портретного очерка на

¹Барахов В. С. Искусство литературного портрета. Москва: наука, 1976. 184 с.; Журбина Е. И. Искусство очерка. Москва: Советский писатель, 1957. 221 с.; Черепахов М. С. Работа над очерком. Москва: Изд-во Московского университета, 1966. 95 с.; Беневоленская Т. А. Портрет современника: очерк в газете. М.: Мысль, 1983.134 с.

биографической и творческой основе поэта-самоучки Алексея Ивановича Слюзова.

Н.Д. Телешов писал, что «познакомился со Слюзовым в 1885 или 1886 году, когда он приехал в Москву». Писатель, хорошо знавший Слюзова, стремился показать становление творческой личности поэта-самоучки «родился он в Казани, в 1858 году, в семье приказчика. Вскоре отец его, оставив службу, открыл бакалейную торговлю, к которой стал приучать девятилетнего сына, успевшего пройти только один класс приходского училища». Н.Д. Телешов описывает, что Слюзов торговал в лавке, ездил с отцом по ярмаркам, в то же время украдкой читал книжки и начинал писать стихи. Писатель приводит несколько стихотворений, которые как бы дополняют сведения о различных сторонах жизни Слюзова. Очерк Н.Д. Телешова можно определить как сдержанный, строгий по степени самовыражения автора, но искренний, сочувствующий судьбе поэта-самоучки, погибшего в нищете и безвестности.

Как писал И.Д. Белоусов: «Должно отметить еще одно обстоятельство в жизни и деятельности писателей-самоучек, – они не только были издателями и редакторами газет и журналов, но пытались завести свои книжные торговли...»¹. Очерк «Друг книги» создает биографический портрет издателя Ивана Дмитриевича Сытина. О начале биографии Н.Д. Телешов писал: «Выйдя из деревенской глупши, из народных глубин, Сытин хорошо знал по самому себе, что такое потемки, в которых векует народ...». В этом очерке подчеркнута устремленность издателя к просвещению, к распространению книг среди народа. Н.Д. Телешов вспоминал о юбилее Сытина: «После его пятидесятилетнего юбилея, когда всякие заседания и торжества были уже закончены, Сытин приехал ко мне, и мы долго и хорошо беседовали с ним, вспоминая наше многолетнее добное знакомство». В этих словах писателя не чувствуется стремление показать себя, свою причастность к знаменитостям:

¹ Белоусов И. А. Литературная Москва: (Воспоминания 1880-1928): Писатели из народа. Писатели-народники. Москва: Моск. товарищество писателей, [1929]. С. 138.

«Старческое морщинистое лицо его просветлело. Он взял мою руку, крепко сжал ее в своей и, улыбаясь, стал говорить со мной вдруг на "ты"...». Сытин уже в период советской власти, подводил итоги своей жизни и деятельности: «Я видел плоды своей работы и жизни, и довольно с меня. Пришел голым и уйду голым»¹. В таких сюжетах заключается сила и выразительность, сокровенное и пережитое, передуманное автором. В стиле очерков Телешова много общего со слогом дневниковых записей, ведущихся для себя, что сближает их с автобиографическим жанром.

В названии книги вынесено жанровое определение – «записки», но это не только воспоминания, а результат многолетней творческой и историко-документальной работы писателя, связанной с осмыслением ушедшей культурно-литературной эпохи. Традиции литературного портрета в критике рубежа XIX-XX вв. явление многослойное. Авторы портретов показывали идеологические и эстетические точки зрения портретируемых на примере биографических творческих фактов. В критике 1890-1920-х гг. появляется довольно большое количество таких произведений.² В жанре литературного портрета в русской писали В.С. Соловьев («Поэзия гр. А.К. Толстого», 1895), Д.С. Мережковский («Л. Толстой и Достоевский», 1901-1902), В.Г. Короленко («Антон Павлович Чехов», 1904, «Всеволод Михайлович Гаршин», 1910), Ю.И. Айхенвальд («Гаршин», «Чехов», 1908-1913), А. Воронский («Литературные портреты», 1928-1929).

Традиция портретирования В.Г. Короленко нашла свое отражение в литературных портретах, созданных другими критиками. В частности, продолжателем традиции создания литературных портретов, основанных на концепции личности портретируемого как идеального человека и писателя (творца), стал Н.Д. Телешов. Между литературными портретами Н.Д. Телешова и В.Г. Короленко можно видеть преемственные связи.

¹ Телешов Н.Д. Друг книги// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С. 210.

² См.: Айкашев О.А. Литературный портрет: концепция личности портретируемого писателя и особенности ее воплощения (на примере работ В.Г. Короленко и Ю.М. Айхенвальда о В.М. Гаршине)//Мир науки, культуры, образования. № 4 (23). 2010. С. 6-8.

В круге общения Н.Д. Телешова был **Владимир Евграфович Ермилов** – (1859-1918) личность неординарная: он был известен как педагог, журналист, критик, литератор, редактор (издавал еженедельник «Народное благо»). Ермилов известен был как эстрадный чтец и актер (играл комические роли в игровых лентах). В телешовских литературных «Средах» Ермилов исполнял небольшие пьесы-рассказы, в том числе и рассказы Чехова. Большое впечатление на Н.Д. Телешова и окружающих производило исполнение Ермиловым известной русской плясовой песни «Камаринского». Н.Д. Телешов писал: «Зазвучал рояль, послышался знакомый для всех разудалый мотив. Невозможно было ожидать того впечатления, которое Ермилов произведет этой плясовой песней на все собрание – и, в частности, на меня. Он придал ей такой драматический оттенок, так ловко замедлял, когда нужно, темп и с таким чувством пел о похождении и о судьбе этого несчастного всероссийского человека и о его семье...»¹. Естественно, интересна и интерпретация исполнения известной песни про русского мужика, родившегося в Касьянов день 29 февраля, который бывает только в високосный год. «Камаринская» исполнялась во многих стихотворных вариантах, однако, писатель приводит текст, написанный Л.Н. Трефолевым. Л.Н. Трефолев (1839-1905) – известный поэт, переводчик, автор стихов «Песня о камаринском мужике», «Дубинушка», «Когда я на почте служил ямщиком», которые стали народными песнями. Н.Д. Телешов писал, что испытывал при исполнении этого произведения, как «становилось жутко слышать» о судьбе мужика. В воспоминаниях автор цитирует текст песни: «на улице Варваринской спит Касьян, мужик камаринский; свежей крови струйки алые покрывают щеки впалые... Февраля двадцать девятого целый штоф вина проклятого влил Касьян в утробу грешную, позабыв жену сердешную... Бабе

¹ Телешов Н. Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С.21.

снится, что в веселом кабаке пьяный муж ея несется в трепаке, и руками и плечами шевелит, а гармоника пилит, пилит, пилит...»¹.

Положили именинника.

Из кармана два полтинника

Вдруг со звоном покатились

И... сквозь землю провалились.

Засияло у хожальных «рождество»:

Им понравилось такое колдовство,

И с носилками идут они смелей,

Будет им ужо на водку и елей:

Марта первого придут они домой,

Прогулявши ночь... с кумой, с кумой, с кумой.²

Н.Д. Телешов, как и многие другие, слышавшие «Камаринского» в исполнении Ермилова, оценивали его «лучшим номером из всех исполнений Ермилова»³. Автор мемуаров отмечает искусство певца «действительно интересным, и трогательным», имеющим общественное начало. Также о Ермилове вспоминает философ, публицист Михаил Гершензон: «После ужина насели на него и заставили спеть с аккомпанементом пьянино Камаринского («Двадцать девять дней бывает в феврале, в день последний спят Касьяны на земле»). Мы чуть не умерли со смеха, один хватался за другого, а с одной из Маклаковых едва не сделалась истерика. Это было действительно классически».⁴

Известный поэт Георгий Чулков в поэме «Весенний лед» писал о Ермилове:

Москвич известнейший, Ермилов,

И журналист, и лицедей,

¹ Там же. С.21.

² Трефолев Л. Н. Песня о камаринском мужике. URL: <http://www.m-necropol.ru/trefolev-ln.html> (дата обращения 13.06.2023).

³ Телешов Н. Д. Избранные сочинения. В 3 томах.. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С.21.

⁴ Гершензон М. Избранное. Тройственный образ совершенства. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 640 с.

В среде скучнейшей и унылой

Он был, ей-богу, чародей.¹

Таким образом воспоминания о В.Е. Ермилове Н.Д. Телешова совпадают с общим мнением окружающих и передают особую обстановку в то время в писательских кругах.

Время для Н.Д. Телешова не было препятствием, он помнил и описал свои впечатления прошлого. Для него, по его словам, «и заметные и не очень заметные люди в области искусства, театра, литературы встают передо мною как бы ожившими»². Таковы воспоминания о прекрасной исполнительнице народных песен Вяльцевой Анастасии Дмитриевне. Она девушка из бедной крестьянской семьи, работала в вышивальных мастерских, служила прислугой и горничной. Обладая чудесным голосом, она покорила публику своей проникновенностью. «Случайный успех пения, – писал Н.Д. Телешов, – открыл ей путь на широкую дорогу, и имя ее внезапно заблистало среди исполнителей народных песен, как "Полосынька", как "Ветерочек", как "Уголок" и как знаменитый ее припев, волновавший любую аудиторию: "Догадайтесь сами, сами догадайтесь, что я вас люблю..." А то еще была песенка: "Я ли в поле да не травушка была. Я ли в поле не зеленая росла. Взяли меня, травушку, скосили..." К ее имени сама публика прибавила прозвище "Несравненная". Она быстро приобрела имя крупной артистки: ее приглашают и разные города России и за границу. Несмотря на успех в опере "Кармен", Вяльцева все же вернулась к своим любимым народным песням и романсам, где она была истинной художницей. Но ненадолго. Вскоре, в 1913 году, она, в расцвете своего таланта, умерла от белокровия»³.

Особенное место занимают в мемуарном произведении те части, в которых автор не только описывает впечатления от музыки, но и вспоминает манеру, особенности голоса, репертуар исполнителей. Достаточно большое

¹ Чулков Г. Годы странствий / вступ. статья, сост., под-гот. текста, comment. М. В. Михайловой. Москва: Эллис Лак, 1999. С. 10.

² Телешов Н. Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С.319.

³ Там же. С. 320.

место отводится и восприятию зрителями музыкально-певческого искусства. Н.Д. Телешов для характеристики исполнения использовал различные точные эпитеты, передающие эмоциональную оценку, они всегда были уместны, но порой, сдержаны.

Н.Д. Телешов писал в главе «Артисты и писатели» о знаменитом итальянском теноре Анджело Мазини: «Певец действительно отменный, обладавший чудесным, очаровательным голосом. За последние годы, избалованный успехом и обожанием, Мазини не считался ни с чем. В операх, когда герой должен объясняться в любви героине, Мазини обычно подходил к рампе, оставляя героиню позади себя, не обращая на нее никакого внимания, и пел, как поют в концертах – в публику. <...> Он считал себя только певцом, а на все остальное махал рукою, если не хуже того»¹.

О **Федоре Ивановиче Шаляпине** осталось достаточно много воспоминаний разных людей. Н.Д. Телешов также оставил особо теплые воспоминания о великом русском певце. Он вспоминал: «Когда впервые я встретил Федора Ивановича Шаляпина, ему было, если не ошибаюсь, двадцать один год. Во всяком случае, это был юнец, с очень светлыми волосами, с бесцветными бровями и такими же ресницами, со светлыми глазами <...> Глядя на этого юнца огромного роста, не знающего, куда девать руки, вряд ли кто рассчитывал, что через полчаса этот юноша произведет на всех такое сильное впечатление, какое он произвел в тот вечер»². Писатель дает такой портрет певца, как бы в контраст с его талантом. Далее Н.Д. Телешов вспоминает, что на вечеринку в Общество любителей художеств на Дмитровку певца привел Савва Иванович Мамонтов. Шаляпин заинтересовался литературным кружком Телешова, однако певец привык, чтобы его просили спеть собравшейся публике, но, вспоминает Н.Д. Телешов, в первый свой приезд «Шаляпин ждал такой обычной для него просьбы со стороны писателей, но не дождался. Просидели весь вечер, отужинали и разъехались»;

¹ Там же. С. 321.

² Там же. С.322.

но никто ни единственным словом не обмолвился о пении»¹. Однако, впоследствии он оценил это, «как сам признался, и уже без всякой спеси часто пел у нас подолгу и помногу»². Его репертуар был достаточно обширный. Н.Д. Телешов перечисляет, что он пел: «романсы, русские народные песни, арии из опер, пел куплеты, шутки, даже французские шансонетки, пел "Марсельезу", пел "Дубинушку", пел "Блоху". "Марсельезу" он так исполнял, особенно на французском языке, что дух захватывало от восторженного подъема»³.

Ф.И. Шаляпин пел известную «Балладу» (Перед воеводой молча он стоит) на стихи И.С. Тургенева, написанные в 1841 году, музыка А.Г. Рубинштейна (1891). Н.Д. Телешов вспоминает: «когда от имени воеводы он воскликнул: "А, попался, парень! Долго ж ты гулял!" – многие говорили потом, что у них сердце дрогнуло перед этим грозным окриком воеводы. Было ясно, что юноша – незаурядный артист, и чем дольше он пел, – а пел он много и безотказно, – тем ясней становилось его близкое и, несомненно, большое будущее...»⁴. Н.Д. Телешов передает слова Ф.И. Шаляпина о его «учебе» пению: «К пению, – говорил он, – меня поощряли простые мастеровые русские люди... Ведь русские люди поют с самого рождения. От колыбели, от пеленок. Поют всегда... Пели в поле, пели на сеновалах, на речках, у ручьев, в лесах... Вот почему я так горд за мой певческий народ»⁵.

Н.Д. Телешов живо описал один осенний вечер 1904 г., когда «Шаляпин, как только вошел, сейчас же заявил нам полуушутливо: "Братцы, петь до смерти хочется!" Он тут же позвонил по телефону и вызвал Сергея Васильевича Рахманинова и ему тоже сказал: "Сережа! Возьми скорей лихача и скачи на "Среду". Петь до смерти хочется. Будем петь всю ночь!" <...> два великана, увлекая один другого, буквально творили чудеса. Это было уже не пение и не музыка в общепринятом значении – это был какой-то припадок вдохновения

¹ Там же С. 322.

² Там же. С.323.

³ Там же С.323.

⁴ Там же. С. 322.

⁵ Там же. С. 327.

двух крупнейших артистов»¹. В этом разговоре проявляется риторическая и композиционная организация жанра воспоминания, передающая «типичную» манеру шаляпинского поведения и дискурса. Известно, что анализ жанра, который предложил Дж. Свейлс (John Swales), являлся для профессиональных филологов продолжением изучения жанра в ракурсе структуры и стиля, а также новым подходом к жанру воспоминаний с точки зрения его социально-культурного контекста.² Как отмечала К. Миллер (Carolyn R. Miller), «жанр относится к условной категории дискурса, основанной на крупномасштабных типизациях риторического действия; как действие оно приобретает значение из ситуации и от социального контекста, в котором возникла эта ситуация»³.

Н.Д. Телешов в «Записках писателя» соединял фактографичность и непосредственность присутствия автора при происходящем с особой стилистикой повествования. Такое сочетания несколько размывает «чистоту» мемуаров и обеспечивает нечеткость границ жанра. У Н.Д. Телешова в мемуарах повествование ведется от первого лица, поэтому его личные наблюдения, его опыт могут быть субъективными, проходят своеобразные временные и личностные фильтры и отражают точку зрения автора. Таков стиль в воспоминаниях о Рахманинове и Шаляпине: «Как сейчас, вижу эту большую комнату, освещенную только одной висячей лампой над столом, за которым сидят наши товарищи и все глядят в одну сторону – туда, где за пианино видна черная спина Рахманинова и его гладкий стриженый затылок. Локти его быстро двигаются, тонкие длинные пальцы ударяют по клавишам. А у стены, лицом к нам, высокая, стройная фигура Шаляпина. Он в высоких сапогах и в легкой черной поддевке, великолепно сшитой из тонкого трико, поверх белой русской рубашки с поясом. Одной рукой слегка облокотился на пианино; лицо вдохновенное, строгое; никакого следа нет от только что сказанной шутки; полное преображение. Ждет момента вступления.

¹Там же. С. 323.

²John W. Swales Genre Analysis. English in Academic and Research Settings. Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press, 1999. 260 p.

³ Carolyn R. Miller. Genre as a social action // Quarterly journal of speech. 1984. Pp. 151–167.

Преобразился в того, чью душу сейчас раскроет перед нами, и заставит всех чувствовать то, что сам чувствует, и понимать так, как сам понимает...»¹.

Воспоминания о Сергееве Васильевиче Рахманинове, выдающемся пианисте, дирижере и композиторе у Н.Д. Телешова связаны с Ф.И. Шаляпиным. Например: «Рахманинов умел прекрасно импровизировать, и, когда Шаляпин [на «Средах» – Х.Ц.] отдыхал, он продолжал свои чудесные экспромты»². Писатель восхищался особенностями игры Рахманинова. Его талант был восторженно оценен в Европе и в Америке. В книге Н.Д. Телешов отметил, что Рахманинов организовал концерт в Нью Йорке и гонорар «переслал через советского генерального консула, на помошь русским, пострадавшим от войны»³.

В мемуарах Н.Д. Телешова можно найти критические замечания по поводу исполнения тех или иных произведений, по поводу игры актеров и певцов. Так он, сравнивая манеру исполнения тенора Анджело Мазини с отечественными подражателями, сетовал, что «дурные примеры нередко вызывают подражания. Распущенность артистов на сцене становилась обычной, и это в свою очередь вызвало противодействие»⁴. Некоторые артисты довольствовались «рутинными жестами, ничего в сущности не выражающими»⁵.

Однако, Н.Д. Телешов показывает, что русские певцы, в частности прекрасный тенор Н. Н. Фигнер, «не только пел – и пел прекрасно, – но и играл в опере так, как еще никогда у нас не бывало». Н.Н. Фигнер, по мысли Телешова, «был первый оперный артист, доказавший, что и в опере следует быть не только певцом, но и художественным толкователем принятой на себя роли»⁶. Также талантливо исполнял свои партии в Большом театре баритон В.В. Корсов.

¹ Телешов Н. Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С .324.

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 328.

⁴ Там же. С. 321.

⁵ Там же. С. 321.

⁶ Там же. С.321.

Н.Д. Телешов в своих мемуарах стал создателем особого мира, в котором он не просто рассказчик, а «действующее» лицо, где равнозначны реальность и ее художественная интерпретация. Сегодня «Записки писателя» привлекают исключительной информацией не только о жизни и быте писателей, музыкантов, певцов начала XX в., но также о тех эмоциях, которые испытывали исполнители и слушатели. Важная сторона мемуаров Телешова в том, что в них открывается авторский взгляд на «портретные» характеристики музыкантов, певцов, а также на музыкальные тенденции начала XX в. Читая мемуары, мы можем погрузиться в особый мир начала XX в., не только с его богемной жизнью, но и повседневными проблемами. Такой подход позволяет читателю не только погрузиться в атмосферу эпохи, но и увидеть мир глазами автора, почувствовать его эмоции и переживания. Н.Д. Телешов использует документальные образы и образы эмоций как основу для создания художественных образов, что делает его произведения более достоверными и эмоционально насыщенными.

В современной гуманитарной науке изучение взаимосвязей между литературой и искусством, их взаимовлияния, которое обозначается термином синестезия, привлекает все больше литературоведов и культурологов, проблема передачи звуковых образов средствами литературы, ее особыми приемами остается индивидуальной для писателей разных направлений и разных эпох.

Об Антоне Павловиче Чехове существует много воспоминаний (М.П. Чехова, В.А. Симова, В.А. Гиляровского, В.Г. Короленко, И.Е. Репина, И.Н. Потапенко, К.С. Станиславского, Вл. И. Немировича-Данченко, В.И. Качалова, А.М. Горького, И.А. Бунина и др.).¹ Наиболее репрезентативным в книге «Записки писателя» Н.Д. Телешова является литературный портрет «А.П. Чехов». Личности и творчества писателя в литературных портретах

¹А.П. Чехов в воспоминаниях современников. Москва: Издательство "Художественной литературы", 1986. 841с.

Н.Д. Телешова определяет структуру текста воспоминания, отношение мемуариста. Задумывая книгу воспоминаний, литературно-художественных размышлений о прожитом и увиденном, Н.Д. Телешов четко осознавал принципиальную моноперсонажность своих работ.

Создавая портрет Чехова, мемуарист начинает свой очерк как бы констатацией факта: «Немало было встреч у меня с Чеховым, немало бесед и разговоров, но при имени Антона Павловича всегда с особенной ясностью вспоминаются мне две наши встречи: самая первая и самая последняя, и два его образа: молодого, цветущего, полного жизни и затем – безнадежно больного, умирающего, накануне отъезда его за границу, откуда он уже не вернулся живым»¹.

Воспоминания о А.П. Чехове у Н.Д. Телешова являются, прежде всего, положительные по своей эмоциональной окраске портретные характеристики. Друг Н.Д. Телешова И.А. Белоусов знакомит его с Чеховым: «Белоусов подвел меня к высокому молодому человеку с красивым лицом, с русой бородкой и ясными, немного смешливыми глазами, будто улыбающимися»². Мемуарист писателя не представляет слишком идеализированным, а показывает объективное впечатление, которое производит Антон Павлович. В воспоминаниях Н.Д. Телешов подчеркивает красоту, талант и вместе с тем скромность, деликатность Чехова. Его первые рассказы Н.Д. Телешов уже «знал, читал и любил его рассказы, только что собранные в первую книжку»³. Н.Д. Телешов в очерке приводит некоторые литературно-критические оценки, которые получили произведения молодого Чехова. И это были отнюдь не положительные, Н.Д. Телешов писал: «Далеко не сразу был он признан влиятельной критикой. Михайловский отзывался о нем холодно и небрежно, а Скабичевский почему-то пророчил, что Чехов непременно сопьется и умрет под забором»⁴.

¹ Телешов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С. 74.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 75.

Писатель отмечал, что «к молодым писателям Чехов относился всегда благожелательно и ко многим очень сердечно. Всегда говорил, что писателю нельзя сидеть в четырех стенах и вытягивать из себя свои произведения, что необходимо видеть жизнь и людей, слышать подлинные человеческие слова, улавливать мысли и обрабатывать, а не выдумывать их»¹.

У Н.Д. Телешова воспоминания о А.П. Чехова являются частью рассмотрения литературного процесса, который своеобразно вытекает из текста литературного портрета.

В очерке раскрывается особая наблюдательность А.П. Чехова. Так Н.Д. Телешов отметил: «Как так сюжетов мало? – настаивал на своем Антон Павлович. – Да все – сюжет, везде сюжет. Вот посмотрите на эту стену. Ничего интересного в ней нет, кажется. Но вы взгляните в нее, найдите в ней что-нибудь "свое", чего никто еще в ней не находил, и опишите это. Уверяю вас, хороший рассказ может получиться. И о луне можно написать хорошо, а уж на что тема затрапанная. И будет интересно. Только надо все-таки увидеть и в луне что-нибудь "свое", а не чужое и не избитое.

– А вот это разве не сюжет? – указал он в окошко на улицу. – Вон, смотрите: идет монах с книжкой собирать на колокол... Разве не чувствуете, как сама завязывается хорошая тема?.. Тут есть что-то трагическое – в черном монахе на бледном рассвете...

За чаем, который благодаря лимону тоже отдавал немножко луком, разговор перекидывался с литературы на жизнь, с серьезного на смешное. Между прочим, Чехов уверял нас, что никакой "детской" литературы не существует.

– Везде только про Шариков да про Барбосов пишут. Какая же это "детская"? Это какая-то "собачья" литература! – шутил Антон Павлович, стараясь говорить как можно серьезнее.

И сам же вскоре написал "Каштанку" и "Белолобого" – про собак»².

¹ Там же. С. 79.

² Там же. С.78.

Например, Н.Д. Телешов в своем очерке подчеркивал черты личности А.П. Чехова, которые повлияли на его литературную судьбу, то есть дали возможность поверить в свои литературные силы. Н.Д. Телешов вспоминает, как Чехов советовал ему поехать на Байкал. «Встреча была совершенно случайная. Он ехал к себе в Лопасню, где жил на хуторе, а я – в подмосковную дачную местность Царицыно снимать дачу на лето.

– Не ездите на дачу, ничего там интересного не найдете, – сказал Чехов, когда узнал мою цель. – Поезжайте куда-нибудь далеко, верст за тысячу, за две, за три. Ну хоть в Азию, что ли, на Байкал. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачная: красота! Если времени мало, поезжайте на Урал; природа там чудесная. Перешагните непременно границу Европы, чтобы почувствовать под ногами настоящую азиатскую землю и чтоб иметь право сказать самому себе: "Ну, вот я и в Азии!" А потом можно и домой ехать. И даже на дачу. Но дело уже будет сделано. Сколько всего узнаете, сколько рассказов привезете! Увидите народную жизнь, будете ночевать на глухих почтовых станциях и в избах совсем как в пушкинские времена; и клопы вас будут заедать. Но это хорошо. После скажете мне спасибо. Только по железным дорогам надо ездить непременно в третьем классе, среди простого народа, а то ничего интересного не услышите. Если хотите быть писателем, завтра же купите билет до Нижнего. Оттуда – по Волге, по Каме...

Он начал давать практические советы, как будто вопрос о моей поездке был уже решен. На станции Царицыно, когда я выходил из вагона, Антон Павлович на прощанье опять сказал:

– Послушайтесь доброго совета, купите завтра билет до Нижнего.

Я послушался и через несколько дней уже плыл по реке Каме без цели и назначений, направляясь пока в Пермь. Дело было в 1894 году»¹.

Усилинию всестороннего представления личности писателя в портрете служит также прием цитирования высказываний Чехова. Например, «– Вам хорошо, теперешним писателям, – нередко говорил он полууштя,

¹ Там же. С. 79-80.

полусерьезно. – Вас теперь хвалят за небольшие рассказы. А меня, бывало, ругали за это. Да как ругали! Бывало, коли хочешь называться писателем, так пиши роман, а иначе о тебе и говорить и слушать не станут и в хороший журнал не пустят. Это я вам всем стену лбом прошибал для маленьких рассказов»¹.

В частности, стремясь придать облику А.П. Чехова большую достоверность, Телешов приводит свидетельства современников о нем. Воспоминания и цитаты, являясь элементами «сюжета» литературного портрета, сообщают ему документальную точность.

В целом восприятие личности А.П. Чехова, представленное Н.Д. Телешовым, созвучно по положительной эмоциональной окраске литературным портретам писателя, созданным в более раннее время В.Г. Короленко. Однако наряду с концептуальной близостью критиков наблюдается ряд отличий.

Очерк Н.Д. Телешова «А.П. Чехов» показал историко-культурную и социальную значимость известного писателя. Жанровая особенность литературных портретов Н.Д. Телешова показывает, что литературный портрет может синтезировать элементы мемуаристики.

В очерке-воспоминании «Максим Горький» Н.Д. Телешов описывает, как однажды «зимою, в 1899 году, мне довелось быть проездом в Нижнем Новгороде. И вот, проходя по какой-то улице, я встретился с высоким молодым человеком, с длинными, почти по плечи, волосами. Он нес в руке несколько книг. Несмотря на мимолетность встречи, лицо его мне запомнилось. И лицо, и несколько сутулая фигура, и ясный взгляд»². Эта мимолетная встреча оказалас глубокий след в его памяти. Н.Д. Телешов обратил внимание на высокий рост молодого человека, его длинные волосы, которые почти достигали плеч, и несколько сутулую фигуру. Особенно его

¹ Там же. С. 81.

² Там же. С. 96.

поразил ясный и выразительный взгляд незнакомца. Эта встреча была короткой, но оставила сильное впечатление на Н.Д. Телешова. Возможно, именно благодаря этому мимолетному знакомству он позже узнал в этом человеке Максима Горького, известного писателя и общественного деятеля. Телешов подчеркивает, что лицо молодого человека, его сутулая фигура и ясный взгляд запомнились ему настолько ярко, что он смог узнать Горького. На следующий день Н.Д. Телешов узнал, что это был Максим Горький. В газете Горький обращался «с просьбой помочь устроить для детей бедняков каток на реке и просил присыпать к нему на квартиру по указанному адресу коньки, ремешки, деньги»¹.

Этот эпизод подчеркивает важность деталей и мимолетных встреч в жизни человека. Даже короткое знакомство может оставить глубокий след и повлиять на наше восприятие и воспоминания. М. Горький часто сотрудничал в различных проектах Н.Д. Телешова: издавали сборники, помогали нуждающимся писателям.

В «Записках писателя» не последнее место занимает фигура молодого тогда еще поэта, песенника **Степана Гавриловича Петрова-Скитальца** (1869-1941). Н.Д. Телешова связывали дружеские узы с известным поэтом, песенником. Поэт родился в Самарской губернии в селе Обшаровка в семье бывшего крепостного крестьянина, но впоследствии работавшего столяром. Около двух лет отец с сыном скитались с гусями по ярмаркам и базарам городов и сёл Поволжья. Играли на гусях и сам Скиталец во многих городах России. Об этом позже сам напишет в повести «Сквозь строй».

На «Средах» он читал не только свои стихи, но и пел народные песни под аккомпанемент гуслей. Н.Д. Телешов вспоминал: «Он засучивал по локоть рукава блузы – иного костюма он в то время не носил, – откидывал со лба пряди волос и, проговорив негромко: “Эй вы, гусли-мысли!”, начинал петь»².

¹ Там же. С.96.

² Там же. С. 45

Автор мемуаров дает очень лестную характеристику его голосу, умению выразить в песне народное видение и чувства. «Голос его был крепкий, — писал, Телешов, — приятный, грудной и выразительный бас, очень подходящий именно к народным песням, которые он хорошо знал и хорошо чувствовал»¹. В судьбе Скитальца народная песня, игра на гуслях вошли с малых лет. Н.Д. Телешов вспоминал, что Скиталец — сын «крепостного, вольного гусяря», два года бродил по ярмаркам и распевал свои песни, что и отразилось на его жизни и творчестве»².

Как вспоминал Н.Д. Телешов, Скиталец считался любителем и знатоком русского фольклора. Знание народной культуры, быта отразилось уже в ранних стихах Скитальца. В период революции 1905 года Скиталец подвергался частым арестам, пришлось сидеть и в Таганской тюрьме в Москве. В 1909–1910 годах писатель жил за границей, где лечилась его жена, затем в Крыму. В 1913 году Степан Гаврилович с женой и сыном поселился в Симбирске, в собственном деревянном доме над Волгой.

Н.Д. Телешов уточняет, что Скиталец много путешествовал и выступал с чтением своих произведений. Он проехал с концертами от Петербурга до Владивостока и через Маньчжурию в Харбин. Особенной популярностью у зрителей пользовались народные песни, исполнявшиеся им под аккомпанемент гуслей, на которых он сам играл. Это был период активного увлечения Скитальца фольклором. Н.Д. Телешов вспоминал, что Скиталец на одной из «Сред» «пел он также у нас впервые песню Степане Разине и о персидской княжне, которую поют теперь всюду, во всех углах и закоулках страны. Это Скиталец ее так популяризовал на своих гуслях; с его легкой руки она и полетела, по крайней мере, по Москве, а из Москвы и —далее»³. В очерке писатель говорит, что Скиталец внес в свои стихи образы и интонации народных песен («Прощальное слово», «Волжские легенды» и др.).

¹ Там же. С. 45.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С.44.

Портретные или биографические очерки у Н.Д. Телешова органически входят в состав книги воспоминаний. Они существенно дополняют мемуарные страницы, в некоторых случаях автор отталкивается от очерка-портрета и переходит к собственным воспоминаниям. Очерки непосредственно раскрывают события, проходившие на литературных телешовских «Средах».

3.3. Литературные «Среды» Н.Д. Телешова как развитие литературно-художественных объединений начала XX в.¹

XIX век изобилует различными объединениями, кружками, которые имели политическое, литературно-критическое, музыкальное и художественное направление. В них формировались политico-социальные и эстетические взгляды передовой художественной интеллигенции.

В Москве и Санкт Петербурге конца XIX – начала XX вв. действовало много различных литературно-художественных обществ, салонов/журфиксов, кружков, «псевдогруппировок»². Так, в Москве существовали «Четверги» у Н.Ф. Михайлова, «Парнас», «Субботы» Д.И. Тихомирова.

О «Субботах» Д.И. Тихомирова вспоминал И.А. Белоусов: «Тихомировские «Субботы» продолжались довольно долго, но потом они стали реже посещаться писателями»³.

О «четвергах» в воспоминаниях Ю.А. Бунин писал, что эти вечера «носили довольно своеобразный характер. Собрания обыкновенно бывали интимные и потому немногочисленные – собирались родственники Н^{<иколая>} Ф^{<едоровича>} и его супруги Юл^{<ии>} Ив^{<ановны>}, врачи – большую частью старинные его товарищи по университету или по службе в земстве, городском самоуправлении <...>, ближайшие сотрудники "Вестника

¹ Содержание данного раздела отражено в следующей публикации: Хе Ци. Музыкально-певческая тема в «записках писателя» Н. Д. Телешова // Вестник Марийского государственного университета. 2023. № 4. С. 569–576.

² Манфред Шруба. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.448 с.

³ Белоусов И. А. Литературная среда. Москва: Кооперативное изд-во писателей «Никитинские субботники», 1928. С. 106.

воспитания" <...>, литераторы, ученые, адвокаты, мой брат Ив. Ал. <...> Журфикссы у Н. Ф. никогда не носили политической и тем менее какой-либо партийной окраски. Другою особенностью "четвергов" <...> был их скромный, корректный характер <...> Обычно гости на "четвергах" собирались часам к 9, когда был уже подан чай, фрукты, сладости и проч. После чаю гости отправлялись в кабинет Н.Ф. и в соседнюю гостиную. Здесь нередко прочитывались различные новинки литературные, общественно-политические, которые не всем удавалось достать (разные воззвания, сообщения, доклады и проч.). Иногда возникали интересные и поучительные прения, причем полемический и резкий тон обыкновенно отсутствовал. Затем, довольно часто после этого устраивалось небольшое концертное отделение (на рояле, фисгармонии – иногда совместно с виолончелью или скрипкой). Вечер заканчивался легким, но очень хорошим ужином, с небольшим количеством вина (также хорошего качества). Часу в первом гости обычно уже расходились. <...> Словом, это были обычные журфикссы, которых в Москве было очень много. Тем не менее "четверги" Н.Ф. не были обычными журфиксами, на которые собираются исключительно ради развлечения <...> Они носили интеллигентный характер, как ни разнороден был их состав, в общем, это все-таки была прогрессивная компания. <...> Люди, собирающиеся на "четвергах", принадлежали почти сплошь к пожилым. Молодежь почти отсутствовала. Для нее Н. Ф. устраивал в течение сезона несколько особых вечеров с танцами, играми, музыкой, пением и проч. Иногда эти вечера были маскированные¹. Эти аспекты литературной жизни Москвы сообщала в статье Т.В. Гордиенко.²

Н.Д. Телешов вписался в литературную жизнь Москвы, посещая некоторые кружки, в которых участвовали его друзья. Такие кружки носили как серьезный, так и иронический характер.

¹ РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 11. Лл. 1-2. (Цит. по: <http://bunin-lit.ru/bunin/letters/letter-292.htm>)

² Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин о литературных объединениях Москвы 1890-1917 гг.// Литературный факт. 2018. 3. 7. С.140-158.

В среду на квартире Н.Д. Телешова (в разное время по разным адресам) тоже собирался кружок «Московская литературная среда», но больше известный как «Среда». Этот кружок был создан в 1899 году и существовал до 1916 года.

«Среда», по словам И.А. Белоусова, развивалась постепенно. На ее заседаниях бывали писатели и поэты, актеры, музыканты, художники (Л.Н. Андреев, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, А.С. Серафимович, В.В. Вересаев, А.М. Горький, А.И. Куприн, А.П. Чехов, Ф.И. Шаляпин, С.В. Рахманинов).

Сам Н.Д. Телешов о пользе объединения творческих людей и защите их деятельности писал: «Члены «Среды» имели возможность влиять на самые разнообразные стороны жизни. Через Литературно-художественный кружок они помогали писателям, артистам, художникам и просто людям труда, впавшим в беду или крайность; через Общество периодической печати и литературы с его судом чести защищали права и достоинство отдельных деятелей науки и литературы, через кассу взаимопомощи литераторов и ученых собирались ими по трудовым грошам товарищеские средства, и члены кассы за четверть века работы в последние годы стали иметь возможность бесплатно учить своих детей, доживать более или менее сносно свой век на пенсии и даже лечиться и жить в Ессентуках, где было оборудовано помещение для приезжающих писателей, а в случае смерти осиротевшая семья члена кассы получала немедленно и без всяких хлопот поразрядную сумму денег».¹

В 1899 году в Нижнем Новгороде произошло знакомство Н.Д. Телешова и Максима Горького. М. Горький заинтересовался писательским кружком Н.Д. Телешова и рекомендовал туда Л.Н. Андреева, С.Г. Скитальца. К ним присоединились Е.Н. Чириков, В.В. Вересаев, А.И. Куприн, А.С. Серафимович (Попов) и некоторые другие литераторы. М. Горький впервые

¹ Телешов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом // Телешов Н.Д. Избранные сочинения. в 3 томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С. 69.

прочитал здесь свою пьесу «На дне». Из произведений писателей кружка впоследствии были составлены сборники «Знание», «Слово» и «Нижегородский сборник».

Начинает печататься «новое поколение» реалистов Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, А.М. Горький, А.И. Куприн, А.С. Серафимович (Попов) и др., многие из которых и объединились вокруг кружка Н.Д. Телешова «Среда» (1899–1909). В начале XX в. появляются произведения «неореалистов» Б.К. Зайцева, Е.И. Замятиня, М.М. Пришвина, С.Н. Сергеев-Ценского, А.Н. Толстого, И.С. Шмелева и др.

В 1912 по инициативе В.В. Вересаева создано «Книгоиздательство писателей в Москве» (первоначальное название – «Торговый дом книгоиздательства писателей. Д. Голубев и С. Махалов и Ко»). Организационно это издательство существовало на паях, то есть каждый вносил определенные суммы или отчислял от гонорара. Одним из учредителей являлся Н.Д. Телешов, среди пайщиков также были С.А. Алексеев (Найдёнов), И.А. Белоусов, И.А. Бунин, Ю.А. Бунин, Б.К. Зайцев, С.С. Мамонтов, Н.Д. Телешов, А.С. Черемнов, И.С. Шмелёв и др. Издательство выпускало литературный сборник «Слово», например, второй выпуск «Слова» был целиком посвящён публикации материалов из архива Чехова¹. В «Слове» печатались А.Н. Толстой, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев, К.А. Тренёв, Н.Д. Телешов. Издательство выпускало собрания сочинений ряда упомянутых авторов. В декабре 1913 г. в этом издательстве вышли отдельными изданиями «Сказки» М. Горького, письма А.П. Чехова. В 1920-х гг. выпустило «Московский альманах» (3 книги) и некоторые другие издания, где публиковались К.Д. Бальмонт, А. Белый, В.Ф. Ходасевич, С.А. Есенин. Для массового читателя выходили серии «Народная школьная библиотека», «Библиотека польских писателей», «Дешёвая библиотека», «Культурно-просветительская библиотека». Н.Д. Телешов писал в «Записках писателя», что «дело, над которым посмеивались крупные издательства,

¹ Слово: сборник. 1-8. Москва: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913-1919, [1919]. 262 с.

выросло так, что за короткое время стало уже невозможным закабалить писателя с известным именем на многие годы, а то и на всегда, как это нередко случалось. Всякий писатель, в какой бы нужде он не находился, имел возможность издать свои книги не на условиях кабалы, а на основе товарищеской»¹.

Н.Д. Телешов участвовал в составлении сборника «Клич» в 1915 г. в помощь жертвам войны.² Этот сборник был издан 10-тысячным тиражом с благотворительной целью, в сборнике приняли участие И. Бунин, В. Вересаев, Телешова, Вяч. Иванов, Л. Андреев, К. Бальмонт, В. Брюсов, Б. Зайцев, А. Кони, гр. Ф. Сологуб, М. Пришвин, А. Серафимович, А. Ширяевец, А.П. Чехов, Ив. Шмелев и др. Н.Д. Телешов помести в этом сборнике рассказ «Катя-вожак». В сборнике опубликовали ноты своих произведений известные композиторы С. Рахманинов, А. Глазунов, М. Ипполитов-Иванов, А. Гречанинов, А. Скрябин и др.

После 1917 «Книгоиздательство писателей в Москве» продолжало существовать, преобразовавшись из паевого издательства в кооперативное, однако количество выпускаемых им книг резко упало, в 1923 было принято решение о ликвидации издательства.

Также в «Воспоминаниях» Скитальца раскрывается роль Н.Д. Телешова в функционировании литературного кружка «Среда». Так он писал, что «Собрания "Среды" сделались как бы чистилищем, через которое проходило каждое новое произведение ее участников, прежде чем попадало в печать. Не без волнения и даже внутреннего трепета выступали там авторы с чтением своих новых рукописей перед интимным собранием беспощадных друзей. После чтения происходил тщательный критический разбор произведения: авторское самолюбие ни во что не ставилось, снисхождения не оказывалось никому. Часто случалось, что по окончании чтения раздавался голос Юлия

¹ Телешов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. в 3 томах. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 3.С. 60.

² Клич "День печати": сборник на помощь жертвам войны / [под редакцией И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова ; худож. отд. под наблюдением А. М. Васнецова и В. В. Переплетчикова]. Москва: Скоропечатня А. А. Левенсон, 1915. 240, III с.

Бунина: "Ну, и ерунду написал!" – и начинался "разнос", последствием чего было, что авторы коренным образом перерабатывали написанную "ерунду", которая по напечатании оказывалась удачным и значительным произведением, имевшим большой успех.

Но именно этим выдающимся успехом, выпавшим на долю участников "Среды", и объяснялась ее суровая требовательность к самой себе, чего прежде за ней не водилось: богема любила писать "сплеча и наспех".

Главным и жестоким критиком "Среды" оказался Юлий Бунин или Бонза, как его метко прозвали участники ее. Сам он даже в собственном журнале никогда ничего не писал, но хорошо знал и любил художественную литературу и в своих замечательных "критических речах" на собраниях "Среды" обнаружил большой аналитический ум»¹.

В уже во время великой Отечественной войны Н.Д. Телешов задумал написать воспоминания о своих встречах с известными литераторами, артистами, музыкантами, певцами, издателями. Некоторые воспоминания уже были напечатаны, однако, писатель собирает из разрозненных воспоминаний книгу «Записки писателя». В 1943 г. вышло издание книги с посвящением: «Посвящаю памяти Елены Андреевны Телешовой, верного друга всей долгой жизни моей. Н. Телешов. 28 февраля 1943 года»². В своих мемуарах он представляет общественные и бытовые характеристики своих знакомых литераторов, издателей, художников, музыкантов, которые участвовали в «Средах», поэтому эта книга является своеобразной летописью литературно-общественной жизни Москвы. Отдельные очерки посвящены А. П. Чехову, М. Горькому, Л. А. Андрееву, артистам Малого и Художественного театров.

Уже после войны Н.Д. Телешов вспоминал о том, как к нему пришли дети, которые стали спрашивать его: «А чем объясняется, что в вашей книге портреты писателей не теперешние: Горький – молодой, Бунин – молодой,

¹ Скиталец Повесть и рассказы. Воспоминания//Московский рабочий. 1960. С. 422.

² Телешов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания. Москва: ОГИЗ. Гос. изд-во Художественной литературы, 1943.

Вересаев тоже молодой... Да и почти все у вас там молодые. Почему это?»¹ На что писатель ответил: «Каковы все они были в ту пору, таким я и предложил их для книги, считая, что именно эти портреты более всего соответствуют воспоминаниям о «Среде».²

Н.Д. Телешов в «Записках писателя» почти не касается деятельности «Парнаса», как бы предшественника «Среды». Однако, из его воспоминаний становится ясно, что в «Средах» использовались принципы ведения кружка «Парнаса». «Среды» привлекали тем, что на них читались произведения, высказывалась критика, тем самым рукописи будущих произведений уже проходили бурные обсуждения. В конце XIX в. литературные встречи организовывал педагог, деятель народного образования, издатель и редактор Д.И. Тихомиров. В его квартире «устраивались субботники», то есть собирались разные гости. Первая часть субботников обычно, вспоминает Телешов, была посвящена разговорам, но «бывали и оживленные вечера с самого начала, когда кто-нибудь из артистов пел или играл на рояле или на скрипке. Из певцов, я вспоминаю, выступал нередко артист Большого театра С.Г. Власов³, модный в то время бас, и тенор Успенский»⁴.

Традиция собраний литераторов перешла к Н.Д. Телешову. В своих воспоминаниях он писал, что в «клубе» (в «Среде») были не только обсуждения литературных произведений, но это собрание было с особыми правилами, ритуалами, особым содержательным наполнением. Н.Д. Телешов, как и многие литераторы того времени, любил искусство, театр, оперу, живопись. Он, как писатель реалистического направления, как писатель мемуарист сделал попытку передать в своих воспоминаниях не только

¹ Телешов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Т. 3. Москва: ГИХЛ, 1956. С. 319.

² Телешов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Т. 3. Москва: ГИХЛ, 1956. С. 318.

³ Степан (Степан) Григорьевич Власов (28 сентября [10 октября] 1854 — 1919) — русский оперный певец (бас) и вокальный педагог, заслуженный артист Императорских театров. Обладал ровным во всех регистрах голосом широкого диапазона, его репертуар насчитывал порядка 50 партий. Александр Михайлович Успенский (1859—1920) — русский оперный и камерный певец (тенор).

⁴ Телешов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом// Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Т. 3. Москва: ГИХЛ, 1956. С.19.

ощущение от различных литературных бесед и дискуссий, но и музыкальных и певческих исполнений, которые сопровождали эти встречи. Для «Сред» не исключением, а, можно сказать, правилом были музыкальные и певческие номера. Такие «концерты» могли исполнять как профессиональные артисты, так и литераторы, которые обладали таким даром.

Воспоминания автора о восприятии музыкальных пьес, песен передают не только непосредственные моменты жизни участников «Среды», но и очерчивают круг эстетических предпочтений литераторов того времени. Телешов раскрывает сложные связи и взаимодействие культурных сфер: литературы и музыки. По мысли Телешова, музыка обладает такой особенностью, что слушающий ее способен тонко и волнующе воспринимать, и переживать различные состояния души человека. С одной стороны, многогранная образованность поэтов и писателей, деятелей искусства давала возможность наблюдать синестезию «изнутри», с другой – эта синестезия оказалась культурно востребованной в известных кругах.

Встречи с маститыми музыкантами и молодыми артистами становились событием для участников. «Вспоминается, – отмечал Телешов, – как на одном из вечеров в 1895 году у Тихомировых пел незнакомый молодой человек, очаровавший всех прелестным тенором; голос его был исключительной красоты. Все заинтересовались: «Кто это? Что за артист? Из какого театра?» Но оказалось, что это молодой юрист, один из помощников знаменитого адвоката Ф. Н. Плевако, и что фамилия его Собинов. Через год он выступал уже в Большом театре, очаровал всю Москву и быстро сделался знаменитостью¹. В 1897 г. году Леонид Витальевич Собинов стал солистом Большого театра, на сцене которого спел много партий в операх разных композиторов. В воспоминаниях Телешов подчеркивает всеобщее восхищение голосом и артистизмом Л.В. Собинова, это говорит о том, что писатель мог знать и чувствовать настроение московской публики. Такими фактами писатель пытается воссоздать атмосферу литературных «Сред»,

¹ Там же. С.19.

показать «литературный портрет» того или иного писателя, художника, музыканта, певца.

В «Записках писателя. Воспоминаниях и рассказах о прошлом» Н.Д. Телешова с высокой степенью достоверности отражены литературно-художественные процессы конца XIX – начала XX веков. Автор не только фиксирует факты, но и глубоко раскрывает взаимоотношения писателей того времени, что позволяет более полно понять контекст и особенности развития русской литературы на рубеже веков. У Н.Д. Телешова большое значение имеет и объект воспоминаний: событие или личность, о которых он пишет. Это могут быть, события разного масштаба, но, как правило, личность описываемого должна была оказать какое-то влияние на автора мемуаров.

Документальное начало в очерках-воспоминаниях, естественно, преобладает, но эмоциональный взгляд на личности, события, делают эти воспоминания художественными миниатюрами, в которых есть экспозиция, кульминация и развязка. Книга Н.Д. Телешова «Воспоминания писателя» привносит субъективный взгляд на события конца XIX – начала XX веков в литературно-художественном обществе Москвы, поскольку отражает, прежде всего личности автора и его видение. Писатель все-таки стремится не к «фотографичности» а, сочетает описания с элементами художественной прозы. Поэтому далеко не всегда различимы грани, отделяющие мемуарную литературу от художественных, публицистических произведений.

3.4. Рукописные традиции литературного объединения «Среда». Юмористические мотивы в творчестве Н.Д. Телешова

Ведение рукописных альбомов, журналов в литературных кружках XIX в. было достаточно распространено. Эти альбомы, журналы велись с разными целями. Чаще всего молодые люди на «собраниях» в отдельных домах вписывали свои сочинения, рисунки (стихи, посвящения), тем самым являли

свои таланты окружающим. Такой тип альбомов носил личный характер. Несколько иная функция рукописных альбомов/журналов была на заседаниях клубов, обществ. Это были своеобразные «дневники» заседаний, в которых отмечались присутствующие, тема заседания, изложение выступлений.

В летний период многие состоятельные люди выезжали на дачи, за летние месяцы среди дачников складывались своеобразные «клубы по интересам», поэтому одной тенденцией в дачной среде была организация различных общих культурных мероприятий: совместных концертов, постановок, вернисажей, литературных чтений и диспутов. На видных общественных местах, как правило, помещались объявления о таких мероприятиях. В 1891 году Телешов на даче в Пушкино организует выпуск рукописного дачного журнала «Пушкинская кочерыжка» (1891–1894), который представлял собой своеобразную пародию-игру в периодическую иллюстрированную газету-журнал. В литературоведении единственное и достаточно краткое обращение к этому рукописному журналу было сделано только И.И. Владыкиным и О.А. Мамонтовой.¹

Издание рукописных журналов, газет, альманахов – это давняя традиция в интеллигентных слоях общества. В истории русского общества известны рукописные альбомы, в которых молодые люди записывали свои стихотворные тексты и известных поэтов, эпиграммы, послания, мадригалы. Эти рукописные издания украшались орнаментами, иллюстрировались рисунками, в них вклеивались различные вырезки. Особенно эта традиция распространялась в среде учащейся молодежи. Молодые люди, создали творческую редакцию, которая оповещала о различных мероприятиях в дачном поселке, вскрывала недостатки дачного устройства быта. Однако одной из главных, на наш взгляд, потаенной функцией «Кочерыжки» была реализация своих творческих сил. В выпуске этого рукописного издания в

¹ Владыкин И.И. Творчество Н. Д. Телешова. Автореферат диссертации на соискание ученое степени кандидата филологических наук. М. 1969 19. с.; Мамонтова О. А. Творчество Н. Д. Телешова в контексте русской литературы: 1880-1920-х гг.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Томск, 2013. - 22 с.

какой-то мере проявился и сформировался организаторский талант Н.Д. Телешова. Писатель в своих воспоминаниях в 1941 г. записывает: «Как давно это было!.. В 1891 году. Стало быть, 53 года тому назад... Легко сказать!.. Тогда мне было 20 лет с небольшим... Был я молод и легкомыслен; все на свете было – "трын-трава". Летом жил я на даче, ухаживал за барышнями, увлекался и дельным, и бездельным; всегда любил что-нибудь устраивать. И вот "КОЧЕРЫЖКА" одно из этих увлечений, один из грехов молодости. Жил я в эти годы на даче в Пушкине, где был общественный, так называемый «Круг» – песчаная площадь, довольно обширная, среди сосновой рощи, недалеко от станции <...> самый Круг передавался в распоряжении самих дачевладельцев и дачников бесплатно. Эти дачники выбирали из своей среды так называемых «распорядителей»; человек 5-10, преимущественно из молодых людей, которые и устраивали на Кругу спектакли, концерты, на чаще всего «балы» – семейные танцевальные вечера¹. Н.Д. Телешов в воспоминаниях указывает тех людей, которые сотрудничали в редакции «Кочерыжки»: Владимир Николаевич Розанов (будущий профессор, хирург) Александр Николаевич Соколов (архитектор), Сергей Николаевич Васильев (ученый) и другие, которых писатель уже не помнит. Эти молодые люди подхватывали «игру» и не обижались на меткий, но добродушный юмор, который высвечивал как положительные, так и отрицательные стороны друзей. В машинописном Предисловии 1944 г. Н.Д. Телешов вспоминает 1891 год, когда начался выпуск этого рукописного издания. Важно понять, что эти воспоминания появились спустя много лет, однако, автор точно и с пережитыми эмоциями передает определенное настроение и стремление молодых людей, увлеченных своей идеей. «Сочинялось все это вдруг, экспромтом. Обычно писалось прямо начисто; переписывать времени и охоты не было. Писался весь номер всю ночь; редко в две» – так вспоминал Телешов 10 января 1944 года.²

¹ Телешов Н.Д. Пушкинская кочерыжка. //РГАЛИ. Ф.499. Оп. 1. Л.1-2.

² Там же. Л. 1.

Издание было предназначено для тесного круга знакомых и друзей, которые жили в дачном поселке. Юмор «кочерыжников» не опускался до низового смеха, что было основой издания. «Пушкинская кочерыжка» – это не только литературная игра, но журнал, который пытался в какой-то мере отражать и реальные проблемы быта дачников. «Пушкинская кочерыжка» выходила раз в неделю, она включала тексты, рисунки, объявления и прочие сведения. Структура рукописного журнала и общее содержание сближают его с выходившими в этот период иллюстрированными еженедельниками («Нива», «Огонёк», «Звезда», «Радуга» и др.)

Для начинающих писателей рукописный журнал «Пушкинская кочерыжка» стал творческой лабораторией, которая давала им возможность искать себя в литературе и проявить одну из граней своего таланта. Очевидное влияние на «рукописное» творчество Телешова оказали журнал «Радуга» и сатирические журналы того времени. Формирование этого «любительского» издания во многом определило и редакторские способности Телешова.

Н.Д. Телешов приводит содержание нескольких выпусков: Мелочи: три периода (№1); Рисунки: Певец, скрывающийся от взоров публики (№1); Бегство распорядителей (№1); O, tempora, o, mores! (№2); Под 6-е августа (№2) и др. В дружеских шаржах, стихах раскрывались отношения между друзьями-писателями. В «Пушкинской кочерыжке» часто использовались распространенные в периодике жанры, использовались и затейливые псевдонимы. Так, например, в рубрике заметки подписаны «МакАстрогон», короткий рассказ «Брызги» подписан «Комар», или «Дневник» автор – Жук, автор «Хладнокровных размышлений» – Чеснок. Псевдонимы были из огородно-садовой терминологии. В «Кочерыжке» публиковались и литературные жанры: баллада «Ночной парад» – автор Лягушка, «Песня распорядителей», стихотворение «Путник», басня «Круг и Поп», «Басня».¹ По своей структуре «Пушкинская кочерыжка» напоминала юмористические журналы того времени. Н.Д. Телешов приводит сводное содержание номеров

¹ РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 1. Ед. хр 117. Л.6-8.

«Кочерыжки», из которого можно узнать в каких номерах опубликованы стихи, статьи, рисунки, шарады «мелочи» и т.п.¹

В «Кочерыжке» было обилие малых жанров, в это время в массовой периодике этот тип жанра был достаточно популярен. Первый номер «Кочерыжки» открывается объявлениями: «Пушкинская «Кочерыжка». 1.подписка не принимается. 2.Редакция не входит ни в какие разговоры с публикой. 3.Читателей просят вслух не ругаться»; «С душевным прискорбием распорядители извещают знакомых и публику о преждевременной кончине общественной кассы, последовавшей от продолжительной и тяжелой недобросовестности некоторых дачевладельцев»; «Танцевать желают дачники хотя бы под рояль».² Как и полагалось, в первом номере журнала была статья «От редакции»: «Цель нашего издания, как говорят о себе все нарождающиеся журналы, – пополнить пробел. Мы долго искали и наконец заметили один пробел в современной журналистике и желаем его пополнить. Этот пробел отсутствие корреспонденций во всех газетах о Пушкине. Надеемся, что наше молодое издание встретит в публике сочувствие, как единственное в России хотя не научное и не популярное, но довольно обстоятельное издание»³. Как в периодике того времени, был раздел «Телеграммы», который предназначался для оперативного информирования читателей. В «Кочерыжке»: «Общественный круг. Спрос на клюквенный квас оживленный. Кваса иногда в буфете не бывает, но это не беда; беда в том, что с иных берут за бутылку 15 к., а с некоторых пятаков дороже».⁴

Для развлечения читателей приводились шарады:

Шарада № 1

Мой первый слог –

Простой цветок;

Второй слог в азбуке найдете,

¹ Мамонтова О.А. Творческие поиски Н.Д. Телешова в контексте русской периодики конца 1880-х – начала 1890-х годов. С.51.

² РГАЛИ, Ф. 499, оп. 1. Ед. хр. 117. Л 12.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л.14.

А третий – не перешагнете.

Меня легко и в целом угадать:

Вам стоит лишь фамилию назвать

Того, кого хотят из Пушкина прогнать

За то, что дал я денег мало Кругу

И что держу я дерзкую прислугу.

(Отгадка в следующем №)¹

Отгадка в № 2 «Шарада № 1. Решение. Мак. А. Ров. –Макаров (содержатель кегельбана)».²

Во втором номере есть такие объявления: «Заявлениеочных сторожей. В виду нареканий на нашу деятельность, извещаем всех, что мы не спим до полуночи. После же означенного времени, нас действительно, нигде не найдешь»; «Опытная собака предлагает свои услуги за стол и квартиру. Имеет аттестат от бросивших ее хозяев. Согласна в отъезд»; «Пушкинские афоризмы, пословицы и поговорки. 1. Если хочешь поспеть к поезду аккуратно, приходи на полчаса позднее против расписания».³

Н.Д. Телешов использовал, как в периодике, эстетику псевдонима: его стихи и рассказы печатались за подписями-псевдонимами Н. Белобров, Н.Б., Ник. Валовой, Ник. Чужой, Н. Б-ров, Ник. ***, Ник. ***ов, Т. Скиржевич. Эти псевдонимы имели «говорящее» звучание, которое указывало на принадлежность к определённым социальным группам или литературным образам. Например, Белобров и Валовой ассоциировались с простым народом, жителями замоскворецкой Валовой улицы, а Чужой подчёркивал образ романтического, непризнанного или неизвестного автора. Литературные маски, используемые Н.Д. Телешовым в «Кочерышке», призваны были установить юмористическую ассоциативную связь между текстом и представлением о том или ином животном или растении. Например, отрывок «Не кривя душой», стилизованный под древнерусскую былину, подписан

¹ Там же. Л.17.

² Там же. Л.48.

³ Там же. Л. 35.

псевдонимом «Зверобой-трава», вокалическое звучание, которого совершенно совпадает с общим звуковым стилем и строем произведения.

Н.Д. Телешов отмечает: «Мой личный "грех" был здесь самый великий: почти весь текст писан был мной, за исключением трех-четырех статей. Стихи все мои, без исключения»¹. В среде молодых писателей было достаточно популярным использование приема стилизации. Часто писали «под былинный стиль», использовали размер стиха, инверсии, постоянные эпитеты, междометия-восклицания.

Не кривя душой

(в древнерусском вкусе)

Ой, ты. гой еси, Николай седой,
Николай седой, свет Иванович!

На мои слова неразумные

Ты не хмурь чела, не прогневайся

Хоть и любишь ты, свет, почваниться,
Любишь слушати речь холопскую,
Чтоб тебя-де в ней восхваляючи,

Люди кланялись, унижалися,

Да разинув рот все косились

На твою казну, на кошель большой...

<...>

Ой, ты. гой еси, Николай седой,
Николай седой, свет Иванович!

Когда будешь ты строить новый Круг.

Не забудь про нас, кочерыжников,
Что сказали мы правду-матушку

Не во вред тебе, а по совести!

Строить строй себе, да поглядывай

На работничков, на поклонничков.

¹ Там же. Л.4.

Да поменьше верь их улыбочкам.

Да держи ушко на макушечке!..

*Зверобой-Трава.*¹

Литературное объединение «Среда» имело различные функции, а также явилось своеобразным продолжением литературно-издательских опытов «Пушкинской кочерыжки», но уже с более серьезными итогами. После обсуждения серьезных произведений участников было создано много шутливых стихов, в которых выщучивали особенности тех или иных текстов, самих участников.

В архиве РГАЛИ Н.Д. Телешова есть такое замечание по поводу заседания «Среды». Примечание к странице «51-е Мартабря»: (Невольное подражание Грифам, Скорпионам, и прочим разноцветным поэтам)

Сочинено хором из 10 анонимных персон

Там было мрачно, мрачно что-то...

Лилово «Красный смех» звенел.

И Длинный кто-то, длинный кто-то

Октаевой черною ревел.

Там Бонза медный, чуя что-то,

Глубокомысленно молчал,

А кто-то Лысый, лысый кто-то

О конституции ворчал.

И Рыжий кто-то, рыжий кто-то

Кого-то Черного привез,

И Черный кто-то, черный кто-то

О Белом чепуху понес.

Среда, 15 декабря 1904 г.

Дело было за ужином в присутствии Андреева, Скитальца, Юлия Бунина, Гольцева, Бальмонта, Соколова-Кречетова и других, здесь

¹ РГАЛИ. Ф.499. Оп.1. Ед. хр. 117. Л.62.

неупомянутых лиц»¹. Н.Д. Телешов вспоминает: «Л.Н. Андреев читал в этот вечер свой «Красный смех». Дело было в его квартире, на так называемой «выходной Среде». Народа было много». Писатель также разъясняет, кто есть кто в этом стихотворении:

В стихах упоминаются следующие лица:

- 1) Длинный, с октавой – это Скиталец.
- 2) «Бонза» – это Юлий Бунин.
- 3) «Лысый» – Гольцев.

О чем бы ни шла речь, он всегда вставлял словечко о конституции.

4) «Рыжий» – Бальмонт, приведший малознакомого многим, кроме меня, Сергея Кречетова, издателя «Перевала».

5) «Черный» – С. Кречетов (Соколов), поднявший тост за Андрея Белого, как великого писателя.

- 6) «Белый» – Борис Булгаков.

Январь

1947 г. Н. Телешов»²

В литературном кружке «Среда», который объединял талантливых писателей и поэтов, сочинительство шутливых стихов было одним из любимых занятий. Писали Н.Д. Телешов, И.А. Бунин и другие участники «Среды» стихи, которые затрагивали, например, литературные объединения вокруг журналов «Весы»³, «Скорпион»⁴, «Овен». Н.Д. Телешов так и обозначил в рукописи:

По прочтении объявления о «Весах».

Посв. «Скорпиону».

Но для ярых говен

Лучше всего «Овен».

¹ РГАЛИ. Ф.499. Оп.1. Ед. хр. 117. Л. 1.

² РГАЛИ. Ф.499. Оп.1. Ед. хр. 117. Л. 1-2.

³ «Весы» — научно-литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал, выходивший в Москве в книгоиздательстве «Скорпион» с января 1904 по декабрь 1909 года включительно. Основной орган русского символизма.

⁴ Журнал «Скорпион» выходил в Санкт-Петербурге в 1906 году. Всего было выпущено 2 номера.

Ив. Бунин

Среда. 3 дек. 1903 г.

Или еще одно «литературное» посвящение:

Брюсову, Бальмонту и прочим магам современной поэзии:

Птенцам Весов и Скорпиона

Успех был дан во время Оно,

Но не смогли сии птенцы

На главах удержать венцы

И скоро все они – бледнея

Умрут под знаком Водолея.

Н. Телешов¹

В архиве Н.Д. Телешова, основателя и вдохновителя этого кружка, можно найти произведения, которые не только развлекали участников, но и раскрывали их характеры и особенности. В них можно увидеть, как каждый из них воспринимал себя и окружающий мир, какие у них были привычки и слабости. В стилизации «Кому из «Среды» жить хорошо» подмечены портретные сходства, манеры поведения того или иного участника кружка, а также род их занятий. Такие остроумные замечания делают это стихотворение-подражание не только забавными, но и ценным для понимания атмосферы и духа «Среды». Автор – Н.Д. Телешов, использовал стилизацию под поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Странники в стихотворении «Кому из «Среды» жить хорошо» обходят некоторых известных участников «Среды», однако, никого счастливого в «Среде» не находят, каждый выдвинул много аргументов против того, чтобы его считать счастливым. А.Е. Грузинский – много работает, И.А. Бунин – много путешествует, Юл.А. Бунин – занят по общественным делам, С.Г. Скиталец – скитается и пишет, Ф.И. Шаляпин – много поет. Заканчивается поэма так:

Сложили руки странники

и в пояс поклонились

¹ РГАЛИ. Ф.499. Оп.1. Ед. хр. 117. Л.5.

Друг дружке – в знак конца.

– Знать нам найти счастливого,

Как видно – не с руки,

Спасибо всем товарищам

За трудные искания,

Поклонимся мы им!

И разойдёмся в стороны

До будущего лучшего,

До гнева всенародного –

До вольного житья!¹

Эти стихи часто были наполнены юмором, иронией и самоиронией, что позволяло членам кружка не только весело проводить время, но и лучше узнавать друг друга.

В итоге, анализ юмористического творчества и рукописного наследия Н.Д. Телешова показывает, что существуют крепкие диалогические связи его творческих поисков с определенными органами периодики 1880–1890-х гг., а также с контекстом русской культуры и литературы, народным контекстом.

Помимо издания рукописного журнала Н.Д. Телешов написал для книги «Веселые страницы. Юмористическая хрестоматия. Избранные юмористические рассказы русских писателей» (Петроград, 1914, Т.2. Типография тов-ва «Общественная польза» Бесплатное приложение к журналу «Пробуждение»). В этом сборнике Н.Д. Телешов опубликовал рассказ «Жулик».²

Н.Д. Телешов был достаточно плодотворным в различных жанрах литературы. Его стихотворные сочинения на литературных «Средах», «опыты» в издании «Пушкинской кочерыжки» показывают активное восприятие различных современных тенденций, как серьезных, так и

¹ Телешовские «Среды»: Москва– Малаховка/ Авт.-составит. Лидия Логинова. Москва: Русский импульс, 2009. С.61.

² Телешов Н.Д. Жулик//Веселые страницы. Юмористическая хрестоматия. Избранные юмористические рассказы русских писателей. Петроград, Типография тов-ва «Общественная польза» 1914, Т.2. С.40-45. (Бесплатное приложение к журналу «Пробуждение»)

шутливых. Почти каждый писатель в разное время пытался, часто не для печати, создать шутливые стихи, прозу, эпиграммы на друзей литераторов, на критиков, на противоборствующие группировки, на власть. Эта страница в творческой биографии Н.Д. Телешова показывает, что он творил в самой «гуще» литературно-художественных событий.

Выводы по третьей главе:

1. Одной из тенденций литературы XX века является соединение документального и художественного начала. В произведениях Н.Д. Телешова синтез документального и художественного проявляется в путевых очерках, которые продолжают традиции отечественной путевой литературы. В то же время писатель предлагал читателю новое видение судеб людей, природы Урала и Сибири, предреволюционной атмосферы столицы и провинции.

2. В этот период в обеих столицах было создано множество литературных и художественных кружков, которые объединяли людей по интересам и творческим устремлениям. Телешовская «Среда» стала площадкой для обмена идеями, обсуждения последних литературных и художественных новинок, а также для знакомства с новыми талантами. На ее заседаниях бывали писатели и поэты, актеры, музыканты, художники (Л.Н. Андреев, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, А.С. Серафимович, В.В. Вересаев, А.М. Горький, А.И. Куприн, А.П. Чехов, Ф.И. Шаляпин, С.В. Рахманинов и др.). «Среда» дала возможность издавать сборники и отдельные произведения писателей и поэтов, поддерживать их материально, то есть влиять на литературный процесс.

3. В позднем творчестве Н.Д. Телешова особое значение имеют «Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом». В них с наибольшей убедительностью показаны литературно-художественные процессы конца XIX – начала XX вв., в которых приводятся не только факты, но в достоверной форме раскрывается взаимоотношения писателей того времени. Таким образом, писатель пытается воссоздать атмосферу, показать «литературный

портрет» того или иного писателя, художника, музыканта, певца. Документальное начало в очерках-воспоминаниях, естественно, преобладает, но эмоциональный взгляд на личности, события, делают эти воспоминания художественными миниатюрами, в которых есть экспозиция, кульминация и развязка.

4. Одной из тенденций в русской литературе является ведение рукописных альбомов, журналов в литературных кружках. Эти альбомы, журналы велись с разными целями. В 1891 году Н.Д. Телешов на даче в Пушкино организует выпуск рукописного дачного журнала «Пушкинская кочерыжка» (1891–1894), который представлял собой своеобразную пародию-игру в периодическую иллюстрированную газету-журнал. В этом издании раскрылся талант молодого писателя как юмориста. Выпуски «Пушкинской кочерыжки», а затем и литературные опыты на «Средах» у Н.Д. Телешова показывают, что писатель ориентировался некоторые популярные юмористические и сатирические издания периодики 1880–1890-х гг., а также на фольклоризм русской культуры и литературы того времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Н.Д. Телешова, отражающее его биографию и литературно-критическую рецепцию, представляет собой уникальное проявление литературных тенденций конца XIX – начала XX века. Ранние стихи демонстрируют влияние как «некрасовско-суриковского» направления, так и поэзии «безвременья» Я. Полонского, С. Надсона и Д. Мережковского и др. Кроме того, в них можно увидеть зарождение авангардных черт. Н.Д. Телешов также включает в свои произведения элементы городского романса и мелодраматические мотивы, что придает его стихам особую глубину и эмоциональную насыщенность.

В целом творчество Н.Д. Телешова относится к литературе реалистического направления XIX - начала XX вв. Его художественные произведения исследуют социальные и философские проблемы своего времени, что подтверждается наличием характерных для реализма тем: крестьянский вопрос, проблемы переселенцев и их семей, эмансипация женщин, религиозно-духовное мировоззрение и отражение революционных настроений. От наблюдений за жизненно важными явлениями эпохи в прозе Н.Д. Телешова сочетаются черты реализма и модернистской поэтики, что свидетельствует о его современном подходе к литературному творчеству и стремлении к синтезу различных художественных тенденций. Творчество Н.Д. Телешова характеризуется обращением к малым литературным формам: рассказу, повести, очерку, а также к фольклорным жанрам. Эволюция прозы Н.Д. Телешова заключается в его способности находить новые способы типизации социально-исторических явлений, развивающихся в России. В ранних рассказах писателя отражены ключевые тенденции реалистической прозы того периода: внимание к судьбам русского крестьянства, городских жителей, купцов и интеллигенции, а также к их культурным особенностям на фоне масштабных социально-экономических изменений. Это позволяет расширить тематический диапазон произведений, освещая не только

проблемы деревни, но и городской жизни, её сложной социально-классовой структуры. Такой взгляд писателя способствует углублению эпического содержания малых жанров русской прозы, делая их более насыщенными и многозначными.

В литературе начала XX века проявляются романтические тенденции, выразившиеся в изображении героических личностей, устремленных к подвигу. Н.Д. Телешов создает образы, поражающие своей исключительностью и нравственной красотой, в произведениях «Песнь о трех юношах», «Катя-вожак» и «Сухая беда». Даже в рассказе «Черною ночью», где главный герой Вася не выглядит романтичным, его внутренний нравственный порыв становится центральным элементом сюжета.

Народная культура, фольклорные жанры непосредственно были использованы в прозе Н.Д. Телешова, так как отразили в концентрированной форме народные этические, эстетические нормы и философские воззрения, сложившиеся за многовековую историю. Произведения Н.Д. Телешова опираются на традиционные сказочные сюжеты русской и мировой культуры, однако автор применяет их в разнообразных интерпретациях, что свидетельствует о его творческом своеобразии и создании уникального художественного пространства.

Фольклоризм Н.Д. Телешова проявляется в использовании различных жанров народного красноречия, меткого народного слова. Писатель органично включает в тексты произведений народные обряды, песни, романсы.

В творчестве Н.Д. Телешова жанр сказки, легенды, благодаря своей гибкости и мобильности, оказался способным откликаться на идеи, актуальные для того времени. В них писатель раскрывает представления о том, что такое счастье человека, что он должен отказаться от собственного благополучия во имя народа, а если понадобится, то и пожертвовать своей жизнью ради высокой цели (особенно это присуще послереволюционному творчеству). Новаторство Н.Д. Телешова в этих жанрах проявляется как в содержании, так и в форме. В его сказках и легендах Символико-

аллегорическая наполненность сказок и легенд поднимаются сложные онтологические проблемы. Он не ограничивается русской народной тематикой, но и включает восточные элементы, что обогащает его художественные возможности. также привлекает внимание в творчестве Н.Д. Телешова. В русле ориентальных тенденций начала XX века, его произведения демонстрируют синтез этнокультурных мотивов и образов, гармонично взаимодействующих в едином художественном пространстве. Писатель обращается не только к различным модификациям литературной легенды, но и к легендам-мифам, легендам-стилизациям, легендам-сказкам и легендам-притчам.

Одной из характерных черт литературы XX века стало объединение документального и художественного начал. В этом контексте Н.Д. Телешов внес вклад в развитие жанра «русского травелога», который, продолжая традиции отечественной путевой литературы, предлагал читателям новый взгляд на судьбы людей, природу Урала и Сибири, а также на последствия войны и революционные события в столице и провинции. «Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом» Н.Д. Телешова представляют собой значимый источник для изучения литературно-художественных процессов конца XIX – начала XX веков. В данном произведении автор не только фиксирует факты, но и глубоко анализирует взаимоотношения между писателями того времени, что позволяет реконструировать атмосферу литературных «Сред» и создать «литературные портреты» ключевых фигур эпохи – писателей, художников, музыкантов и певцов. В «Записках» Н.Д. Телешов стремится передать не только документальную точность, но и эмоциональную насыщенность событий, что превращает его воспоминания в художественные миниатюры с четко выраженной экспозицией, кульминацией и развязкой. Такой подход позволяет читателю не только ознакомиться с конкретными фактами, но и погрузиться в атмосферу того времени, ощутить дух эпохи и лучше понять контекст, в котором развивалась литература и искусство. Н.Д. Телешов убедительно представляет своих героев в

исторически конкретных ситуациях, раскрывая их внутренний мир в различных психологических коллизиях.

В прозе Н.Д. Телешова важную роль играет прием объединения различных художественных средств: несобственно-прямой речи, авторских комментариев и раскрытия мыслей героев. Основная идея произведений часто выражается через эмоциональный порыв одного из персонажей, а не как готовая декларация. Н.Д. Телешов формирует отношение к миру как положительное, так и отрицательное, используя разнообразные детали. В индивидуальных образах он находит общее, типическое, что проявляется в портретах и бытовых сценах, где видны конкретные социальные приметы.

Природа в прозе Н.Д. Телешова представлена как изменчивый и прекрасный мир, отражающий звуковые, вкусовые и визуальные особенности окружающей действительности. Образы природы не являются самоцелью, а служат действенным философско-идеологическим компонентом, раскрывающим глубинные смыслы произведений и настроение автора и героев. Пейзажные картины часто сопоставляются с жизнью персонажей, подчеркивая контраст между красотой природы и обездоленностью простого трудового народа. В то же время природа у Н.Д. Телешова символизирует силу и духовную возвышенность народа.

В творчестве Н.Д. Телешова наблюдаются влияния как реалистической, так и символистской эстетики, проявляющиеся в изображении социальной жизни, изменчивости человеческих эмоций и природных феноменов. Реалистические основы и символизм в творчестве Н.Д. Телешова выступают как ключевые элементы, формирующие его художественный мир. Реализм позволяет ему точно и детально изображать окружающую действительность, создавая атмосферу подлинности и достоверности. Через реалистичные описания он передает особенности быта, характеры и социальные условия, что делает его произведения живыми и узнаваемыми.

Однако Н.Д. Телешов не ограничивается лишь реалистическим подходом, символизм добавляет его творчеству глубину и многослойность,

позволяя читателю находить скрытые смыслы и интерпретации. Символы в его произведениях служат для передачи эмоциональных состояний, философских размышлений и личных переживаний. Они создают метафорический язык, который помогает выразить сложные и многогранные идеи.

Таким образом, у Телешова гармонично сочетаются реалистические и некоторые символистские тенденции, создавая уникальный художественный мир, где реальность и воображение переплетаются, позволяя читателю глубже понять и прочувствовать авторский замысел. Фольклоризм произведений становится одним из средств художественного видения мира, которое включает особенности различных жанров народной культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Телешов Н.Д. За Уралом // Русское обозрение. 1896. № 6 (июнь). Т. 40. С. 140-141.
2. Телешов Н. Старый хозяин// На добрую память. Сборник для детей. Памяти Н.А. Соловьева-Несмолова. 1902, № 2, февраль. С.157.
3. Митрич Н. (Н. Телешов). Из Андрюшиной тетради. Песни старика Николоса// Светлячок. 1909, № 24. С. 610.
4. Телешов Н. Наваждение (святочная сказка)//Женское дело. 1912, № 24. С.19; Фонд Н.Т., Ед. хр. 57. 4 экз. 31 л.
5. Телешов Н.Д. Жулик//Веселые страницы. Юмористическая хрестоматия. Избранные юмористические рассказы русских писателей. Петроград, Типография тов-ва «Общественная польза» 1914, Т.2. С.40-45. (Бесплатное приложение к журналу «Пробуждение»).
6. Телешов Н.Д. Катя-вожак// Клич. "День печати": Сборник на помощь жертвам войны, Москва 1915г.: / Под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. Москва: Товарищество скоропечати А. А. Левенсон, 1915. С.159.
7. Телешов Н. [Без заглавия]. Книга о Леониде Андрееве. 2-е, дополненное издание. Берлин; Пб.; М. Издательство З.И. Гржебина, 1922.
8. Телешов Н. Ворон: Сказка. Новая жизнь: Альманах второй. М. Новая жизнь. 1922.
9. Телешов Н. Верный друг. Среди животных: Сборник рассказов русских писателей. [Харьков]. Государственное издательство Украины. 1924. Телешов Н. Зоренька: Сказка. Московский альманах. М. Книгоиздательство писателей в Москве. 1923. [N] 2
10. Телешов Н. Мечтатель. Московский альманах. М. Книгоиздательство писателей в Москве. 1922. [Кн.] 1

11. Телешов Н. Самое лучшее: Сказка. Новая жизнь: Альманах первый. М. Новая жизнь. 1922
12. Телешова Е. Время летит и уносит с собою... На переломе: Литературно-художественный сборник кружка пролетарских писателей. Оренбург. Губагентство "Центропечати". 1920
13. Телешова Е. Не мучайте меня ревнивым подозреньем... На переломе: Литературно-художественный сборник кружка пролетарских писателей. Оренбург. Губагентство "Центропечати". 1920
14. Телешова Е. О, как он гадок мне! Без отвращенья... На переломе: Литературно-художественный сборник кружка пролетарских писателей. Оренбург. Губагентство "Центропечати". 1920
15. Телешов Н. [Без заглавия]. Книга о Леониде Андрееве: Воспоминания. Пб.; Берлин. Издательство З.И. Гржебина. 1922.
16. Телешов Н. Домой: Из жизни сибирских переселенцев. Беспрizорные: Сборник рассказов. М. Гудок. 1926.
17. Телешов Н.Д. Крамола. 1905 год в русской художественной литературе: Сборник поэзии и прозы / Составитель А. Богданов. Часть 1: Город. М.; Л. ГИЗ. 1926
18. Телешов Н.Д. Избранные сочинения. В 3 томах. Москва: ГИХЛ, 1956.

Архивные материалы

1. РГАЛИ. Ф.499. Оп. 1. Ед. хр. 117.
- 2.Квартира- музей Н.Д. Телешова Архив Фонд Н.Т. Ед. хр. 90.
3. ИМЛИ. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 19.

Исследования

1. Айкашев О.А. Литературный портрет: концепция личности портретируемого писателя и особенности ее воплощения (на примере работ

В.Г. Короленко и Ю.М. Айхенвальда о В.М. Гаршине)//Мир науки, культуры, образования. № 4 (23). 2010. С. 6-8.

2. Амфитеатров А. В. Дьявол в быту, легенде и в литературе Средних веков. Москва: Азбука-классика, 2010. URL: <https://books.yandex.ru/reader/lbk61Q3A?resource=book> (дата обращения 06.04.2023)

3. Аронсон А., Рейсер С. Литературные кружки и салоны/ Ред. и предисловие Б.М. Эйхенбаума. Ленинград: Прибой, 1929. 312 с.

4. Барахов В. С. Искусство литературного портрета. Москва: наука, 1976. 184 с.

5. Беллетристика// Русская мысль. 1899. № 10. С. 363 – 364.

6. Беловинский Л.В. Хождение писателя по народным мукам// Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: очерки / Н. Телешов; предисл., comment. Л. В. Беловинского. М: Изд-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. 160 с.

7. Белоусов И. А. Литературная Москва: (Воспоминания 1880-1928): Писатели из народа. Писатели-народники. Москва: Моск. товарищество писателей, [1929]. 150 с.

8. Белоусов И. А. Литературная среда. Москва: Кооперативное изд-во писателей «Никитинские субботники», 1928. 278 с.

9. Беневоленская Т. А. Портрет современника: очерк в газете. М.: Мысль, 1983.134 с.

10. Беспалова Л. Г. «Переселение крестьян в Сибирь» в творчестве русских писателей // Земля Тюменская: Сб. Тюмен. обл. музея. Тюмень, 1965. Вып. 4. С. 53–63.

11. Беспалова Л. Г. Телешов Николай Дмитриевич // Большая Тюменская энциклопедия. Т. 4: А–Я. Тюмень, 2009. С. 387.

12. Беспалова Л.Г., Беспалова Ю.М. Н.Д. Телешов и его тюменские впечатления // Тюменский край и писатели XVII–XIX вв. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 200–210.

13. Борисова В. Н.Д. Телешов// Телешов Н.Д. Избранные сочинения: В 3 т. Москва: ГИХЛ, 1956. Т. 1. С.5-21.
14. Владимиров Е.В. Н.Д. Телешов// Русские писатели в Чувашии. Чебоксары, 1959. С. 122-132.
15. Владыкин И. И. Творчество Н.Д. Телешова: автореф... дис. кан. филол. наук. Москва, 1969. 14 с.
16. Гершензон М. Избранное. Тройственный образ совершенства. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 640 с.
17. Головин В.В., Николаев О.Р. "Узелковое письмо" фольклоризма: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodeystvija v russkix literaturnykh tekstakh novogo vremeni // Navstrechu Treтьemu Vserossijskому kongressu fol'kloristov: sbornik nauchnyx statej / Ministerstvo kul'tury Rossiijskoj Federatsii, Gosudarstvennyj respublikanskiy centr russkogo fol'klora. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskiy centr russkogo fol'klora, 2013. С. 16-54.
18. Горький М. Дети солнца // Горький М. Собрание сочинений: В 30-ти т.; Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Пьесы: 1901-1906. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1950. Т.6. 556 с.
19. Грачева А. М. Русская беллетристика 1900–1910-х гг.: Идеи и жанровые формы// Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. С. 543–587.
20. Григоренко В.Н. Телешов. Переселнцы. Рассказы. Москва: 1929//Книга и революция. 1930. № 2. С. 39-40.
21. Громов П.А. Блок, его предшественники и современники. Москва: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1966. 569 с.
22. Гусев В.Е. Фольклор и социалистическая культура (к проблеме современного фольклоризма) // Современность и фольклор: статьи и материалы / Отв. ред. и сост. В.Е. Гусев. – Москва: Музыка, 1977. С. 7–27.

23. Дворникова Е. Духовно-нравственные ценности русской классической литературы //URL: <http://kurskonb.ru/our-booke/slovo/doc/061.html> (дата обращения 10.06.2025)
24. Двуреченская А.С., Бегунова Е.А. Отечественная мемуарная литература начала ХХ века как отражение культурной памяти эпохи//Вестник Казанского университета культуры и искусств. 2019. № 1. С.26-30;
25. Денисова С. М. Творчество Н.Д. Телешова, 1884–1916 гг.: автореф. дисс. кан. филол. наук. Томск, 1969. – 16 с.
26. Дерман А. Писатель-общественник//Телешов Н. Избранные рассказы. Москва: Гослитиздат, 1935. С. 175-177.
27. Джанумов С.А. Народные песни и малые жанры фольклора в творчестве А.С. Пушкина: монография. Москва: МГПУ, 2015. 295 с.
28. Долгат У.Б. Литература и фольклор. Москва: Наука, 1981. 304 с.
29. Долгополов Л.К. На рубеже веков о русской литературе конца XIX-начала XX в. Ленинград: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1985. 351 с.
30. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы//Достоевский Ф.М. Полное собрание соч. в 30 т. Ленинград: Изд-во «Наука», 1976. Т.15.
31. Дудорова М. В., Слаутина М. В. Смысловая оппозиция "Будни - Праздник" в рассказе Н. Д. Телешова "Елка Митрича" // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Стерлитамак, 25–26 октября 2018 года / Ответственный редактор Э.А. Радь. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО "Башкирский государственный университет", 2018. С. 130-132.
32. Дурылин С. Н.Д. Телешов// Телешов Н.Д. Избранное. Москва: Сов. писатель, 1948. С.3-17.
33. Дурылин С.Н. Телешов и его «Записки»// Октябрь. 1945. № 1-2. С. 165-166.

34. Ермакова Л.М. «Принцесса Луны» и «Бамбук-дерево»: российская судьба «Такэтори-моногатари»//Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 2. С.70-92.
35. Ермилова Е. В. Поэзия на рубеже эпох // Смена литературных стилей. На материале русской литературы XIX-XX веков. Москва: АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького, 1974. С. 122-177.
36. Есаулов И. Обвинительная филология// URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200802027> (дата обращение 03. 04. 2024)
37. Журбина Е. И. Искусство очерка. Москва: Советский писатель, 1957. 221 с.
38. Зябрева Г.А. Своеобразие критического реализма в прозе С.И. Гусева-Оренбургского, В.Г. Тана-Богораза и Н.Д. Телешова: автореф. дисс. кан. филол. наук. Симферополь, 1986. 29 с.
39. И.З. Суриков и поэты-суриковцы [Избранное] / Вступ. статья [с. 5-54], биогр. справки, подгот. текста и примеч. Е.С. Калмановского. Москва, Ленинград: Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1966. 515 с. (Библиотека поэта).
40. История русской литературы конца XIX - нач. XX века. Библиографический указатель./Под ред. К. Д. Муратовой. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1963. С. 399–401.
41. Кантор В.К. Русская литература и женская эмансипация// Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 272-275.
42. Касимова Х.А. Проза Н.Д. Телешова дореволюционного периода (вопросы реализма творчества).: автореф... дис. кан. филол. наук. Баку: Азербайджанский государственный университет им. С.М. Кирова, 1971. 20 с.
43. Касторский С.В. Николай Дмитриевич Телешов//История русской литературы: В 10 т. / Ленинград, Москва: АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Т. X. Литература 1890–1917 годов. 1954. С. 574-606.
44. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Санкт Петербург: Типография «Общественная польза», 1905. 83 с.

45. Келдыш В.А. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и русская революционная поэзия. Москва: Наука, 1964. 239 с.
46. Келдыш В.А. Русский реализм начала XX века. М: Наука, 1975. 280 с.
47. Ковалева Т.Н. Мир востока в лирике И.А. Бунина 1900-1910-х годов // Известия ДГПУ. Т.11. № 1. 2017. С. 72-75.
48. Ковальчук Н.М. «Женское» как гендерная проблема в русской литературе и философии XIX–XX вв.// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Вып.4 (8). 2009. С. 91 - 94.
49. Коган П.С. Из жизни и литературы// Образование. 1899. № 7-8. 78 с.
50. Козлов А.Е. Нarrативные клише русского травелога (на материале журнала «Русский вестник» 1860-1880-х гг.)// Русский травелог XVIII-XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С.356-357.
51. Кондаков Б.В. Русская литература 1880-х годов и Д. Н. Мамин-Сибиряк//Кодаков Б.В. Художественный мир русской литературы 1880-х годов. Ч. I: Художественный мир литературного произведения. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 1996. 56 с.; Ч. II: Анализ художественного произведения. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 1996. 92 с.
52. Кондаков Б.В., Попкова Т. Д. Художественный мир литературы и феномен детского мировосприятия (Статья первая)// Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 4 (16). С.130 -143.
53. Кони А.Ф. Н. Телешов. Повести и рассказы Москва, 1902 г. Рассказы. Петербург. 1903 г./Кони А. Ф. Воспоминания о писателях/ Сост. вступ. ст. и комм. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. Москва: Правда, 1989. С.582-586.

54. Короленко В. Г. Сибирские очерки и рассказы. Иркутск: Восточно-Сибирское издательство, 1983. 416 с.
55. Костин В.М. Томск в 1890 году, или Два метеора// Сибирский вестник. 1890. 25 марта. 43 с.
56. Лазарев А. И. Некоторые вопросы типологии фольклоризма литературы советского времени// Вестник Челябинского государственного университета. 1998. Т. 2. № 1. С. 4-26.
57. Лазарев А.И. Типология литературного фольклоризма: (На материале истории рус. лит.): Учеб. Пособие. Челябинск: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Челяб. гос. ун-т, 1991. 94 с.
58. Леонова Т.Г. Русская сказка и ее отношения к народной сказке. Томск: Изд-во Томск. унта, 1982. 197 с.
59. Лесков Н.С. О русском расселении и политико-экономическом комитете// Лесков Н. Честное слово. Москва: «Советская Россия», 1988. С.57-73.
60. Лесс А. Юбилей старейшего писателя//Крым: Литературно-художественный альманах. Симферополь, 1952. № 9. С. 202-205.
61. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920-1980-х годов). Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1992. 184 с.
62. Литературно-эстетические концепции в России конца XIX - начала XX века. М., 1975. 416 с.
63. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX - начала XX века. 1890-1904. Москва: Акад. наук СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького, 1981. Социал-демократические и общедемократические издания. Москва: Наука, 1981, 1981. 388 с.
64. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX -начала XX века. 1980-1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. Москва: Наука, 1982. 373 с.

65. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. 303 с.
66. Луначарский А. В. О чести//Правда. 1905. № 9-10. С.164-181.
67. Макарова Е.А. Проблема русских переселенцев в рецепции Н.С. Лескова// Вестник Томского государственного университета. 2008. № 1 (2). С.58-66.
68. Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С.192-232.
69. Мамин Сибиряк Д. Н. По Зауралью // Южный Урал. 1952. № 8–9. С. 17–87.
70. Мамонтова О. А. Творчество Н. Д. Телешова в контексте русской литературы 1880 – 1920-х гг.: автореф... дис. кан. филол. наук. Томск, 2013. 22 с.
71. Мамонтова О. А. Формирование творческой системы Н.Д. Телешова в контексте литературного быта 1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 9 –12.
72. Мамонтова О.А. Метасюжет переселения в Сибирь в творчестве Н.Д. Телешова// Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С.63-71.
73. Маршак С.Я. О большой литературе для маленьких// URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/147805p5.html> (дата обращения 23.07. 2024)
74. Мельников П.И. Дорожные записки (на пути из Тамбовской губернии в Сибирь //Мельников П.И. Полное собрание сочинений в 7 томах. Санкт-Петербург: т-во А. Ф. Маркс, 1909. 227 с.
75. Минц З.Г. «Новые романтики» К проблеме русского пресимволизма//Минц З.Г. Поэтика русского символизма. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2004. С. 162-174.
76. Муратова К.Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. Москва; Ленинград, 1966. 569 с.
77. Надсон С.Я. Полное собрание сочинений/ Вступ. ст. Г.А. Белого. Подгот. текста и примеч. Ф.И. Шушковской. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. 505 с.

78. Немировича-Данченко В. И. Кама и Урал: очерки и впечатления. Санкт-Петербург: Издательство Маматов, 2021. 456 с.
79. Нечаева В. С. Эпигоны «светского стиля» в русской поэзии конца XIX века // Литература и марксизм. 1929. № 4. С. 123-127.
80. Новиковой А.М. Русское народное поэтическое творчество. Москва: Изд. «высшая школа», 1984. 399 с.
81. Орлов В. Перепутья. Из истории русской поэзии начала ХХ века. М., 1976. 368 с.
82. Пантелеева К. Николай Дмитриевич Телешов // Телешов Н. Д. Избранные произведения. Москва: «Художественная литература», 1985. С. 3–18.
83. Пантелеева К.Е. Н.Д. Телешов (к проблематике творчества).: автореф... дис. кан. филол. наук. Москва, 1971. 14 с.
84. Печерская Т.И. Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII – начала ХХ вв.”: к постановке проблемы//Русский травелог XVIII -XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С.8-20.
85. Пирогов Н. И. Вопросы жизни// Морской сборник. 1856. № 9. С.559-597.
86. Плеханов Г.В. Гл. И. Успенский// Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Москва: Госполитиздат, 1958. Т. 5. С. 41-96.
87. Плеханов Г.В. Н.И. Наумов// Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Москва: Госполитиздат, 1958. Т. 5. С. 138-160.
88. Плеханов Г.В. С. Каронин// Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Москва: Госполитиздат, 1958. Т. 5. С. 96 -138.
89. По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX - начала ХХ века /Отв. ред. Е.Г. Власова. Санкт-Петербург: Маматов, 2023. 260 с.
90. Протопопов М. Простые таланты //Русская мысль. 1903. № 3. С.3-4.

91. Прутков Н. И. Расцвет реализма. Проза писателей-народников//История русской литературы. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1982. Т.4. С.
92. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. Т.2. 428 с.
93. Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. LEV. 1981: 85. Rue Rambuteau. 75001. Paris. С. 15
https://archive.org/details/1981_20230104/page/n7/mode/2up (дата обращения 25.09.2023)
94. Русская литература конца XIX - начала XX в.: В 3 т. Девяностые годы. Москва: Наука, 1968-1972, 1968. 502 с.
95. Савушкина Н.И. Постижение глубин фольклоризма // Фольклор в современном мире: аспекты и пути исследования. Москва: Наука, 1991. С. 11–37.
96. Сазонова Е.А. Литературные объединения России конца XIX – начала XX века// Проблемы современной науки и образования. 2013. – № 2 (16). – С.69-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-obedineniya-rossii-kontsa-xix-nachala-xx-veka/viewer> (дата обращения 06.03.2023)
97. Скатов Н.Н. Поэты некрасовской школы. Ленинград: Изд-во «Просвещение», 1968. 224 с.
98. Скиталец Повесть и рассказы. Воспоминания. Москва: Московский рабочий. 1960. 531 с.
99. Соболева Ю. Н. Телешов// Журналист. 1925.№ 3. С. 8-14.
100. Созина Е. Писатели-этнографы в русской литературе второй половины XIX века: ремесленники, популяризаторы,nomads от литературы?// Acta Universitatis Lodzienensis Folia Litteraria Rossica. March 2018. С.21–33.
101. Соколов Н.И. Проза писателей-народников//История русской литературы: в 4-х т. Расцвет реализма. Ленинград: Наука, 1985.Т.3. С.568-583.

102. Спиридонова (Евстигнеева) Л.А Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977. 304 с.
103. Судьбы русского реализма начала ХХ века [Сборник статей] / Под ред. [и с предисл.] К.Д. Муратовой; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 283 с.
104. Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 20 – 21.
105. Томашевский Б. Пушкин – читатель французских поэтов// Пушкинист / под ред. проф. С. А. Венгерова IV. Москва, Петроград: Гос. изд-во, 1922. С.210-211.
106. Трефолев Л. Н. Песня о камаринском мужике. URL: <http://www.m-necropol.ru/trefolev-1n.html> (дата обращения 13.06.2023).
107. Туманян Ованес. Избранное. Стихи и проза. Тбилиси: Заря Востока, 1937. 189 с.
108. Туманян Ованес. Избранные произведения. Москва: Гослитиздат, 1937. 255 с.
109. Успенский Г. И. Рассказы и очерки. Москва: ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы, 1944. 295 с.
110. Успенский Г.И. Поездки к переселенцам. В переселенческих бараках// Успенский Г.И. Собрание сочинений: В 9 томах. / Под общ. ред. В.П. Друзина; Подгот. текста и примеч. А.В. Западова. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т.8. С.282-291.
111. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. С предисл. Н. Лосского. Москва: Институт Русской цивилизации, 2009. 848 с.
112. Хе Ци, Поздеев В.А. Духовные традиции древнерусской литературы в рассказах Н.Д. Телешова начала ХХ века // Литература Древней Руси и Нового времени: Материалы XII всероссийской конференции, посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, Москва, 01–02 декабря 2022 года / Под общей редакцией Е.В. Николаевой и Н.В.

Трофимовой. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 201-209.

113. Чарская Л.А. Сказки голубой феи. СПб.: М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1912. 182 с.

114. Черепахов М. С. Работа над очерком. Москва: Изд-во Московского университета, 1966. 95 с.

115. Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем в 30 т. Москва: Наука, 1974-1983.

116. Чулков Г. Годы странствий / вступ. статья, сост., под-гот. текста, comment. М. В. Михайловой. Москва: Эллис Лак, 1999. 864 с.

117. Шемелова М. И., Творчество Н. Д. Телешова//Вестник ЛГУ. Сер. истории яз. и литры. 1957. № 14. С. 94–108.

118. Шруба Манфред. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

119. Щенникова Л. П. О культурно-историческом значении русской поэзии 1880-1890-х годов (С. Надсон, Н. Минский)// Известия Уральского государственного университета. Серия «Проблемы образования, науки и культуры». Вып. 13. (№25). Екатеринбург, 2003. С. 45–60.

120. Щенникова Л.П. Русская поэзия 1880-1890-х годов как культурно-исторический феномен: автореф. дисс д. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 48 с.

121. Carolyn R. Miller. Genre as a social action // Quarterly journal of speech. 1984. Pp. 151–167.

122. John W. Swales Genre Analysis. English in Academic and Research Settings. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1999. 260 p.